

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор,
Председатель Следственного комитета РФ (г. Москва)

Члены редакционного совета:

И.А. Алебастрова, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А. Герлох, профессор Карлова университета в Праге (Чехия);

Л. Гоцян, профессор Китайского университета политических наук и права (Китай);

В.А. Гуреев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Н.Г. Иванов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Л. Казертано, профессор частного права Университета INSUBRIA (Италия);

И.М. Колосова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Морозов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

В.В. Оксамытный, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ИМПЭ им. А.С. Грибоедова (г. Москва);

Ю.А. Свиринов, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права СГЮА (г. Саратов);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России)
Б.В. Яцеленко (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России)
Е.В. Фоменко (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Т.А. Батрова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридический наук, доцент (г. Москва);

А.В. Безруков, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Е.Г. Беликов, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Д.Х. Валеев, доктор юридических наук, профессор (г. Казань);

О.Н. Волкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.С. Галиев, кандидат юридических наук, доцент (г. Барнаул);

А.В. Денисова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор (г. Москва);

К.Д. Крылов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.В. Кулыгин, доктор юридических наук, профессор (г. Хабаровск);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Рязань);

А.Н. Лёвшин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.В. Малеванова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.Г. Нурмагамбетов, кандидат юридических наук, доктор философии по праву PhD, доцент (ассоциированный профессор) (г. Челябинск);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.Е. Чаннов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.Ю. Чупрова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2021

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastrykin, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

I.A. Alebastrova, Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and International Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A. Gerloch, Professor at Charles University in Prague (Czech Republic);

L. Guoqiang, Professor at China University of Political Science and Law (China);

V.A. Gureev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

N.G. Ivanov, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice (Moscow);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

L. Kazertano, Professor of Private Law at University INSUBRIA (Italy);

I.M. Kolosova, PhD in Law, Head of the Department of Criminal Procedural Law and Criminalistics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

E.B. Kozlova, Doctor of Law, of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Morozov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

V.V. Oksamytny, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboedov (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy (Saratov);

Yu.A. Svirin, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University. (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice **B.V. Yatselenko** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Leading Researcher at the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice **E.V. Fomenko** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

T.A. Batrova, Doctor of Law (Moscow);

E.G. Belikov, Doctor of Law (Saratov);

A.V. Bezrukov, Doctor of Law (Krasnoyarsk);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

S.E. Channov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

A.Yu. Chuprova, Doctor of Law, Professor (Moscow)

A.V. Denisova, Doctor of Law (Moscow);

R.S. Galiev, PhD in Law (Barnaul);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.M. Kazachkova, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow);

K.D. Krylov, Doctor of Law (Moscow);

V.V. Kulygin, Doctor of Law, Professor (Khabarovsk);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Ryazan);

A.N. Lyovushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.V. Malevanova, PhD in Law (Moscow);

R.G. Nurmagametov, PhD in Law (Chelyabinsk);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Kazan);

A.G. Repeyev, Doctor of Law (Moscow);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

D.Kh. Valeev, Doctor of Law, Professor (Kazan);

O.N. Volkova, PhD in Law (Moscow)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующей им отрасли науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки), 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки), 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения (юридические науки), 12.00.06 –

Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (юридические науки), 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки), 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право (юридические науки), 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки), 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки), 12.00.12 – Криминология; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки), 12.00.13 – Информационное право (юридические науки), 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки), 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Паршина Н. В.

Особенности законодательного регулирования
повального обыска в России (XV–XIX вв.):
историко-правовой дискурс.....5

Казачкова З. М.

Законодательство США о противодействии
коррупционной практике за рубежом:
политико-правовые императивы, парадоксы
их проявления 11

Балицкий И. И., Яковлев А. В.

Инновационные тенденции развития
законодательства о кадровом обеспечении
органов государственной власти 19

Минтягов С. А.

Законность как юридическая категория
в деятельности военной полиции
Вооруженных Сил Российской Федерации..... 27

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Кондратьев Ю. А.

Проблемы совершенствования норм об организации
запрещенной в Российской Федерации организации
и участия в деятельности такой организации
(ст. 205⁵, 282² УК РФ) 33

Батюкова В. Е.

К вопросу о соотношении понятий
экстремизма и терроризма 40

Валов С. В.

Национальная система профилактики
правонарушений: понятие, основные элементы,
правовые и организационные основы 46

Колесников А. В.

Сравнительный анализ взаимодействия органов
местного самоуправления с населением
в России и за рубежом 57

Пашин В. М., Аушев М. А.

Некоторые организационно-правовые проблемы
предварительного расследования в период
пандемии COVID-19 и пути их решения..... 64

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Илюшина М. Н.

Проблемы совершенствования
законодательства о взыскании недоказанных
доходов как самостоятельного направления
антикоррупционного законодательства..... 69

Ерохина Е. В., Шагивалеева И. З.

Эколого-правовое образование несовершенно-
летних: социальная значимость, нормативно-
правовая база, субъекты, методика 76

Слабоспицкий А. С.

Дистанционное рассмотрение гражданских
и экономических споров в период пандемии
(опыт Австралии и Китая) 82

Каменева З. В.

Гражданско-правовой режим биологического
материала человека..... 89

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ.
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Филиппов С. А.

Новеллы судебной практики применения
Федерального закона «Об обязательном
страховании гражданской ответственности
владельцев транспортных средств»..... 95

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Акимова В. В.

Преступления против интересов службы
в коммерческих и иных организациях:
эволюция, сущность и обоснование
регламентации 105

Малышева А. И.

Законодательная дефиниция и доктринальные
подходы к определению интеллектуальной
собственности 114

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Наумов А. В.

Рецензия на книгу «Курс уголовного права:
в 5 т. Особенная часть. Т. 3 / под науч. ред.
И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. Минск:
Издательский центр БГУ, 2021. 840 с.» 122

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY.
THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Natalya V. Parshina
Features of Legislative Regulation of General Search in Russia (15th–19th Centuries): Historical and Legal Discourse5

Zemfira M. Kazachkova
U.S. Legislation Against Corrupt Practices Overseas: Political and Legal Imperatives, the Paradoxes of Their Manifestation 11

Ivan I. Balitsky, Alexander V. Yakovlev
Innovative Trends in the Development of Legislation About Human Resources Management of Public Authority 19

Stanislav A. Mintyagov
Legality as a Legal Category in the Activities of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation 27

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Yuri A. Kondratiev
Problems of Improvement of Norms on the Organization of the Organization Forbidden in the Russian Federation and Participation in Activity of Such Organization (Articles 205⁵, 282² of the Criminal Code of the Russian Federation) 33

Vera E. Batyukova
On the Relationship of the Concepts of Extremism and Terrorism 40

Sergey V. Valov
National System for the Prevention of Offences: Concept, Main Elements, Legal and Institutional Framework 46

Andrei V. Kolesnikov
Comparative Analysis of Interaction of Local Government Bodies with the Population in Russia and Abroad 57

Vadim M. Pashin, Mikhail A. Aushev
Some Organizational and Legal Problems of Preliminary Investigation During the COVID-19 Pandemic and Ways to Solve Them 64

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Marina N. Ilyushina
Problems of Improving Legislation on the Recovery of Unproven Income as an Independent Direction of Anti-corruption Legislation 69

Elena V. Erokhina, Indira Z. Shagivaleeva
Environmental Law Education of the Underaged: Social Significance, Legal Framework, Subjects, Methodology 76

Anatoly S. Slabospitsky
Remote Consideration of Civil and Economic Disputes during the Pandemic (Experience of Australia and China) 82

Zoryana V. Kameneva
Civil Law Regime of Human Biological Material 90

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Sergey A. Filippov
Novels of Judicial Practice in the Application of the Federal Law “On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners” 95

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Valentina V. Akimova
Crimes Against the Interests of Service in Commercial and Other Organizations: Evolution, Essence and Justification of the Regulation 105

Angelina I. Malysheva
Legislative Definition and Doctrinal Approaches to the Definition of Intellectual Property 114

REVIEWS, PERSONALITIES

Anatoly V. Naumov
Review of the Book “The Course of Criminal Law. In 5 Vols. Special Part. Vol. 3 / Ed. by I.O. Gruntov, A.V. Shidlovskii. Minsk: BSU Publishing Center, 2021. 840 p.” 122

**ОСОБЕННОСТИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПОВАЛЬНОГО ОБЫСКА В РОССИИ (XV–XIX ВВ.):
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-4-10>

Актуальность исследования правовой природы повального обыска в отечественном законодательстве обусловлена необходимостью комплексного историко-правового анализа данного вида доказательств в уголовном процессе, который занимал ведущее место на стадии предварительного расследования в течение нескольких столетий. Исходя из формальной оценки доказательств, законодатель отводил важную роль показаниям так называемых добрых людей, предоставляющих следствие и суду сведения о личности обвиняемого, которые в отдельных случаях могли являться бесспорным доказательством его виновности. Предметом исследования являются особенности правового регулирования повального обыска, а также фактическая практика его применения в Российском государстве (в XV–XIX вв.). Целью исследования выступает выявление особенностей эволюции повального обыска в отечественном законодательстве с точки зрения смены исторических эпох и направленной государственной политики в области предварительного следствия. Методологию исследования образуют формально-юридический, историко-правовой и историко-сравнительный методы. В ходе исследования сделан вывод о том, что повальный обыск на протяжении всего законодательного закрепления в нормативно-правовых актах царской России претерпел существенные изменения. Так, в период образования Русского централизованного государства и начальный период сословного представительства повальный обыск применялся для избличения преступника, не оставляя последнему возможности оспаривать показания «добрых людей». В период абсолютизма повальный обыск приобретает новое значение – с помощью этого доказательства законодатель ограничивает применение пытки. Значительные изменения институт повального обыска претерпевает в течение XIX в. В первой половине этого столетия повальный обыск уже относится к несовершенному виду доказательств и применяется в основном только для оценки личности обвиняемого. В результате Судебной реформы 1864 г. этот вид доказательств трансформируется в «дознание через окольных людей», где существенно изменяется порядок его проведения и ограничивается сфера применения.

ПАРШИНА

Наталья Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Кубанского
государственного университета
(г. Краснодар)

natalya.v.parshina2012@yandex.ru

**Повальный обыск;
система доказательств;
уголовный процесс;
предварительное следствие;
законодательство**

Natalya V. PARSHINA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Theory and History of State and Law,
Kuban State University (Krasnodar)

natalya.v.parshina2012@yandex.ru

**FEATURES OF LEGISLATIVE REGULATION
OF GENERAL SEARCH IN RUSSIA (15TH–19TH CENTURIES):
HISTORICAL AND LEGAL DISCOURSE**

The relevance of the study of the legal nature of general search in domestic legislation is due to the need for a comprehensive historical and legal analysis of this type of evidence in criminal proceedings, which has occupied a leading place at the stage of preliminary investigation for several centuries. Based on the formal assessment of evidence, the legislator assigned an important role to the testimony of so-called “good people” who provide the investigation and

**General search;
system of evidence;
criminal procedure;
preliminary investigation;
legislation**

the court with information about the identity of the accused, which in some cases could be indisputable proof of his guilt. The subject of the study is the peculiarities of the legal regulation of general search, as well as the actual practice of its application in the Russian state (in the 15th–19th centuries). The aim of the study is to identify the features of the evolution of general search in the domestic legislation in terms of changing historical epochs and directions of state policy in the field of preliminary investigation. The methodology of the research is formed by formal legal, historical-legal and historical-comparative methods. In the course of the study, it is concluded that the general search throughout the entire legislative consolidation in the normative legal acts of tsarist Russia, has undergone significant changes. Thus, during the formation of the Russian centralized state and the initial period of class representation, a general search will be used to expose the criminal, leaving the latter no opportunity to challenge the testimony of “good people”. During the period of absolutism, a general search takes on a new meaning – with the help of this evidence, the legislator restricts the use of torture. The institution of general search underwent significant changes during the 19th century. In the first half of this century, the general search already refers to an imperfect type of evidence and is used mainly only to assess the identity of the accused. As a result of the judicial reform of 1864, this type of evidence is transformed into “inquiry through devious people”, where the order of its conduct is significantly changed and the scope of application is limited.

Доказательства в уголовном судопроизводстве являются фундаментом достижения истины при расследовании любого преступления. Понятно, что вся система доказательств в судебном процессе складывалась поэтапно в разные исторические эпохи становления и развития нашего государства. Поэтому небезынтересно обратиться, пожалуй, к одному из самых сложных и противоречивых способов получения доказательств в отечественном уголовном процессе – повальному обыску. Повальный обыск лег в основу розыскного (инквизиционного) процесса в России, просуществовавшего вплоть до проведения судебной реформы 1864 г. Поэтому исследование особенностей его законодательного оформления как раз необходимо проанализировать через призму смены исторических периодов в России, сопровождавшихся изменением не только различных государственных институтов, но и правовых норм.

С позиции эволюции законодательства наиболее значимыми хронологическими этапами в изучении данного вопроса выступает период образования Русского централизованного государства (а именно вторая половина XV в.), который характеризуется принятием Судебника 1497 г., а также период сословно-представительной монархии (в частности, с середины XVI до конца XVII в.), ознаменовавший появление новых нормативно-правовых актов – Судебника 1550 г. и Соборного уложения 1649 г. В эти исторические периоды перманентно происходит становление, закрепление и развитие данного способа получения доказательств в уголовном процессе. Следующим

важным этапом в историко-правовом исследовании повального обыска выступает период абсолютной монархии, когда законодатель не только существенно изменил порядок его применения, но и значительно снизил юридическую силу последнего, что было связано в первую очередь с отменой формальной системы доказательств во второй половине XIX в.

Вообще, повальный обыск представлял собой «допрос под присягой окольных жителей, т.е. ближайших соседей обвиняемого, которые могут знать об исследуемом происшествии и, особенно, о поведении обвиняемого» [1, с. 132]. Впервые повальный обыск находит нормативное закрепление в Судебнике 1497 г. и становится способом обнаружения «ведомого лихого человека». В соответствии с данным памятником права в случае совершения преступления на место происшествия прибывали недельщики с целью розыска преступников. Они производили допрос местных жителей («добрых людей» – землевладельцев, духовенства, зажиточных крестьян) о подозреваемых. Показания пяти-шести детей боярских или целовальников служили основанием для суда взыскивать с «облихованного» человека «истцову гибель бес суда» [2, с. 385]. При поимке преступника с поличным показания «добрых людей» о том, что подозреваемый и раньше был уличен в воровстве – «тать ведомый», – влекли для «облихованного» лица смертную казнь.

Важно подчеркнуть, что законодатель неодинаково оценивал показания свидетелей. Так, если показания «добрых людей» выступали безоговорочным доказательством виновности обвиняемого, то в случае,

когда свидетелем по делу выступал тать (вор), его показания подвергались проверке. В данной ситуации устанавливалось, имел ли обвиняемый «прирок с доводом», т.е. не совершал ли он ранее преступление. При наличии доказательств этого факта обвиняемый подвергался пытке. В. И. Сергеевич по этому поводу отмечал, что «показать что-либо с доводом, значит сказать, что такой-то человек ограбил тогда-то и такого-то человека, ограбленное отнес в такое-то место и т.д.» [3, с. 619–620]. Если же подозреваемый, в отношении которого свидетельствовал вор, ранее не совершал преступления, его отдавали на поруки до выяснения всех обстоятельств с помощью повального обыска.

В первой половине XVI в. формируется губное управление, которое широко применяло повальный обыск на местах. Фактически губные учреждения представляли собой органы уголовной юстиции. Они наделялись властью царскими грамотами, в соответствии с которыми осуществляли судебные функции. Для этого население отдельной местности избирало органы губного управления – губных старост и губных целовальников, в чьи полномочия входило расследование преступлений, совершенных «ведомыми лихими людьми» посредством использования различных розыскных методов. Первоначально губное право распространялось только на разбой, но со временем губным учреждениям стали подсудны дела о душегубстве (убийстве), краже с поличным и других видах преступлений.

В дореволюционной литературе отмечается, что «повальный обыск в губном производстве имел двойное значение: с одной стороны служил поводом для начала сыскного дела, с другой – судебным доказательством» [4, с. 48]. Так, например, согласно нормам Белозерской губной грамоты 1539 г. «повальный обыск» применялся для изобличения уже известных «лихих людей». А в случае если и пособник преступника был признан в результате повального обыска «ведомым лихим человеком» [5, с. 201], то он подлежал тем же санкциям, что и исполнитель преступления, – телесному наказанию и смертной казни.

В период сословного представительства в России правила ведения повального обыска продолжали регламентироваться в губных грамотах и новом Судебнике 1550 г. В частности, согласно нормам Медынского губного наказа 1555 г. при производстве повального обыска в нем принимали участие представители духовенства, приносящие присягу согласно религиозным обычаям. Итоги повального обыска отражались в протоколе, с указанием подписей всех лиц, которые участвовали в его проведении. Судебник 1550 г. наряду с собственным признанием относил повальный обыск к основному виду доказательств. И если по Судебнику 1497 г. пытка применялась только к оговоренно-

му или оговоренным татем лицам, то уже в Судебнике 1550 г. ей подвергались все обвиняемые в краже с поличным, изобличенные в результате повального обыска. К тому же по нормам нового Судебника число допрашиваемых «добрых людей» было увеличено до 10–20 человек (по Судебнику 1497 г. достаточно было опросить 5–6 человек). Повальный обыск считался большим, когда производился в пределах от 15 до 20 верст, и малым, когда такой обыск проходил в пределах места жительства подозреваемого, т.е. опрашивались его ближайшие соседи.

Надо сказать, что повальный обыск широко применялся при расследовании преступлений против государства. Здесь интересен пример из практики применения этого доказательства, который упоминает в своей работе дореволюционный юрист В. В. Сокольский. Так, в 1647 г. «жена... Федьки Лободы Арина говорила на пирушке «непригожие речи» на Великого Государя; на нее подан был извет и на очной ставке она повинилась, оправдываясь однако ж случившимся с ней тогда припадком падучей болезни. Вследствие этого повелено было обыскать... *всякими людьми* страдает ли она падучим недугом... По исходу обыска и приказано было вершить дело» [6, с. 111].

В то же время «как доброе мнение общины о подсудимом не давало ему полного освобождения от взыскания, так и доброе мнение не имело полной обязательной силы для судьи...» [7, с. 135]. Повальный обыск служил безусловным доказательством только в случае, если наряду с признанием подсудимого «лихим человеком» «добрые люди» обвиняли его в совершенном преступлении или когда имелись улики, достаточные для признания «облихованного» виновным. При этом собственное признание было достаточным основанием виновности лица в преступлении. В таком случае повальный обыск не проводился.

Повальный обыск получает свое дальнейшее закрепление и в нормах Соборного уложения 1649 г. Но здесь результаты повального обыска разрешалось оспаривать [8, с. 154]. Заинтересованная сторона могла доказывать, что большинство опрошенных лиц дали ложные показания. В этом случае для свидетелей, дающих противоположные показания, проводилась очная ставка. Если представители меньшинства не уличали большинство во лжи, то они могли договориться о применении пытки. Ложные показания и отказ от показаний строго наказывались. Так, характеризуя нормы повального обыска в Соборном уложении 1649 г., правовед Г. Г. Тельберг подчеркивал, что в этом нормативно-правовом акте «заметны уже черты недоверия законодателя к показанию обыскных людей... здесь интересы власти, ее спокойствие и безопасность затрагиваются слишком непосредственно, чтобы она могла судебную защиту их поста-

вить в зависимость от показаний обыскных людей» [9, с. 209]. Вообще, повальный обыск зачастую вел к злоупотреблениям со стороны тяжущихся сторон. Наглядным выступает следующий случай, имевший место в XVII в.: «Один челобитчик созвал к обыску из дальних мест до полутораэта человек, вовсе не знавших спорной пустоши, и целых три дня поил их; а в это время писались обыски; обыскные люди не знали, что писали, а попы и приказчики, к чему прикладывали руки» [10, с. 416].

В XVIII в. повальный обыск утрачивает прежнее значение в уголовном процессе. Сам Петр I не рассматривал его в качестве основания виновности лица в преступлении без дополнительных доказательств. Интересно, что применение повального обыска было существенно ограничено и в начале XIX в. после отмены императором Александром I такого способа получения доказательств, как пытка [11].

Повальные обыски использовались только в двух случаях: во-первых, когда нужно было собрать сведения о поведении подсудимого; во-вторых, когда требовалось уяснить такое обстоятельство, которое могло быть известно всем или многим жителям одного и того же места [6, с. 149]. Такие основания упоминались и в Своде законов Российской империи 1832 г. Законодатель закреплял, что повальный обыск мог быть малым, когда допрашивались «ближние окольные люди», и большим, когда наряду с первыми допросу подлежали и «дальние окольные люди». Все допрашиваемые лица приводились к присяге в церкви либо в домах следственных комиссий или следователей. Закон устанавливал круг лиц, которые устранялись от дачи показаний: безумные и сумасшедшие, глухонемые, малолетние до 15 лет, дети против родителей, крепостные люди, отпущенные на свободу, по делам их бывших помещиков и др. (ст. 260, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи). Важно отметить, что повальный обыск относился к несовершенному виду доказательств (ст. 339, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи), т.е. такому, которое не исключало «возможности к показанию невиновности подсудимого» (ст. 307, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи). Кроме того, Свод закреплял, что «никто не может быть осужден без точных доказательств или явных улик в преступлении» (ст. 304, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи). Лицо, осуществлявшее проведение повального обыска, было обязано «обыскивать в правду, другу не дружить, а недругу не мстить» (ст. 266, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи) [12].

Также при проведении повального обыска требовалось соблюдать установленные правила, в том числе: не давать «обыскным людям» так называемых обыскных писем, где бы могли содержаться указания, какую оценку дать личности подсудимого; «обыскные

люди» обязаны были говорить только правду «не боясь никого, и ни оказывая никому пристрастия»; допрос каждого из «обыскных людей» осуществлялся порознь; помещиков было запрещено допрашивать вместе их с крепостными крестьянами.

С помощью таких правовых норм законодатель стремился к получению объективных и беспристрастных сведений со стороны «обыскных людей». При этом обвиняемый, с помощью улик, имел право опровергнуть их показания. Если, например, большая часть «обыскных людей» давала порочащие показания в отношении обвиняемого, а он был не согласен с их доводами и указывал, что правдивые сведения представила меньшая часть от общего числа допрашиваемых, то тогда из каждой половины выбирали по одному человеку из «лучших людей» и, «поставив их с очей на очи», органами дознания исследовалось, чье показание справедливое. Кроме этого в случае дачи заведомо ложных показаний «обыскные люди» подвергались уголовному наказанию. Число «обыскных людей» для допроса в отношении одного обвиняемого могло достигать 100 человек. В соответствии с нормами Свода законов Российской империи свидетелем давались, например, показания следующего характера: «Отставной Коллежский Секретарь Василий... Соколов поведения хорошего, потому что я никаких неприличных поступков за ним не замечал, и ничего такого, что могло бы приносить ему бесчестье, за ним не знаю, что и показываю по долгу принятой мною присяги» [13, с. 186]. Уложение о наказаниях уголовных исправительных 1845 г. также регламентировало проведение повального обыска, в то же время устанавливая уголовную ответственность за дачу ложных показаний в отношении обвиняемого. Такие лица подвергались тюремному заключению на срок от трех до шести месяцев (ст. 1171) [14, с. 483].

В ходе судебной реформы повальный обыск преобразовался, согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., в «дознание через окольных людей», список которых формировался по жребию в количестве 12 человек. Однако показания свидетелей больше не являлись основополагающим доказательством виновности обвиняемого. «Окольные люди» имели право давать разъяснения только о «занятиях, связях и образе жизни обвиняемого...», а также в случае, «если сей последний в показаниях своих...» по делу «сошлется на окольных людей» (ст. 454 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) [15, с. 126]. При этом обвиняемый имел право заявить отвод не более чем двум окольным людям без объяснения причин (ст. 463 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Любопытно, что такой способ получения доказательств в XIX в. оценивался современниками весьма негативно: «...с какой стороны ни рассматривать дознание через окольных людей, как следственное действие, необходимо при-

знать, что оно никакой существенной практической пользы делу не приносит, а скорее даже оказывает вред, бесцельно замедляя следствие» [16, с. 55]. Кроме того, «значение этого средства следственного действия умоляется еще тем обстоятельством, что применяется оно не по производству всех уголовных дел, а только тех, по которым производится предварительное следствие, так что мировая юстиция вовсе лишена возможности пользоваться им» [17, с. 355].

Таким образом, реформа 1864 г. закрепила новые принципы и стадии судопроизводства в России, стала значительным шагом в усовершенствовании

предварительного расследования. Повальный обыск как формальное доказательство по сути остался пережитком прошлого. Теперь «голос народа» в суде представляли присяжные заседатели, имевшие гарантированное право до вынесения вердикта в отношении обвиняемого изучить все допустимые доказательства, представленные суду как прокурором, так и присяжным поверенным. Это обеспечивалось принципами равноправия и состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, принципами, которые законодательно закреплены и в современном Российском государстве.

Пристатейный библиографический список

1. *Устимович М. П.* Записки военного судопроизводства для юнкерских училищ. СПб. : Тип. В. Безобразова и К^о, 1865.
2. Памятники русского права. Вып. 3 : Памятники права периода образования Русского централизованного государства: XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Госюриздат, 1955.
3. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910.
4. *Шалфеев Н. П.* Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб. : Тип. Морского министерства, 1868.
5. Памятники русского права. Вып. 4 : Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства: XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Госюриздат, 1956.
6. *Сокольский В. В.* Главнейшие моменты в истории повального обыска. Киев : Унив. тип., 1871.
7. *Чебышев-Дмитриев А. П.* О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань : Тип. Университета, 1862.
8. Памятники русского права. Вып. 6 : Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. М. : Госюриздат, 1957.
9. *Тельберг Г. Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912.
10. *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М. : Унив. тип., 1859.
11. Именной указ, данный Сенату «Об уничтожении пытки» от 27 сентября 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. 26. № 20022.
12. Свод законов Российской империи. Т. 15 : Законы уголовные. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857.
13. Правила и формы для производства следствий, составленные коллежским советником Е. Ф. Колоколовым, по Своду законов издания 1857 года. М. : Унив. тип., 1859.
14. Уложение о наказаниях уголовных исправительных. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1845.
15. Полный толковый судебник гражданских и уголовных российских законов всех 16-ти томов с указанием о том, в каком томе и в каком отделе, в случае надобности, всякому свое дело следует искать : Государственные законы Российской империи по судебным уставам императора Александра II / сост. частным поверенным Жемчужниковым под редакцией юристов Лунина и Сергеева. М. : Тип. И. П. Малышева, 1901.
16. *Алякринский С. А.* Схема предварительного следствия по уставу уголовного судопроизводства с разъяснениями Правительствующего сената, циркулярными распоряжениями Министерства юстиции и руководящими положениями юридической литературы. М. : Изд. юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1912.
17. *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913.

References

1. *Ustimovich M. P.* Notes of Military Proceedings for Cadet Schools. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co.'s Printing House, 1865.
2. *Cherepnin L. V. (ed.)*. Monuments of Russian Law. Issue 3: Monuments of Law of the Period of Formation of the Russian Centralized State: 14th–15th Centuries. Moscow: Gosiurizdat, 1955.
3. *Sergeevich V. I.* Lectures and Research on the Ancient History of Russian Law. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich's Printing House, 1910.
4. *Shalfeev N. P.* On the Statutory Book of the Robbery Order. St. Petersburg: Maritime Ministry Printing House, 1868.
5. *Cherepnin L. V. (ed.)*. Monuments of Russian Law. Issue 4: Monuments of Law of the Period of Strengthening of the Russian Centralized State: 15th–17th Centuries. Moscow: Gosiurizdat, 1956.
6. *Sokolskii V. V.* The Main Moments in the History of the General Search. Kiev: University Printing House, 1871.
7. *Chebyshev-Dmitriev A. P.* On a Criminal Act According to Russian Pre-Petrine Law. Kazan: University Printing House, 1862.
8. *Sofronenko K. A. (ed.)*. Monuments of Russian Law. Issue 6: The Cathedral Code of Tsar Alexey Mikhailovich of 1649. Moscow: Gosiurizdat, 1957.
9. *Telberg G. G.* Essays on the Political Court and Political Crimes in the Moscow State in 17th Century. Moscow: Imperial Moscow University Printing House, 1912.
10. *Dmitriev F. M.* History of the Courts and Civil Appeals from the Justice of Laws Prior to the Establishment of the Provinces. Moscow: University Printing House, 1859.
11. Nominal Decree Given to the Senate "On the Destruction of Torture" on 27 September 1801. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. St. Petersburg, 1830. Collection I. Vol. 26. No. 20022.
12. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 15. Criminal Laws. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1857.
13. Rules and Forms for the Production of Investigations, Compiled by the Collegiate Adviser E. F. Kolokolov, According to the Code of Laws of the Publication of 1857. Moscow: University Printing House, 1859.
14. The Code on Punishments of Criminal Correctional. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845.
15. *Zhemchuzhnikov (comp.)*. A Complete Explanatory Sudebnik of Civil and Criminal Russian Laws of All 16 Volumes with an Indication of in Which Volume and in Which Department, If Necessary, Everyone Should Look for Their Own Business: State Laws of the Russian Empire According to the Judicial Statutes of Emperor Alexander II. Moscow: I. P. Malyshev's Printing House, 1901.
16. *Aliakrinskii S. A.* Scheme of Preliminary Investigation under the Statute of Criminal Proceedings with Explanations of the Governing Senate, Circular Orders of the Ministry of Justice and Guidelines of Legal Literature. Moscow: Edition of the I. K. Golubev's Legal Bookstore "Pravovedenie", 1912.
17. *Sluchevskii V. K.* Textbook of Russian Criminal Procedure. Judicial System – Legal Proceedings. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich's Printing House, 1913.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО США О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ ЗА РУБЕЖОМ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ, ПАРАДОКСЫ ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-11-18>

Актуальность данной проблемы состоит в необходимости детализации одного из существенных сегментов законодательства о противодействии коррупции, связанного с предотвращением коррупционной практики за рубежом. В США на фоне ряда крупных коррупционных скандалов, прежде всего Уотергейта, сформировались инструменты антикоррупционной политики за рубежом, которые сначала применялись спорадически, а затем на фоне обновления антикоррупционного законодательства приобрели больший вес, повлияли не только на принятие специальной конвенции ОЭСР, заключение ряда международных соглашений, но и на развитие антикоррупционных правовых средств, в том числе в корпоративном секторе многих государств. Одновременно происходил процесс внедрения антикоррупционных стандартов и антикоррупционного комплаенса. Вместе с тем подчеркнута противоречивое влияние политических процессов в США на реализацию норм, усиление проявления двойных стандартов и оценку торговли влиянием представителей политической элиты США в странах, представляющих стратегический политико-экономический интерес. Цель данной статьи состоит в выявлении глубинных причинно-следственные связей, обуславливающих необходимость принятия закона о коррупции за рубежом; исследовании положений о борьбе с подкупом иностранных лиц, о бухгалтерском учете. Предметом данной статьи являются вопросы институционализации противодействия коррупционным практикам за рубежом на основе изучения российских и зарубежных источников, статистических данных. В статье прослеживаются логика, эндогенные и экзогенные факторы, повлиявшие на модели антикоррупционной политики в зарубежных странах; диалектика запретов, санкций и их изъятий в политико-правовой парадигме. Методологическую основу составили методы формальной и диалектической логики, сравнительно-правовой и сравнительно-исторический методы анализа и изложения. Новизна данной статьи состоит в обосновании парадоксов парадигмы о противодействии коррупционным практикам за рубежом в условиях нарушения баланса права и внешней политики США.

**КАЗАЧКОВА
Земфира Мухарбиевна**

доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
административного и финансового
права Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

zem7900@yandex.ru

**Коррупция;
взяточничество;
зарубежные корпоративные
платежи;
иностранное должностное
лицо;
антикоррупционный
комплаенс;
национальный интерес;
национальная безопасность**

Zemfira M. KAZACHKOVA

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Administrative and
Financial Law, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

zem7900@yandex.ru

**U.S. LEGISLATION AGAINST CORRUPT PRACTICES
OVERSEAS: POLITICAL AND LEGAL IMPERATIVES,
THE PARADOXES OF THEIR MANIFESTATION****

* Работа выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00729 «Разработка антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления»..

** The article was prepared in the framework of the Russian Foundation for Basic Research grant No. 19-011-00729 "Development of Anti-Corruption Legislation in the Field of Public Administration".

**Corruption;
bribery;
foreign corporate payments;
foreign official;
anti-corruption compliance;
national interest;
national security**

The urgency of this problem lies in the need to detail one of the essential segments of anti-corruption legislation related to the prevention of corrupt practices abroad. In the United States, against the backdrop of a number of major corruption scandals, primarily Watergate, anti-corruption policy instruments were formed abroad, which were first applied sporadically, and then, against the background of anti-corruption legislation being updated, gained more weight, influenced not only the adoption of a special OECD convention, the conclusion of a number of international agreements, but also on the development of anti-corruption legal means, including in the corporate sector of many states. At the same time, the process of introducing anti-corruption standards and anti-corruption compliance took place. At the same time, the controversial influence of political processes in the United States on the implementation of norms, increased manifestation of double standards and the assessment of trade by the influence of representatives of the U.S. political elite in countries of strategic political and economic interest is emphasized. The purpose of this article is to identify deep causal links, determining the importance of adopting a law on corruption abroad; research on anti-bribery provisions; including accounting legislation. The subject of this article is the institutionalization of countering corruption practices abroad based on the study of Russian and foreign sources, statistical data. The article traces the logic of endogenous and exogenous factors that influenced the anti-corruption policy models in foreign countries; dialectics of prohibitions, sanctions and exemptions in the political and legal paradigm. The methodological basis was formed by the methods of formal and dialectical logic, comparative legal and comparative historical methods of analysis and presentation. The novelty of this article lies in the substantiation of the paradigm of countering corruption practices abroad in the context of an imbalance in U.S. law and foreign policy.

Противодействие коррупции включает целый комплекс превентивных мер: прозрачное управление финансами государства; борьбу с отмыванием денег; неотвратимость ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения; поиск и возврат похищенного имущества; меры, направленные на репатриацию капиталов. В условиях глобализации, роста внешнеэкономических сделок политика любого государства включает такой важный сегмент, как противодействие коррупционной практике за рубежом.

Данный сегмент законодательства испытывает на себе серьезное влияние не только формально-юридических ограничений, но и факторов политико-экономического свойства.

Более 40 лет назад в США был принят специальный закон – *U.S. Foreign Corrupt Practices Act* [1] (далее – *FCPA*), законодательная история которого многократно воспроизведена в самых разных статьях, монографиях, посвященных различным аспектам противодействия коррупционной практике за рубежом [2]. Обнаружение самой проблемы существования незаконных выплат иностранным лицам, в том числе иностранным политическим силам, произошло на фоне финансовых расследований, предпринятых правоохранительными органами США в рамках Уотергейта. В 1973 г. в резуль-

тате такой работы нескольким корпорациям и должностным лицам было предъявлено обвинение в использовании корпоративных средств для незаконных внутриполитических взносов. Сотрудники Комиссии по ценным бумагам и биржам обнаружили фальсификации корпоративных финансовых отчетов, предназначенные для сокрытия корпоративных средств, использованных в незаконных целях, а также существование неучтенных секретных фондов, направляемых на сомнительные или незаконные иностранные платежи. С 1975 по 1977 г. имели место многочисленные слушания Конгресса о так называемых проблемах зарубежных корпоративных платежей. В слушаниях участвовали представители Государственного департамента, Министерства обороны, Министерства юстиции США, Министерства торговли США, Министерства финансов, а также представители Комиссии США по ценным бумагам и биржам. К слушаниям также привлекались представители юридической науки и гражданского общества.

Накануне принятия данного акта более 400 американских корпораций признали, что осуществляют сомнительные или незаконные платежи. Большинство компаний добровольно сообщили о выплате более 300 млн долл. корпоративными фондами иностранным правительственным чиновникам, политикам и по-

литическим партиям. В число этих корпораций вошло несколько крупнейших компаний в США; более 117 из них находились в числе 500 ведущих компаний. Наиболее втянутыми в орбиту коррупционных платежей оказались такие сектора экономики, как фармацевтика и здравоохранение; нефть и газ, продукты питания; аэрокосмическая промышленность, авиалинии и авиасообщение; химическая отрасль [3].

В дальнейшем концепция акта была положена в основу Конвенции о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, принятой Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 21 ноября 1997 г. [4].

Россия присоединилась к данной Конвенции на основе Федерального закона от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» [5].

За прошедшие 40 с лишним лет на основе положений акта США о противодействии коррупционной практике за рубежом было взыскано 19,7 млрд долл. штрафов, а ареал его влияния постепенно охватил 50 стран. Под антикоррупционное преследование в разное время попадали многие известные компании, в том числе из ФРГ, Японии, Китая и других государств. Немецкая корпорация *Daimler AG* и три ее дочерних предприятия урегулировали обвинения, связанные с расследованием *FCPA* в отношении практики продаж компании по всему миру. Среди них была российская дочерняя компания *DaimlerChrysler*, ныне известная как *Mercedes-Benz Russia SAO*, которая также признала себя виновной и согласилась выплатить штраф в размере 27,26 млн долл. США [6]. Прецеденты, связанные с применением *FCPA*, изучаются на юридических факультетах, входят в учебные и просветительские программы, становятся объектом обсуждения в рамках специальных конференций [7].

В концептуальном плане существенными для любого юридического анализа являются вопросы, связанные с терминологией, субъектами, регламентированными правовыми средствами и пределами их применения.

В научной литературе, посвященной анализу релевантного законодательства и антикоррупционной политике, ведутся теоретические споры об уточнении понятий коррупционных действий (проступок, правонарушение, преступление и т.п.), содержится анализ антикоррупционной политики государства.

Две основные идеи положены в основу данного акта: а) борьба с подкупом иностранных лиц как продолжение борьбы со взяточничеством; б) установление строгих правил бухгалтерского учета и финансовой отчетности. Были сформированы запреты в адрес

физических лиц и коммерческих организаций США, а также некоторых иностранных лиц и компаний, действующих на территории Соединенных Штатов (принцип территориальной юрисдикции). Было запрещено совершать коррупционные платежи иностранным должностным лицам для получения или сохранения бизнеса.

Ключевое понятие законодательства о коррупционной практике за рубежом – «иностранное должностное лицо» [8, р. 413–453]. Это любое должностное лицо либо сотрудник иностранного правительства, какого-либо департамента, агентства или организации или публичной международной организации, т.е. любое лицо, действующее в официальном качестве от имени или от имени любого иностранного правительства или департамента, учреждения или организации, или за или от имени любой такой публичной международной организации.

Определение иностранного публичного должностного лица трактуется широко, охватывает любое должностное лицо или сотрудника любого государственного органа (например, мэра, губернатора, законодателя). Под это определение попадают любые департамент, агентство, политическая партия; любое лицо, действующее в любом официальном качестве для такой организации; кандидаты на политическую должность. Важно отметить, что сотрудники иностранных государственных предприятий также считаются иностранными государственными должностными лицами для целей антикоррупционного регулирования.

Положения *FCPA* запрещают умышленное использование почтовых отправлений или любых средств межгосударственной коммуникации и торговли для содействия любому предложению, созданию преференций в оплате сделок, связанных с обещанием заплатить или с разрешением выплаты денег или каких-либо ценностей для любого лица, зная, что все или часть таких денег или ценностей будут предложены, даны или обещаны, прямо или косвенно, иностранному должностному лицу для оказания влияния на него в любом его официальном качестве, побудить иностранное должностное лицо совершать или воздержаться от совершения действий, нарушающих его или ее законную обязанность, или добиваться каких-либо неправомерных преимуществ для оказания помощи в получении преференций для американского бизнеса.

Положения *FCPA* о бухгалтерском учете требуют от компаний, чьи ценные бумаги попадают под законодательство США, вести книги и записи, которые точно и справедливо отражают операции корпорации, и разрабатывать и поддерживать адекватную систему внутреннего контроля бухгалтерского учета. Такой подход реализуется и в Великобритании [9, р. 305–317].

В глобальном плане это умение защитить национальный интерес и национальную безопасность на основе взаимодействия различных правоохранительных органов, на основе применения инструментов уголовно-правового и гражданско-правового воздействия. В последнее время дискуссии перешли в плоскость обсуждения практических вопросов антикоррупционной защиты бизнеса на основе использования возможностей антикоррупционного комплаенса, в том числе на уровне российских компаний, вовлеченных в международный экономический оборот [10, р. 6–12].

Американское законодательство построено таким образом, что борьба со взяточничеством и коммерческим подкупом дополняется нормами о необходимости надлежащего ведения бухгалтерского учета, включая бухгалтерские книги, записи и постановку системы внутреннего контроля на предмет обнаружения несоответствий целям антикоррупционного регулирования. Государственное принуждение в данной области осуществляют Министерство юстиции США и Федеральная комиссия по ценным бумагам и биржам США.

Так, эмитенты ценных бумаг должны по запросу Комиссии представлять установленные виды информации и документов, ежеквартальную статистическую отчетность и бухгалтерскую и биржевую документацию. Установлены специальные требования к формам отчетности; бухгалтерским книгам, записям, к ведению управленческого учета. Регламентированы запреты, в частности, связанные с использованием в коррупционных целях почты, других средств трансграничной торговли для осуществления коррупционных выплат в пользу какого-либо иностранного должностного лица для оказания влияния на какое-либо действие или решение такого иностранного должностного лица, предпринятое им при исполнении своих служебных обязанностей [11].

В соответствии с законодательством о коррупционной практике за рубежом запрещено американским эмитентам осуществлять платежи, предложения или обещания (или авторизация платежа, предложения или обещания); предлагать наличные деньги или их эквивалент (включая подарочные карты); путешествия, питание, проживание, шоппинг, щедрые расходы на развлечения или гостеприимство; любые преференции (например, специальный доступ к государственному органу); предоставление услуг, которые в противном случае пришлось бы оплачивать или покупать; контракты или другие деловые возможности, предоставленные компании, в которой государственное должностное лицо имеет право собственности или другой выгодный интерес. В этот перечень также включаются запреты, относящиеся к любым коррупционным действиям, связанным

с предоставлением необоснованных возможностей трудоустройства или консультаций; проведением благотворительных компаний, целью которых являются преференции в области бизнеса за рубежом, жертвования для продвижения удобных политических сил за рубежом; предложением компенсации за медицинские, образовательные услуги либо за расходы на проживание.

Иностранное лицо, которое получает незаконный платеж, обычно не подвергается уголовной ответственности в соответствии с *FCPA*. Тем не менее Министерство юстиции иногда привлекало к ответственности иностранных публичных должностных лиц, которые получали незаконные выплаты в соответствии с другими антикоррупционными законами.

Нарушение положений Закона о коррупционной практике за рубежом может привести к штрафу в размере до 250 тыс. долл. либо к лишению свободы на срок до пяти лет за каждое нарушение.

Для юридического лица нарушение положений данного Закона приведет к штрафу в размере до 2 млн долл. за нарушение.

Комиссия по ценным бумагам может оценивать дополнительные гражданские наказания и требовать выдачи незаконно полученных доходов. Эти штрафы могут исчисляться сотнями миллионов долларов.

Вместе с тем серьезные, диаметрально противоположные метаморфозы претерпевают данные установления в контексте обеспечения целей национальной безопасности: «Что касается вопросов, относящихся к сфере национальной безопасности Соединенных Штатов, то ни на одно лицо, действующее в сотрудничестве с главой какого-либо федерального министерства или ведомства, отвечающего за эти вопросы, не налагаются никакие обязанности и такое лицо не несет никакой ответственности согласно пункту (2) настоящей части главы в том случае, если такие действия в сотрудничестве таким главой министерства или ведомства были предприняты с конкретного письменного распоряжения главы такого министерства или ведомства согласно президентским полномочиям на выпуск таких распоряжений» [11]. Более того, установленные в данном разделе исключения для государственных органов США, действующих в интересах национальной безопасности США, открывают практически неограниченные возможности для установления и поддержания двойных стандартов, особенно в условиях санкций против России, неустанной борьбы против российской доктрины многополярного мира. Нередко пункт о том, что «правила не применяются к каким-либо видам содействия проведению выплат или ускорения выплат иностранным должностным лицам, политическим партиям или партийным функционерам в том случае, если целью такого содействия является

ускорение или обеспечение исполнения обычных административных процедур, осуществляемых иностранным должностным лицом, политической партией или партийным функционером» является инструментом манипуляций в политических играх американского истеблишмента, направленных в первую очередь против России и Китая.

В этом контексте характерно дело Хантера Байдена. Так, записи, полученные комитетами Сената США по национальной безопасности и финансам, показали, что Х. Байден и его семья в свое время были вовлечены в обширную финансовую сеть, которая связала их с коррумпированными иностранными гражданами и иностранными правительствами по всему миру, прежде всего во время работы Х. Байдена в качестве управляющего юридическим отделом в украинской фирме «Burisma». Согласно записям, полученным комитетами, многие из этих операций предполагали потенциальную преступную финансовую деятельность [12]. Однако, как известно, данное дело не завершилось сколь-нибудь серьезными правовыми и политическими последствиями.

Для стимулирования распространения *FCPA* в 1988 г. Конгресс США поручил Президенту заключить международное соглашение с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) о запрете взяточничества в международных деловых операциях. Переговоры с ОЭСР увенчались в итоге принятием Конвенции о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных деловых операциях.

Конвенция криминализовала подкуп иностранных должностных лиц, сформировала понятийный аппарат и юридическую грамматику данного института в рамках общей концепции противодействия коррупции. Были определены категории ответственности юридических лиц, регламентированы вопросы юрисдикции; обоснованы санкции и созданы механизмы для соблюдения норм бухгалтерского учета и финансовой отчетности, повсеместного внедрения систем внутреннего контроля и антикоррупционно-го комплаенса.

Многие государства ответили на эти юридические мероприятия обновлением национальных законодательств, интенсификацией просветительской работы. Аудиторские компании стали предоставлять услуги по антикоррупционному контролю, появились внутрифирменные отделы по антикоррупционному комплаенсу, выросло целое поколение юристов с новыми компетенциями.

В исследуемом контексте в соответствии с международным правом возникает целый ряд методологических вопросов, связанных с юрисдикцией *FCPA*, прежде всего могут ли США устанавливать правила в отношении лиц, не являющихся гражданами данного государства.

Рассмотрим аргументацию американской стороны, которая базировалась на трех важных постулатах.

Во-первых, это принцип территориальности, в соответствии с которым государство может устанавливать правила, регулирующие поведение субъектов, происходящее на его территории. В прецедентной истории США этот принцип, как известно, берет свое начало с дела *American Banana Co. v. United Fruit Co.* 1907 г. [13].

Второй принцип предоставляет национальной юрисдикции предписывать нормы права, устанавливающие правовые последствия для деяний, которые происходят за пределами его территории, если такое поведение вызывает эффект на территории предписывающего государства. В соответствии с этой теорией суды поддержали постановление Конгресса о поведении иностранных граждан и лиц без гражданства, даже если поведение имело место за пределами США, до тех пор, пока последствия поведения ощущаются в США.

Третьей применимой доктриной международной юрисдикции является доктрина, базирующаяся на принципе гражданства. Согласно этой теории нация обладает юрисдикцией устанавливать нормы права, регулирующие поведение ее граждан, где бы они ни находились. Этот принцип расширяет юрисдикцию, включая далее любую корпорацию, зарегистрированную в США.

В единстве применение этих трех подходов расширило рамки применения акта за пределами территориальной юрисдикции США.

Однако ст. 4 Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок призывает каждую из сторон принимать все необходимые меры к тому, чтобы установить свою юрисдикцию в отношении подкупа иностранного должностного лица, когда деяние совершается полностью или частично на его территории.

Конвенция также установила своеобразный регламент определения наиболее подходящей юрисдикции в случае, если деяния, описанные в Конвенции, подпадают под юрисдикцию более чем одной стороны. Стороны, по запросу одной из них, проводят консультации с целью определения наиболее подходящей юрисдикции для уголовного преследования. Именно на волне обсуждения адекватности мер принуждения в рамках отдельных юрисдикций и их взаимодействия острой полемике подвергался вопрос о границах раскрытия релевантной информации в глобальном пространстве. Исходный пункт в рассуждениях состоял в том, что само по себе раскрытие информации в рамках соблюдения рамок национальной и коммерческой безопасности, не дополненное мерами государственного принуждения, не сможет быть эффективным

сдерживающим фактором, потому что ожидаемая выгода от подкупа иностранных должностных лиц для сторон, вовлеченных в этот преступный умысел, такая как, например, выигрыш многомиллионного контракта, как правило, превышает отрицательный эффект от раскрытия информации.

В этих условиях вопросы информационной безопасности, без того обострившиеся в последние годы в условиях цифровизации экономики, еще более актуализировались.

Так, в условиях применения правил *FCPA* становилось ясно, что большинство предложений по раскрытию информации потребуют от корпораций США, ведущих бизнес за рубежом, сообщать обо всех иностранных платежах, включая совершенные законные платежи, например, в рекламных целях и для продвижения продаж. В этой связи появление в *FPCA* стандартов бухгалтерского учета и финансовой отчетности как продолжение логики разд. 13(b) Закона о бирже и ценных бумагах 1934 г. (15 U.S.C. 78q (b)) выглядело вполне логичным. Логика поправок и дополнений выглядела следующим образом: каждый эмитент, имеющий класс ценных бумаг, зарегистрированных в соответствии с законодательством о ценных бумагах США, должен был отчитываться в установленных законодательством рамках, создавать и хранить книги, записи и счета, которые с разумной подробностью, точно и справедливо отражают сделки и распоряжение активами эмитента; разработать и поддерживать систему внутреннего учета и контроля, достаточно для обеспечения разумных гарантий того, что «(i) транзакции выполняются в соответствии с общим или специальным разрешением; (ii) транзакции регистрируются по мере необходимости (I), чтобы подготовка финансовой отчетности осуществлялась в соответствии с принятыми принципами бухгалтерского учета или любыми другими критериями, применимыми к таким заявлениям».

Эти и другие поправки тестировались на предмет соответствия стандартам национальной безопасности США.

Один из важнейших субъектов *FCPA* – коммерческие организации, юридические лица, а одна из важнейших теоретико-прикладных проблем – оптимальная модель наказания компании за коррупционные деликты [14], тем более что экономисты весьма скептически настроены по отношению к подходам, направленным исключительно на увеличение штрафных санкций [15].

Компании, работающие за рубежом, должны установить стандарты и процедуры для предотвращения

и выявления преступного поведения; убедиться, что руководители понимают и контролируют программу комплаенса, в том числе систематически проверяют ее эффективность и адекватность поддержки программ, следят за тем, чтобы конкретные лица были наделены полномочиями и ответственностью за реализацию программы. В программе должно содержаться требование о проведении мониторинга и аудита поведения сотрудников, оценки эффективности программы соответствия и поддержки механизмов отчетности для сотрудников; обеспечить сотрудникам стимулы, комплекс дисциплинарных мер в отношении персонала, совершающего противоправное поведение. Программы комплаенса должны непрерывно совершенствоваться.

Коррупционная практика за рубежом – это одно из наиболее ярких проявлений «беловоротничковой» преступности, нередко связанной с отмыванием денег, добытых преступным путем [16, р. 105–167]. Вот почему штрафы за нарушение *FCPA* могут быть значительными. Для определения сумм используются разные законодательные акты. Окончательная сумма часто основывается на выгоде, которую компания-нарушитель надеялась получить в результате взятки или коммерческого подкупа, а также на учете количества сотрудников в компании, оценке антикоррупционного комплаенса, других факторах. Существенными являются и сроки тюремного заключения в духе сдерживающего эффекта тюремного заключения [17, с. 402].

Проведенный краткий анализ позволяет сделать следующие выводы: законодательство о противодействии коррупционной практике за рубежом, как показывает опыт США, – это значимый сегмент антикоррупционного законодательства. Однако его развитие – это решения, лежащие в политико-правовой плоскости. *FCPA* – это отражение парадоксов двойных стандартов в условиях навязывания миру американской доктрины гегемонии.

Российский сегмент противодействия коррупционным практикам за рубежом должен развиваться в парадигме отстаивания собственных национальных интересов и национальной безопасности. Совершенствование норм, связанных с механизмами внутрифирменного антикоррупционного контроля на базе российской платформы противодействия коррупции, – важная составляющая современной антикоррупционной правовой политики, раздвигающей пространственно-временные рамки антикоррупционной борьбы.

Пристатейный библиографический список

1. Foreign Corrupt Practices Act // U.S. Department of Justice : сайт. URL: <https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act> (дата обращения: 15.04.2021).
2. Koehler M. The Story of the Foreign Corrupt Practices Act // *Ohio State Law Journal*. 2012. Vol. 73. No. 5.
3. Tarun R. W., Tomczak P. P. The Foreign Corrupt Practices Act Handbook: A Practical Guide for Multinational Counsel, Transactional Lawyers and White Collar Criminal Practitioners. 5th ed. Chicago: ABA Book Publishing, 2018.
4. OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions // OECD : сайт. URL: <https://www.oecd.org/corruption/oecdantibriberyconvention.htm> (дата обращения: 15.04.2021).
5. Федеральный закон от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // СПС «КонсультантПлюс».
6. The Complete FCPA Corporate Enforcement Index // FCPA Blog+ : сайт. URL: https://app.fcpablog.com/features/landing/?mepr-unauth-page=24&redirect_to=%2F (дата обращения: 15.04.2021).
7. Daimler AG and Three Subsidiaries Resolve Foreign Corrupt Practices Act Investigation and Agree to Pay \$93.6 Million in Criminal Penalties: Combined Criminal and Civil Penalties of \$185 Million to be Paid // U.S. Department of Justice : сайт. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/daimler-ag-and-three-subsidiaries-resolve-foreign-corrupt-practices-act-investigation-and> (дата обращения: 15.04.2021).
8. Runner M., Korkor S. Anti-Bribery Legislation in the United States and United Kingdom: A Comparative Analysis of Scope and Sentencing // *Missouri Law Review*. 2011. Vol. 76. No. 2.
9. Goulding S. Company Law. 2nd ed. London : Cavendish, 1999.
10. Astanin V. V. Anti-Corruption Protection of Russian Companies in Foreign Jurisdictions // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. Vol. 13. No. 1.
11. Положения Закона о борьбе с практикой коррупции за рубежом, направленные на борьбу с подкупом и касающиеся бухгалтерских книг и отчетности, пересмотрен в составе публичных законов 105–366 (10 ноября 1998 г.). Свод законов США. Разд. 15 (в ред. от 22 июля 2004 г.) // U.S. Department of Justice : сайт. URL: <https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-fraud/legacy/2012/11/14/fcpa-russia.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).
12. Hunter Biden, Burisma, and Corruption: The Impact on U.S. on Government Policy and Related Concerns // Internet Archive : сайт. URL: <https://archive.org/details/hunter-biden-burisma-and-corruption-the-impact-on-u-s-government-policy-and-related-concerns/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 15.04.2021).
13. *American Banana Co. v. United Fruit Co.*, 213 U.S. 347 (1909) // Justia US Supreme Court Center : сайт. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/213/347/> (дата обращения: 15.04.2021).
14. John C. C. Jr. Making the Punishment Fit the Corporation: The Problem of Finding an Optimal Corporation Criminal Sanction // Archive : сайт. URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/616 (дата обращения: 15.04.2021).
15. The Foreign Corrupt Practices Act: Economic Impact on Targeted Firms (June 2014) // Law & Economics Center : сайт. URL: [https://masonlec.org/site/rte_uploads/files/FCPA%20II%20Final%20\(6.4\).pdf](https://masonlec.org/site/rte_uploads/files/FCPA%20II%20Final%20(6.4).pdf) (дата обращения: 15.04.2021).
16. Zagaris B. Transnational Corruption // *International White Collar Crime: Cases and Materials*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
17. Уинтер Г. Вопросы права и экономики / под науч. ред. М. Одинцовой. М. : Изд. Института Гайдара, 2019.

References

1. Foreign Corrupt Practices Act. URL: <https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act> (date of the application: 15.04.2021).
2. Koehler M. The Story of the Foreign Corrupt Practices Act. *Ohio State Law Journal*. 2012. Vol. 73. No. 5.
3. Tarun R. W., Tomczak P. P. The Foreign Corrupt Practices Act Handbook: A Practical Guide for Multinational Counsel, Transactional Lawyers and White Collar Criminal Practitioners. 5th ed. Chicago: ABA Book Publishing, 2018.
4. OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions. URL: <https://www.oecd.org/corruption/oecdantibriberyconvention.htm> (date of the application: 15.04.2021).
5. Federal Law of 1 February 2012 No. 3-FZ “On the Accession of the Russian Federation to the Convention on Combating Bribery of Foreign Officials in International Business Transactions” (SPS “ConsultantPlus”).

6. The Complete FCPA Corporate Enforcement Index. URL: https://app.fcablog.com/features/landing/?mepr-unauth-page=24&redirect_to=%2F (date of the application: 15.04.2021).
7. Daimler AG and Three Subsidiaries Resolve Foreign Corrupt Practices Act Investigation and Agree to Pay \$93.6 Million in Criminal Penalties: Combined Criminal and Civil Penalties of \$185 Million to be Paid. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/daimler-ag-and-three-subsidiaries-resolve-foreign-corrupt-practices-act-investigation-and> (date of the application: 15.04.2021).
8. *Runner M., Korkor S.* Anti-Bribery Legislation in the United States and United Kingdom: A Comparative Analysis of Scope and Sentencing. *Missouri Law Review*. 2011. Vol. 76. No. 2.
9. *Goulding S.* Company Law. 2nd ed. London : Cavendish, 1999.
10. *Astanin V. V.* Anti-Corruption Protection of Russian Companies in Foreign Jurisdictions. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. Vol. 13. No. 1.
11. The Anti-Bribery Provisions of the Anti-Bribery Act on Books and Records Were Revised as Part of Public Laws 105–366 (10 November 1998). U.S. Code. Title 15 (as amended by 22 July 2004). URL: <https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-fraud/legacy/2012/11/14/fcpa-russia.pdf> (date of the application: 15.04.2021).
12. Hunter Biden, Burisma, and Corruption: The Impact on U.S. on Government Policy and Related Concerns. URL: <https://archive.org/details/hunter-biden-burisma-and-corruption-the-impact-on-u.-s.-government-policy-and-related-concerns/page/n1/mode/2up> (date of the application: 15.04.2021).
13. *American Banana Co. v. United Fruit Co.*, 213 U.S. 347 (1909). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/213/347/> (date of the application: 15.04.2021).
14. *John C. C. Jr.* Making the Punishment Fit the Corporation: The Problem of Finding an Optimal Corporation Criminal Sanction. URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/616 (date of the application: 15.04.2021).
15. The Foreign Corrupt Practices Act: Economic Impact on Targeted Firms (June 2014). URL: [https://masonlec.org/site/rte_uploads/files/FCPA%20II%20Final%20\(6.4\).pdf](https://masonlec.org/site/rte_uploads/files/FCPA%20II%20Final%20(6.4).pdf) (date of the application: 15.04.2021).
16. *Zagaris B.* Transnational Corruption // International White Collar Crime: Cases and Materials. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
17. *Winter G.; Odintsova M. (ed.)*. Questions of Law and Economics. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2019.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КАДРОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-19-26>

В статье анализируются возможные направления инновационного развития законодательства о кадровом обеспечении органов государственной власти. Актуальность темы статьи обусловлена осуществляющейся административной реформой, одним из направлений которой является создание эффективной системы государственного управления. Совершенствование системы и структуры органов государственной власти сопровождается изменениями законодательства о государственной службе РФ. Обеспечить исполнение функций государства способен только высокопрофессиональный кадровый состав служащих, наделенный необходимыми специальными полномочиями. Целью исследования является выработка механизмов инновационного развития законодательства о кадровом обеспечении органов государственной власти. Предметом настоящего исследования выступают правовые основы организации государственной службы РФ. Методологию исследования составляют общенаучные методы: диалектический метод, методы формальной логики и сравнительно-правовой метод. На основе проведенного исследования авторы делают вывод о том, что существующая в настоящее время правовая база организации государственной службы РФ требует своего дальнейшего совершенствования. В частности, Минюст России заинтересован в апробации и внедрении современных технологий управления федеральными государственными служащими, совершенствовании системы оплаты труда гражданских служащих, оптимизации структуры и штатной численности, порядка присвоения классных чинов, информационно-коммуникационных технологий и готов участвовать в проведении экспериментов на своей площадке. Предлагается наделить Министра юстиции РФ правом присвоения классных чинов государственного советника юстиции (государственного советника) РФ 1-го, 2-го и 3-го класса гражданским служащим Минюста России, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной службы исполнения наказаний и их территориальных органов.

БАЛИЦКИЙ Иван Иванович

кандидат исторических наук,
магистр юриспруденции, доцент
Московского областного филиала
Российской академии народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
(г. Красногорск)

balitskyii@bk.ru

ЯКОВЛЕВ Александр Владимирович

магистрант Московского
областного филиала Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (г. Красногорск)

hrik@rambler.ru

**Министерство юстиции;
информационно-
коммуникационные
технологии;
государственная служба;
инновационные подходы;
классный чин;
гражданский служащий;
кадровое обеспечение;
развитие законодательства**

Ivan I. BALITSKY

Candidate of Historical Sciences,
Master of Laws, Associate Professor,
Moscow Regional Branch of the
Russian Academy of National
Economy and Public Administration
under the President of the Russian
Federation (Krasnogorsk)

balitskyii@bk.ru

INNOVATIVE TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ABOUT HUMAN RESOURCES MANAGEMENT OF PUBLIC AUTHORITY

The article analyzes possible directions of innovative development of legislation on personnel support of state authorities. The relevance of the topic of the article is due to the ongoing administrative reform, one of the directions of which is the creation of an effective system of public administration. The improvement of the system and structure of public authorities is accompanied by changes in the legislation on the civil service of the Russian Federation. Only a highly professional staff of employees with the necessary special powers can ensure the performance of state functions. The aim of the research is to develop mechanisms for innovative development of legislation on personnel support for public authorities.

Alexander V. YAKOVLEV

Master's Student, Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)
hrik@rambler.ru

**Ministry of Justice;
information and communication
technologies;
public services;
innovative approaches;
class rank;
civil servants;
human resources;
development of legislation**

The subject of this research is the legal basis for organizing the civil service of the Russian Federation. The research methodology consists of general scientific methods: dialectical method, formal logic methods and comparative legal method. Based on the conducted research, the authors conclude that the current legal framework of the civil service organization of the Russian Federation requires further improvement. In particular, the Ministry of Justice of the Russian Federation is interested in testing and implementing modern management technologies for Federal civil servants, improving the system of remuneration for civil servants, optimizing the structure and staffing levels, the procedure for assigning class ranks, and information and communication technologies, and is ready to participate in conducting experiments on its site. It is proposed to grant the Minister of Justice of the Russian Federation the right to assign class ranks of justice to the state adviser of the Russian Federation of the 1st, 2nd and 3rd classes to civil servants of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Federal Bailiff Service, the Federal Penitentiary Service and their territorial bodies.

Становление Российской Федерации как демократического правового государства вызвало необходимость создания эффективной системы государственного управления, совершенствования системы и структуры органов государственной власти. Осуществляющиеся административные реформы потребовали качественного преобразования государственной службы, способной обеспечивать исполнение изменившихся функций Российского государства. Этим обусловлено формирование нового законодательства о государственной службе РФ.

Правовые основы организации государственной службы РФ (далее – государственная служба) и основы правового статуса государственных служащих РФ (далее – государственные служащие) были установлены Федеральным законом от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» [1] (утратил силу). В дальнейшем нормы, определяющие правовое положение государственных служащих, получили свое развитие в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] (далее – Закон).

С момента принятия Закона прошло более 16 лет. За указанный период сложилась практика по применению норм Закона для регулирования отношений в сфере государственной службы. В научной литературе существуют различные точки зрения по вопросу совершенства Закона, соотношения его норм с трудовым законодательством, но следует признать, что институт государственной службы в РФ состоялся.

В отличие от «Табеля о рангах», введенного указом Петра I от 4 февраля 1722 г., предусматривающего 14 классов, должности федеральной государ-

ственной гражданской службы (далее – гражданская служба, должности) по Закону подразделяются на четыре категории и пять групп.

Должности подразделяются на следующие категории:

1) руководители – должности руководителей и заместителей руководителей государственных органов и их структурных подразделений (далее также – подразделение), должности руководителей и заместителей руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и их структурных подразделений, должности руководителей и заместителей руководителей представительств государственных органов и их структурных подразделений, замещаемые на определенный срок полномочий или без ограничения срока полномочий;

2) помощники (советники) – должности, учреждаемые для содействия лицам, замещающим государственные должности, руководителям государственных органов, руководителям территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и руководителям представительств государственных органов в реализации их полномочий и замещаемые на определенный срок, ограниченный сроком полномочий указанных лиц или руководителей;

3) специалисты – должности, учреждаемые для профессионального обеспечения выполнения государственными органами установленных задач и функций и замещаемые без ограничения срока полномочий;

4) обеспечивающие специалисты – должности, учреждаемые для организационного, информационного, документационного, финансово-экономического, хозяйственного и иного обеспечения деятельности

государственных органов и замещаемые без ограничения срока полномочий.

Должности гражданской службы подразделяются на следующие группы:

- 1) высшие должности гражданской службы;
- 2) главные должности гражданской службы;
- 3) ведущие должности гражданской службы;
- 4) старшие должности гражданской службы;
- 5) младшие должности гражданской службы.

Безусловно, в настоящее время реестры должностей не подразделяют чиновников на сословия и не наследуются, а вобрали в себя демократические преобразования, произошедшие в развитии современного российского общества, и составляют основу государственного управления.

Кадровая политика по своему определению, содержанию и роли в системе государственного управления представляет собой основу деятельности любого государства. Вместе с тем процессы социально-экономической и политической трансформации российского общества требуют существенных изменений кадровой политики в сфере государственного и муниципального управления. Также отмечается наличие потребности в кадрах, имеющих глубокие знания в области экономики, права, менеджмента, политологии, обладающих видением проблем и государственным подходом к их решению.

Г. П. Лозовицкая в связи с этим справедливо констатирует: «Государственная кадровая политика направлена на повышение эффективности государственной службы. В настоящее время идет процесс реформирования работы с кадрами. Государство продолжает повышать требования к государственным служащим, чтобы свести к минимуму число низко квалифицированных и случайных кадров.

Целью государственной кадровой политики, несомненно, является повышение эффективности государственного управления как института. Для этого государство следует системе основообразующих целей:

- реализация целей и функций государства по обеспечению высокого качества жизни граждан;
- организация высокопрофессиональной эффективной трудовой деятельности населения России;
- развитие человеческого потенциала» [3, с. 9].

Таким образом, процесс формирования управленческих кадров в сфере государственной службы направлен на кадровое обеспечение государственного управления. К сожалению, процесс нормативного правового регулирования государственной службы и кадровой политики не завершен и, как следствие, отсутствуют единая нормативно-правовая основа реализации государственной кадровой политики и кадровых технологий, стабильность кадрового состава, его социальная защищенность.

В этой связи предлагается обратить внимание на формирование и реализацию кадровых резервов, предусмотренных ст. 64 Закона и формируемых по результатам различных конкурсов, проводимых органами государственной власти. В первую очередь необходимо отметить, что федеральный кадровый резерв должен формироваться федеральным государственным органом по управлению государственной службой. В федеральных государственных органах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ, правовой основой для формирования федерального кадрового резерва является Положение о формировании федеральных кадровых резервов федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 13 декабря 2012 г. № 1653 [4].

Функции по изучению кандидатов на включение в федеральные кадровые резервы федеральных государственных органов возложены на Управление Президента РФ по вопросам государственной службы и кадров в части министерств и ведомств, находящихся в ведении Президента РФ. Департамент государственной службы и кадров Правительства РФ в отношении иных министерств и ведомств формирует резерв высших управленческих кадров.

Федеральный кадровый резерв формируется для замещения:

- а) должностей гражданской службы, назначение на которые и освобождение от которых осуществляются Президентом РФ, а также отдельных должностей гражданской службы Администрации Президента РФ, определенных Администрацией Президента РФ;
- б) должностей гражданской службы, назначение на которые и освобождение от которых осуществляются Правительством РФ, а также отдельных должностей гражданской службы в Аппарате Правительства РФ, определенных Правительством РФ;
- в) должностей гражданской службы высшей, главной и ведущей групп в иных федеральных государственных органах.

Данные кадровые резервы позволяют федеральным органам власти иметь не только «скамейку запасных игроков», но и планировать профессиональное развитие потенциальных кандидатов на замещение вышестоящих должностей в течение трех лет.

Указом Президента РФ от 1 марта 2017 г. № 96 утверждено Положение о кадровом резерве федерального государственного органа [5]. Формирование кадрового резерва в федеральном органе исполнительной власти осуществляется на основании положения о кадровом резерве, утверждаемого руководителем соответствующего федерального органа исполнительной власти. Так, в Минюсте России Положение о кадровом резерве Министерства юсти-

ции Российской Федерации утверждено приказом от 25 февраля 2020 г. № 20 [6] (далее – Положение Минюста России).

В соответствии с Положением Минюста России кадровый резерв формируется в целях:

а) обеспечения равного доступа граждан РФ к гражданской службе в Минюсте России;

б) своевременного замещения должностей гражданской службы;

в) содействия формированию высокопрофессионального кадрового состава гражданской службы;

г) содействия должностному росту федеральных государственных гражданских служащих Минюста России (далее – гражданские служащие).

По состоянию на 5 ноября 2020 г. численность кадрового резерва Минюста России составила 324 человека (9,2% от штатной численности).

Инновационным подходом в формировании кадрового резерва Минюста России, наряду с аттестацией гражданских служащих, является проводимая в качестве эксперимента на протяжении трех лет оценка профессиональной служебной деятельности гражданского служащего в целях получения объективных сведений об уровне квалификации служащего, его профессиональных, личностных качествах, а также об эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности на основании отзыва непосредственного руководителя гражданского служащего один раз в шесть месяцев.

Отзыв является хорошим материалом для непосредственного руководителя при подготовке аттестационного материала на гражданского служащего. Однако следует отметить в качестве недостатка частоту составления отзыва. Думается, что будет целесообразным готовить отзыв по итогам работы за год. Таким образом, в межаттестационный период в отношении гражданского служащего можно готовить 2-3 отзыва.

Значительную работу по разъяснению применения норм Закона проводит Министерство труда и социальной защиты РФ (далее – Минтруд России), выпуская методические рекомендации по реализации тех или иных положений.

Также существенное значение имеет судебная практика, формирующаяся в ходе рассмотрения гражданских исков по спорам в сфере регулирования отношений гражданской службы, материалов об административных правонарушениях.

Анализ законодательства РФ показывает, что в последнее время наметились определенные инновационные тенденции развития кадрового обеспечения органов государственной власти.

Указом Президента РФ от 24 июня 2019 г. № 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы» определены задачи по дальнейше-

му совершенствованию государственной службы [7]. Распоряжением Правительства РФ от 27 июля 2019 г. № 1646-р утвержден План мероприятий («дорожная карта») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы [8] (далее – План).

В рамках выполнения Плана реализована единая методика прохождения испытания на государственной гражданской службе, совершенствуется порядок заключения договора о целевом обучении между государственным органом и гражданином РФ, развиваются информационные сервисы. План предусматривает мероприятия по совершенствованию системы стимулирования гражданских служащих к повышению эффективности своей профессиональной служебной деятельности, внедрение новых форм профессионального развития, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Думается, что последнему в немалой степени способствовала ситуация с новой коронавирусной инфекцией. Так, в Минюсте России в связи с переводом обучения в дистанционный режим с использованием интернет-технологий количество гражданских служащих, прошедших повышение квалификации в рамках профессионального развития, увеличилось на 56%.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 3 марта 2017 г. № 256 «О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» [9] (далее – Единая информационная система управления кадровым составом гражданской службы) в целях создания единого информационно-коммуникационного пространства в системе гражданской службы федеральным органам исполнительной власти необходимо осуществить переход к использованию Единой информационной системы управления кадровым составом гражданской службы для обеспечения кадровой работы, что нашло отражение и нормах Закона.

Так, Закон дополнен ст. 44.1 «Государственные информационные системы, используемые на гражданской службе», которая введена Федеральным законом от 28 декабря 2017 г. № 423-ФЗ. В настоящее время в большинстве федеральных органов исполнительной власти реализован функционал Единой информационной системы управления кадровым составом гражданской службы в части формирования организационной структуры, штатного замещения, ведения кадрового резерва и проведения конкурса на замещение вакантных должностей. Значительная часть кандидатов на участие в конкурсе на замещение вакантных должностей подает документы в электронном виде, размещая их в Единой информационной системе управления кадровым составом гражданской службы.

По мере расширения возможностей Единой информационной системы управления кадровым составом гражданской службы и подключения к ней государственных органов власти сформируется единое кадровое пространство государственной гражданской службы, которое позволит автоматизировать не только кадровое делопроизводство, но и иметь базу электронных личных дел гражданских служащих.

Кроме того, уже сейчас есть примеры успешного использования всего функционала Единой информационной системы управления кадровым составом гражданской службы в повседневной работе, позволившие совместить эту систему с программным продуктом «1С: Зарплата и кадры» и тем самым, сократить время ввода и дублирование данных в различных программах учета персонала. В качестве примера можно привести Федеральное казначейство, в котором весь кадровый учет и кадровое делопроизводство ведется в Единой информационной системе управления кадровым составом гражданской службы, а информация в автоматическом режиме подгружается в «1С: Зарплата и кадры» бухгалтерии.

Активно используется в оценке деятельности гражданских служащих аттестация и наставничество. В связи с этим С. Ю. Кабашов указывает важнейшие компоненты профессиональной служебной деятельности: «Следующая часть профессиональной культуры службы – управленческий (властный) комплекс – совокупность ценностей, регулирующих отношения власти, иерархичность подчинения и контроля. Новички на службе вначале пытаются освоить требования власти и подчинения, приспособиться к этим правилам. Для этого важно знать, какой степенью власти обладают руководители различных уровней, какие формы власти (принуждения, вознаграждения) они преимущественно применяют. Служащему необходимо выяснить свое место в системе властных отношений, определить специфические поведенческие ценности подчинения, нормы, регулирующие продвижение во властной иерархии» [10, с. 11].

В последнее время указанные институты получили развитие. Изданы два нормативных правовых акта: Положение о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 7 октября 2019 г. № 1296 [11], Единая методика проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 9 сентября 2020 г. № 1387 [12], конкретизировавшие положения Закона и наполнившие указанные институты новым содержанием и смыслом.

В качестве примера можно отметить, что в Минюсте России 2020 г. в соответствии с распоряжением от 19 марта 2020 г. № 308-р объявлен Годом наставничества. В ходе проведенных в соответствии с планом

мероприятий был обобщен опыт лучших наставников территориальных органов, подготовлены и направлены в территориальные органы Минюста России Рекомендации по наставничеству в Министерстве юстиции Российской Федерации для руководителей, наставников и наставляемых, а 20 лучших наставников награждены ведомственным знаком отличия «Почетный наставник Министерства юстиции Российской Федерации».

В ходе проведенного 24 сентября 2020 г. Всероссийского совещания по вопросам повышения эффективности института наставничества в Минюсте России и его территориальных органах под председательством заместителя Министра юстиции РФ Е. Л. Забарчука была отмечена необходимость дальнейшего развития института наставничества, рекомендовано использовать результаты отзыва наставника при определении соответствия государственного гражданского служащего замещаемой должности по результатам срока испытания.

В соответствии со ст. 25 Закона наниматель может заключать с гражданским служащим срочный служебный контракт в случае замещения отдельных должностей гражданской службы категории «руководители», а также должностей гражданской службы категории «помощники (советники)» на срок от одного года до пяти лет. При заключении служебного контракта может предусматриваться условие об испытании гражданского служащего продолжительностью от одного месяца до одного года в целях проверки его соответствия замещаемой гражданской должности. До недавнего времени сложилась практика заключения срочного служебного контракта на срок до одного года при замещении должностей категории «руководители» с условием об испытании до одного года. Все это порождало неуверенность у руководителей в перспективе пребывания на гражданской службе, снижение мотивации в работе, дополнительный документооборот.

При этом согласно позиции Минтруда России исходя из совокупного толкования положений п. 5 ст. 4, ч. 6 ст. 24 и ст. 25 Закона можно сделать вывод о том, что заключение срочного служебного контракта с гражданским служащим, назначаемым на должность гражданской службы категории «руководители», если законодательством прямо не предусмотрено замещение этой должности на определенный срок полномочий, возможно в том случае, если имеются обстоятельства, подтверждающие, что условия профессиональной служебной деятельности по этой должности влекут невозможность установления отношений на бессрочной основе.

Таким образом, замещение указанных должностей гражданской службы по общему правилу должно заключаться на условиях служебных контрактов

на неопределенный срок, что в настоящий период реализуется в Минюсте России.

Другой аспект кадровой работы, требующий дальнейшего развития законодательства, о котором необходимо говорить, – это присвоение классных чинов советника государственной гражданской службы РФ 1-го, 2-го или 3-го класса. Законом это право закреплено за Правительством РФ.

Однако необходимо обратить внимание на то, что в структуре должностей ряда федеральных органов исполнительной власти нет должностей, по которым возможно присвоение классного чина государственного советника РФ 1-го класса. Во-вторых, федеральные государственные органы поставлены в неравные условия. Так, в ряде государственных органов указанные классные чины и равнозначные им звания присваиваются руководителем федерального государственного органа, что освобождает их от необходимости согласования с Минтрудом России и издания постановления Правительства РФ.

Указом Президента РФ от 19 ноября 2007 г. № 1554 был определен порядок присвоения и сохранения классных чинов юстиции лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации и должности федеральной государственной гражданской службы, и установлении федеральным государственным гражданским служащим месячных окладов за классный чин в соответствии с присвоенными им классными чинами юстиции [13].

В рамках проведения экспериментов, направленных на развитие гражданской службы, предлагается изменить подход к присвоению классных чинов государственного советника юстиции (государственного советника) РФ 1-го, 2-го и 3-го класса гражданским служащим Министерства юстиции РФ, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной службы исполнения наказаний и их территориальных органов, наделив Министра юстиции РФ правом присвоения указанных классных чинов.

Несмотря на то что содержание кадровой работы регламентировано ст. 44 Закона, указом Президента РФ от 31 августа 2020 г. № 536 утверждено Положение о порядке организации экспериментов, направленных на развитие федеральной государственной гражданской службы [14].

Минюст России заинтересован в апробации и внедрении современных технологий управления федеральными государственными служащими, совершенствовании системы оплаты труда гражданских служащих, оптимизации структуры и штатной численности, порядка присвоения классных чинов, информационно-коммуникационных технологий и готов участвовать в проведении экспериментов.

В частности, с учетом сложившейся практики Минюст России готов инициировать проведение на своей площадке эксперимента по повторному назначению (сроком до пяти лет) на замещаемую ротационную должность начальников территориальных органов (федеральных государственных гражданских служащих) Минюста России после согласования предлагаемой кандидатуры с соответствующим полномочным представителем Президента РФ в соответствующем федеральном округе.

Проведение экспериментов на гражданской службе направлено на сохранение высокопрофессионального кадрового потенциала федеральных органов исполнительной власти, повышение престижа гражданской службы, создание равных условий, а также на упрощение процедуры присвоения классных чинов гражданской службы служащим, замещающим должности главной группы должностей (по аналогии с присвоением специальных и воинских званий до генеральской группы).

Предлагаемые инновационные подходы к развитию кадрового обеспечения органов государственной власти потребуют издания нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере гражданской службы.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ (в ред. от 7 ноября 2000 г.) «Об основах государственной службы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Формирование кадровой политики и управление персоналом государственной службы : учебное пособие / под общ. ред. Г. П. Лозовицкой. М. : Академия управления МВД России, 2019.
4. Указ Президента РФ от 13 декабря 2012 г. № 1653 (в ред. от 19 июня 2020 г.) «О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 1 марта 2017 г. № 96 (в ред. от 6 октября 2020 г.) «Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приказ Минюста России от 25 февраля 2020 г. № 20 «Об утверждении Положения о кадровом резерве Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Указ Президента РФ от 24 июня 2019 г. № 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Распоряжение Правительства РФ от 24 июля 2019 г. № 1646-р (в ред. от 16 июня 2020 г.) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Правительства РФ от 3 марта 2017 г. № 256 (в ред. от 20 ноября 2018 г.) «О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

10. *Кабашов С. Ю.* Морально-этические и правовые основы государственного и муниципального управления. Профессиональная этика, кадровая политика, планирование карьеры и противодействие коррупции. М.: Дело, 2014.

11. Постановление Правительства РФ от 7 октября 2019 г. № 1296 «Об утверждении Положения о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Правительства РФ от 9 сентября 2020 г. № 1387 «Об утверждении единой методики проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Указ Президента РФ от 19 ноября 2007 г. № 1554 (в ред. от 6 октября 2020 г.) «О порядке присвоения и сохранения классных чинов юстиции лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации и должности федеральной государственной гражданской службы, и установлении федеральным государственным гражданским служащим месячных окладов за классный чин в соответствии с присвоенными им классными чинами юстиции» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Указ Президента РФ от 31 августа 2020 г. № 536 «Об утверждении Положения о порядке организации экспериментов, направленных на развитие федеральной государственной гражданской службы» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law of 31 July 1995 No. 119-FZ (as amended by 7 November 2000) “On the Basics of the State Service of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”).

2. Federal Law of 27 July 2004 No. 79-FZ (as amended by 31 July 2020) “On the State Civil Service of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”).

3. *Lozovitskaia G. P. (ed.)*. Formation of Personnel Policy and Management of Public Service Personnel: Textbook. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

4. Decree of the President of the Russian Federation of 13 December 2012 No. 1653 (as amended by 19 June 2020) “On the Federal Personnel Reserves of Federal State Bodies, Whose Activities Are Managed by the President of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”).

5. Decree of the President of the Russian Federation of 1 March 2017 No. 96 (as amended by 6 October 2020) “On Approval of the Regulation on the Personnel Reserve of a Federal State Body” (SPS “ConsultantPlus”).

6. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 25 February 2020 No. 20 “On Approval of the Regulation on the Personnel Reserve of the Ministry of Justice of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”).

7. Decree of the President of the Russian Federation of 24 June 2019 No. 288 “On the Main Directions of Development of the State Civil Service of the Russian Federation for 2019–2021” (SPS “ConsultantPlus”).

8. Decree of the Government of the Russian Federation of 24 July 2019 No. 1646-R (as amended by 16 June 2020) “On Approval of the Action Plan (“Road Map”) for the Implementation of the Main Directions of Development of the State Civil Service of the Russian Federation for 2019–2021” (SPS “ConsultantPlus”).

9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 3 March 2017 No. 256 (as amended by 20.11.2018) “On the Federal State Information System ‘Unified Information System for Personnel Management of the State Civil Service of the Russian Federation’” (SPS “ConsultantPlus”).

10. *Kabashov S. Iu.* Moral-Ethical and Legal Bases of State and Municipal Management. Professional Ethics, Personnel Policy, Career Planning and Anti-Corruption. Moscow: Delo, 2014.

11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 7 October 2019 No. 1296 “On Approval of the Regulations on Mentoring in the State Civil Service of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”).

12. Resolution of the Government of the Russian Federation from 9 September 2020 No. 1387 “On Approval of the Unified Methodology for Certification of State Civil Servants of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”).

13. Decree of the President of the Russian Federation of 19 November 2007 No. 1554 (as amended by 6 October 2020) "On the Procedure for Assigning and Retaining Class Ranks of Justice to Persons Holding Public Positions of the Russian Federation and Positions of the Federal State Civil Service, and for Establishing Monthly Salaries for Class Ranks by Federal State Civil Servants in Accordance with the Class Ranks of Justice Assigned to Them" (SPS "ConsultantPlus").

14. Decree of the President of the Russian Federation of 31 August 2020 No. 536 "On Approval of the Regulations on the Procedure for Organizing Experiments Aimed at Developing the Federal State Civil Service" (SPS "ConsultantPlus").

ЗАКОННОСТЬ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-27-32>

Актуальность темы обусловлена необходимостью решения существующих на практике проблем правового характера в деятельности военной полиции по обеспечению законности как основного направления правоохранительной деятельности. Незавершенность на теоретическом уровне понятия «законность» применительно к деятельности военной полиции, а также нормативная его незакрепленность затрудняют процесс совершенствования законодательства, регламентирующего обеспечение законности в Вооруженных Силах РФ. Такое положение отрицательно сказывается на обеспечении конституционных гарантий правового государства, правоохранительной деятельности, а также реализации существующих норм в правоприменительной практике. Предметом настоящего исследования являются правовые нормы в области военного, административного и иных отраслей права, регулирующие деятельность военной полиции по обеспечению законности. Целью статьи является проведение научного анализа понятия «законность» применительно к военной полиции. Методологию работы составляют общенаучные методы познания, а именно анализ, синтез, сравнение и ряд других. Существенной новизной данной работы является научное определение понятия «обеспечение законности военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации». В ходе проведенного исследования автор пришел к выводу, что понятие «обеспечение законности военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации» должно быть закреплено в действующем законодательстве, в частности в Уставе военной полиции. Определение «обеспечения законности» может быть сформулировано следующим образом: «Обеспечение военной полицией законности в Вооруженных Силах Российской Федерации – это деятельность, направленная на защиту жизни и здоровья, прав и свобод военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, поддержание правопорядка и воинской дисциплины, а также противодействие преступности». В заключение автор отмечает, что все категории и понятия военного правоохранительного понятийного аппарата находятся во взаимосвязи и в целом составляют правоохранительный механизм государства, основным стержнем которого является осуществляемая военной полицией и другими военными органами правопорядка правоохранительная деятельность.

**МИНТЯГОВ
Станислав Андреевич**

начальник учебной части –
заместитель начальника
военного учебного центра
при Всероссийском
государственном университете
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

stas21965@mail.ru

**Военная полиция;
законность;
деятельность;
обеспечение**

Stanislav A. MINTYAGOV

Head of the Training Unit – Deputy
Head of the Military Training Center,
All-Russian State University of Justice
(Moscow)

stas21965@mail.ru

LEGALITY AS A LEGAL CATEGORY IN THE ACTIVITIES OF THE MILITARY POLICE OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of the topic is due to the need to solve existing in practice problems of a legal nature in the activities of the military police to ensure legality as the main direction of law enforcement activity. Underdevelopment at the theoretical level of the concept of “legality” in relation to the activities of the military police, as well as its normative uncertainty hinder the process of improving the

Military police, legality, activity, enforcement

legislation regulating the provision of legality in the Armed Forces. This situation negatively affects the provision of constitutional guarantees of the rule of law, law enforcement activities, as well as the implementation of existing norms in law enforcement practice. The subject of this study is legal norms in the field of military, administrative and other branches of law, which regulate the activities of military police to ensure legality. The purpose of the article is to conduct a scientific analysis of the concept of "legality" as applied to the military police. The methodology of the work consists of general scientific methods of knowledge, namely: analysis, synthesis, comparison and a number of others. Significant novelty of this work is the scientific definition of the concept of «ensuring legality by the military police of the Armed Forces of the Russian Federation». The author's conclusions: In the course of this study the author came to the conclusion that the concept of "ensuring legality by the military police of the Armed Forces of the Russian Federation" should be enshrined in the current legislation, in particular, in the Charter of the Military Police. The definition of "ensuring legality" can be formulated as follows: "Ensuring lawfulness in the Armed Forces of the Russian Federation by the military police is an activity aimed at protecting the life and health, rights and freedoms of servicemen, persons of civilian personnel of the Armed Forces, maintaining law and order and military discipline, as well as countering crime. In conclusion, the author notes that all categories and concepts of military law enforcement conceptual apparatus are in interrelation and in general, constitute the law enforcement mechanism of the state, the main core of which is the law enforcement activity carried out by the military police and other military law enforcement agencies.

Понятие «законность» относится теорией административного права к фундаментальным категориям. Особое значение обеспечение законности в Вооруженных Силах РФ приобретает для тех органов правопорядка, которые в силу своих основных функций и полномочий призваны ее обеспечивать. Военная полиция Вооруженных Сил РФ (далее – военная полиция) входит в систему данных органов и занимает в ней особое место.

Вопросы обеспечения законности в государстве нашли отражение в работах многих ученых. Так, по мнению Н. С. Куликовой, понятие «законность» как юридическая категория представляет собой весьма многогранное явление. Одной из таких граней является то, что законность представляется в качестве определенного состояния государства и общества, достигаемого ими на высоком уровне их эволюционного развития [4, с. 17].

М. Н. Марченко отмечает, что «в числе важнейших признаков и черт правового государства – не только создание, но и поддержание в обществе режима демократии, законности и конституционности, предотвращение попыток узурпации власти, сосредоточения ее в одних или нескольких руках» [5, с. 369]. Кроме этого указанный автор говорит о «режиме законности», отождествляя его с «режимом демократии, конституционности, законности».

Теоретический анализ литературы позволил выделить два аспекта: с одной стороны, обеспечение

законности невозможно без наличия демократии; с другой стороны, хотя понятие «законность» тесно связано с такими категориями, как «демократия» и «конституционность», без обеспечения законности невозможно добиться демократии (в прямом ее проявлении – народовластия) или обеспечить действие конституционных норм.

Продолжая анализ понятия «законность» как юридической категории, интересным видится суждение В. И. Гоймана: «Законность – это принцип, метод и режим реализации норм права, содержащихся в законах и основанных на них подзаконных нормативных актах, всеми участниками общественных отношений (государством, его органами, должностными лицами, организациями, гражданами)» [2, с. 40]. По сути, данный автор рассматривает законность в трех аспектах: как принцип, как режим и как метод.

Еще раз отметим, что данное понятие довольно детально исследовано многими учеными, а перечисленные исследования внесли серьезный вклад в развитие правовой науки, в связи с чем, цель детализировать или дать ему новое научное обоснование в данном исследовании не стоит. Однако по-прежнему актуальной является проблема обеспечения законности в Вооруженных Силах РФ, для чего необходимо раскрыть сущность и содержание исследуемого понятия применительно к деятельности военной полиции.

Законность – это совокупность известных требований, предъявляемых ко всем субъектам в сфере

правового регулирования. По мнению профессора С. С. Алексеева, «это требования не только строжайшего, неукоснительного соблюдения и исполнения норм позитивного права, но и: а) верховенства законов по отношению ко всем иным правовым актам; б) равенства всех перед законом; в) обеспечения для всех субъектов полного и реального осуществления субъективных прав; г) независимого и эффективного правосудия; д) эффективной работы всех правоохранительных органов» [1, с. 79].

Таким образом, деятельность военной полиции как субъекта правоохранительной деятельности имеет важное значение для обеспечения законности в военной организации и заключается в последовательной реализации в рамках своей компетенции законодательных норм по защите жизни и здоровья, прав и свобод военнослужащих, поддержанию правопорядка и воинской дисциплины, противодействию преступности.

Как ни парадоксально это на первый взгляд звучит, но в ст. 25 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» военная полиция не обеспечивает законность, а принимает участие в обеспечении законности в Вооруженных Силах РФ [8].

Такой подход законодателя представляется автору немного странным, поскольку военная полиция является государственным органом (пусть и в составе Вооруженных Сил РФ), созданным именно для борьбы с нарушениями. При этом в том же Федеральном законе (п. 1 ст. 25.1) указано, что основное предназначение военной полиции является обеспечение законности в Вооруженных Силах РФ. Аналогичная формулировка основного предназначения военной полиции содержится в Уставе военной полиции. Однако при более детальном анализе вышеуказанного нормативного акта мы видим, что формулировка «участвует в обеспечении законности» также присутствует в ст. 19, где перечисляются основные направления деятельности.

Причина, по которой именно такая формулировка («участие в обеспечении законности») применена законодателем, представляется автору данного исследования довольно тривиальной. Сама ст. 25 Федерального закона «Об обороне» называется «Обеспечение законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах» и содержит перечень органов ее обеспечивающих в Вооруженных Силах РФ, к которым законодатель отнес: суды, прокуратуру и следственные органы. В каждой из перечисленных структур имеются специализированные, относительно самостоятельные органы, осуществляющие свою деятельность в Вооруженных Силах РФ, других войсках и органах.

Вышеуказанные органы составляют определенным образом обособленную по признаку профессиональ-

ной деятельности самостоятельную группу военных специализированных органов, имеющих свои четко определенные задачи и специфику. Их правовое положение базируется как на общих нормативных правовых актах, так и на актах, регулирующих правовое положение и полномочия конкретного органа.

К актам общего характера относятся Конституция РФ, Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», Федеральный закон «Об обороне» и др. [6; 7; 8]. Указанные акты содержат основы организации и функционирования всех правоохранительных органов, в том числе и военных, определяют их основные принципы деятельности. Так, Конституция РФ определяет основные (конституционные) права и свободы личности (гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина»), многие из которых имеют прямое отношение к правоохранительной деятельности (право на жизнь и личную неприкосновенность, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и т.п.).

Федеральный закон «Об обороне» объединяет и уполномочивает некоторые органы правопорядка осуществлять свою деятельность в Вооруженных Силах РФ и других военных структурах страны.

Федеральный закон «О статусе военнослужащих» гласит, что все военнослужащие находятся под защитой государства и никто не вправе вмешиваться в их служебную деятельность, за исключением лиц, уполномоченных на то законодательством.

Как видно из анализа основных функций, выполняемых всеми рассматриваемыми органами, данные функции различны, а выполняющие их органы имеют разные полномочия. Важно отметить, что различия в выполняемых функциях не должны создавать противоречия в их деятельности, поскольку все они должны быть направлены на достижение одной цели – обеспечение законности, а также охрану и защиту прав и законных интересов военнослужащих, общества и государства от противоправных посягательств.

Также необходимо сказать, что в отличие от других военных правоохранительных органов деятельность военной полиции регулируется не специальным федеральным законом, а Уставом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации [10]. Кроме этого юрисдикция военной полиции по применению полного набора средств, при помощи которых обеспечивается законность, ограничена и распространяется только на военнослужащих Вооруженных Сил РФ. При этом как юрисдикция других рассмотренных выше органов, обеспечивающих законность, распространяется не только на Вооруженные Силы РФ, но и на другие органы и воинские формирования, где предусмотрена военная служба (например, ФСБ России, ФСО России, Росгвардия и др.). Вместе с тем Фе-

деральным законом «Об обороне», Уставом военной полиции предусмотрены случаи, когда полномочия военной полиции могут распространяться и на военнослужащих других органов и воинских формирований. Это те случаи, когда военнослужащими других органов будет совершено преступление.

Также в качестве особенностей обеспечения военной полицией законности стоит отметить ее деятельность в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время. Функции и полномочия военной полиции в указанные особые периоды существенно могут быть расширены. На это прямо указывает п. 40 ст. 20 Устава военной полиции, где указано, что военная полиция принимает участие в мероприятиях территориальной обороны, в проведении контртеррористических операций и обеспечении режимов чрезвычайного и военного положения, которые свою очередь тесно связаны с применением ограничительных мер. Поэтому субъектами ее деятельности могут стать не только военнослужащие, но и все граждане и лица, находящиеся на территории РФ.

Таким образом, можно констатировать, что военная полиция обладает своей самостоятельной компетенцией, к числу наиболее важных полномочий можно отнести: поддержание правопорядка и воинской дисциплины, обеспечение безопасности дорожного движения, защиту жизни, здоровья, прав и свобод военнослужащих, выполнение, в том числе полицейских, функций по поддержанию международного мира и безопасности, что выделяет ее среди остальных органов, обеспечивающих законность в военной организации государства.

Обеспечение законности в Вооруженных Силах РФ – задача трудоемкая и, безусловно, для одной военной полиции подчас невыполнимая. Во многом деятельность всех органов очень тесно соприкасается, что создает впечатление осуществления ими абсолютно идентичной деятельности. Вместе с тем у каждого из этих органов свой своеобразный, присущий исключительно ему подход к выполнению общей, жизненно важной задачи – обеспечения законности и правопорядка, защиты прав и свобод военнослужащих, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Особенно это касается военной полиции, являющейся многофункциональным органом и обладающей широким спектром полномочий.

Н. Н. Карпов под обеспечением законности в сфере прохождения военной службы понимает осуществляемую на основании конституционных и законодательных норм деятельность органов и должностных лиц, военного командования по полному и всестороннему конституционному и иному законодательному и нормативному правовому регулированию процесса прохождения военной службы; точному, обязательному и единообразному исполнению этих

законодательных норм; признанию, соблюдению и защите конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина при прохождении военной службы, а также по организации в войсках эффективной деятельности суда, прокуратуры и правоохранительных органов, направленной на точное, обязательное и единообразное исполнение законодательных норм, регулирующих организацию обороны страны, признание, соблюдение и защиту конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина при прохождении военной службы [3, с. 385–390].

Объектом деятельности военной полиции по обеспечению законности выступают общественные отношения, возникающие между государством в лице органов военного управления и военнослужащим, проходящим военную службу и лицом гражданского персонала при исполнении им профессиональных обязанностей.

Деятельность военной полиции по обеспечению законности представляет собой собирательное понятие из предметов каждой конкретной функции военной полиции. По нашему мнению, в обобщенном виде деятельность военной полиции по обеспечению законности можно сформулировать как совокупность следующих предметов: поддержание правопорядка и воинской дисциплины; организация деятельности органа дознания; осуществление производства по делам об административных правонарушениях. Таким образом, предметом деятельности военной полиции по обеспечению законности может являться совокупность предметов каждой отдельной функции или группы функции, направленных на обеспечение законности, при этом выделить основную или наиболее приоритетную очень затруднительно.

Целями деятельности военной полиции по обеспечению законности в Вооруженных Силах РФ являются:

- обеспечение защиты жизни и здоровья, прав и свобод военнослужащих и лиц гражданского персонала, поскольку это является наивысшей ценностью;
- обеспечение в Вооруженных Силах РФ точного и строгого исполнения норм Конституции РФ, законодательных и иных нормативных правовых актов должностными лицами и органами в Вооруженных Силах РФ.

Достижению этих целей может способствовать выполнение военной полицией конкретных, определяемых ее правовым положением задач. Действующее законодательство не содержит точного определения задач военной полиции по обеспечению законности, поэтому в рамках настоящей работы видится выделить их среди прочих, возложенных на военную полицию.

Проведя анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность военной полиции, в частности федеральных законов «Об обороне», «О внесе-

нии изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции», Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, можно выделить из основного предназначения, основных направлений деятельности и функций те, которые напрямую связаны с обеспечением законности [8; 9; 10].

Из основного предназначения военной полиции, закрепленного в Федеральном законе «Об обороне» и Уставе военной полиции, вытекают следующие самостоятельные направления:

- 1) защита жизни, здоровья, прав и свобод военнослужащих, лиц гражданского персонала, граждан, проходящих военные сборы;
- 2) обеспечение законности;
- 3) обеспечение правопорядка и воинской дисциплины;
- 4) обеспечение безопасности дорожного движения;
- 5) охрана объектов Вооруженных Сил РФ;
- 6) противодействие преступности;
- 7) защита иных охраняемых законом правоотношений в области обороны.

Из основных направлений деятельности и функций военной полиции можно выделить:

- 1) осуществление полномочий органа дознания в Вооруженных Силах РФ;
- 2) производство в соответствии с компетенцией по делам об административных правонарушениях;
- 3) проведение разбирательств по дисциплинарным проступкам;
- 4) организация розыска и задержания военнослужащих, уклоняющихся от военной службы;
- 5) исполнение уголовных наказаний, дисциплинарного ареста, содержание под стражей военнослужащих их охрана и конвоирование;
- 6) обеспечение государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства из числа военнослужащих, судей военных судов, прокурорских работников органов военной прокуратуры, руководителей и следователей военных следственных органов, а также других защищаемых лиц.

Все перечисленные направления прямо ориентированы на обеспечение и укрепление военной полицией законности. Функции по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений, прямо закрепленные в Уставе военной полиции (п. 3, 4, 6, 8–10 ст. 20), также направлены на обеспечение законности.

Таким образом, можно прийти к выводу, что некоторые направления деятельности военной полиции прямо, а некоторые опосредовано, в частности обеспечение государственной защиты определенной категории лиц, обеспечение безопасности дорожного движения, нацелены на обеспечение законности.

Подводя итог рассмотрению проблем, затронутых в данной статье, автор хотел бы отметить, что формально любое государство или организация, например такая, как Вооруженные Силы РФ, вырабатывают определенные правила поведения для людей, в частности для военнослужащих, что в свою очередь требует исполнения этих норм и стремится к установлению состояния законности.

В целях более четкого урегулирования данных норм, по мнению автора, целесообразно внести соответствующие изменения в действующее законодательство, а именно в Федеральный закон «Об обороне» и Устав военной полиции, где следует указать, что военная полиция является государственным органом и обеспечивает законность в Вооруженных Силах РФ путем защиты жизни, здоровья, прав и свобод военнослужащих, лиц гражданского персонала, граждан, проходящих военные сборы в Вооруженных Силах РФ, поддержания правопорядка и воинской дисциплины, а также в пределах своей компетенции противодействия преступности и защиты других охраняемых законом правоотношений в области обороны. При этом выделенные нами отдельные направления из основного предназначения военной полиции, такие как охрана объектов или обеспечение безопасности дорожного движения, нужно включить в «другие охраняемые законом правоотношений в области обороны».

Здесь также стоит отметить, что практически аналогичная формулировка уже содержится в п. 1.1 ст. 13 Устава военной полиции, которая закрепляет основные понятия, в частности территориального органа военной полиции – военной комендатуры. Так, в соответствии с вышеуказанной нормой военная комендатура является территориальным органом военной полиции и предназначенным для выполнения задач по обеспечению законности, правопорядка, воинской дисциплины, охраны военнослужащих, содержащихся на гауптвахте, охраны служебных помещений органов военной прокуратуры и военных следственных органов и иных задач на территории закрепленного района ответственности.

Как видно, формулировка «обеспечение законности» выдвинута на первый план, что аналогичным порядком может быть применено в определении основного предназначения военной полиции Вооруженных Сил РФ, содержащемся в Федеральном законе «Об обороне» и Уставе военной полиции.

Указанное понятие, по нашему мнению, также должно быть закреплено в действующем законодательстве о военной полиции, в частности в Уставе военной полиции, в котором следует закрепить понятие и цель обеспечения военной полицией законности в Вооруженных Силах РФ как составной части правоохранительной деятельности.

Определение понятия «обеспечение законности» может быть сформулировано следующим обра-

зом: «Обеспечение военной полицией законности в Вооруженных Силах Российской Федерации – это деятельность, направленная на защиту жизни и здоровья, прав и свобод военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, поддержание правопорядка и воинской дисциплины, а также противодействие преступности».

В заключение все же необходимо отметить, что все категории и понятия военного правоохранительного понятийного аппарата находятся во взаимосвязи и в целом составляют правоохранительный механизм государства, основным стержнем которого является осуществляемая военной полицией и другими военными органами правопорядка правоохранительная деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрид. лит., 1994.
2. Общая теория права и государства : учебник для студентов вузов / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 2005.
3. Карпов Н. Н. Деятельность прокуратуры по обеспечению законности в сфере прохождения военной службы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 8 (124).
4. Куликова Н. С. Правовое регулирование обеспечения законности и дисциплины в административной деятельности полиции : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2016.
5. Марченко М. Н. Общая теория государства и права : в 3 т. Т. 1. М. : Зерцало-М, 2001.
6. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
7. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Российская газета. 1998. 2 июня. № 104.
8. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.
9. Федеральный закон от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции» // Российская газета. 2014. 5 февраля. № 24.
10. Указ Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 13. Ст. 1909.

References

1. Alekseev S. S. State and Law. Initial Course. 2nd ed. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1994.
2. Lazarev V. V. (ed.). General Theory of Law and State: Textbook. Moscow: Iurist, 2005.
3. Karpov N. N. Activity of the Prosecutor's Office to Ensure the Rule of Law in the Field of Military Service. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2013. Iss. 8 (124).
4. Kulikova N. S. Legal Regulation of Law Enforcement and Discipline in the Administrative Activities of the Police: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Voronezh, 2016.
5. Marchenko M. N. General Theory of State and Law. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Zertsalo-M, 2001.
6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 31. Art. 4398.
7. Federal Law of 27 May 1998 No. 76-FZ "On the Status of Military Personnel". *Rossiiskaia Gazeta*. 2 June 1998. No. 104.
8. Federal Law of 31 May 1996 No. 61-FZ "On Defense". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 23. Art. 2750.
9. Federal Law of 3 February 2014 No. 7-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Activities of the Military Police". *Rossiiskaia Gazeta*. 5 February 2014. No. 24.
10. Decree of the President of the Russian Federation of 25 March 2015 No. 161 "On Approval of the Charter of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation and Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2015. No. 13. Art. 1909.

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАПРЕЩЕННОЙ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
(СТ. 205⁵, 282² УК РФ)**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-33-39>

В статье анализируются проблемы совершенствования норм уголовной ответственности за организацию запрещенных в РФ экстремистских и террористических организаций и участие в них. Предметом исследования выступает совокупность правовых норм, регламентирующих вопросы противодействия экстремистской деятельности и терроризму как явлениям, представляющим наивысшую угрозу национальной безопасности РФ в целом, и ответственность за создание и участие в деятельности организаций, запрещенных специальными решениями уполномоченных государством органов. Целью исследования является изучение механизма действия уголовно-правовых норм, содержащихся в ст. 205⁵ и 282² Уголовного кодекса РФ, разработка предложений по совершенствованию российского уголовного законодательства по противодействию деятельности запрещенных организаций и правоприменительной практики. Помимо этого ставится цель выявления социальной обусловленности и значимости введения уголовной ответственности за осуществление деятельности на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной ее деятельности (284¹ УК РФ). Методологическую основу работы составляет всеобщий диалектический метод познания, а также комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания правовых явлений и процессов, в частности формально-логический, системно-структурный, статистический и некоторые другие. В процессе исследования делается вывод о необходимости уточнения терминологии и содержания норм об ответственности за организацию деятельности структур, запрещенных законодательством, а также определения их места в системе уголовного законодательства с учетом их изначального смысла. В результате проведенного анализа автором дается интерпретация норм уголовного законодательства, содержащихся в ст. 205⁵, 282², 284¹ УК РФ, выносятся на обсуждение идея консолидации в одну классификационную группу всех преступлений экстремистской и террористической направленности как общественно опасных деяний, посягающих на основы конституционного строя России.

КОНДРАТЬЕВ

Юрий Анатольевич

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)

kondr1953@gmail.com

**Экстремистская деятельность;
терроризм;
уголовная ответственность;
наказание;
экстремистская организация;
террористическая
организация;
основы конституционного
строя**

Yuri A. KONDRATIEV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Criminal Law and Criminology, All-
Russian State University of Justice
(Moscow)

kondr1953@gmail.com

**PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF NORMS
ON THE ORGANIZATION OF THE ORGANIZATION
FORBIDDEN IN THE RUSSIAN FEDERATION
AND PARTICIPATION IN ACTIVITY OF SUCH
ORGANIZATION (ARTICLES 205⁵, 282² OF THE
CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

**Extremist activity;
terrorism; criminal liability;
punishment;
extremist organization;
terrorist organization;
foundations of the constitutional
system**

The article analyzes the problems of improving the norms on criminal responsibility for organizing extremist and terrorist organizations banned in the Russian Federation and participating in them. The subject of the research is a set of legal norms governing the issues of countering extremist activity and terrorism as phenomena that pose the highest threat to the national security of the Russian Federation as a whole, and responsibility for the creation and participation in the activities of organizations prohibited by special decisions of state-authorized bodies. The aim of the study is to study the mechanism of action of the criminal law provisions contained in Articles 205⁵, 282² of the Criminal Code of the Russian Federation, development of proposals for improving Russian criminal legislation to counter the activities of prohibited organizations and law enforcement practice. In addition, the goal is to identify the social conditionality and significance of the introduction of criminal liability for the implementation of activities in the territory of the Russian Federation by a foreign or international non-governmental organization, in relation to which a decision has been made to recognize its undesirable activities (Article 284¹ of the Criminal Code of the Russian Federation). The methodological basis of the work is the general dialectical method of cognition, as well as a complex of general and specific scientific methods of cognition of legal phenomena and processes, in particular, formal-logical, system-structural, statistical and some others. In the course of the research, it is concluded that it is necessary to clarify the terminology and content of the norms on responsibility for organizing the activities of structures prohibited by law, as well as to determine their place in the system of criminal legislation, taking into account their original meaning. As a result of the analysis, the author gives an interpretation of the norms of criminal legislation contained in Articles 205⁵, 282², 284¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, the idea of consolidation into one classification group of all extremist and terrorist crimes as socially dangerous acts encroaching on the foundations of the constitutional system of Russia is proposed for discussion.

Потребность в установлении уголовной ответственности за организацию деятельности террористической и экстремистской организаций, а также участие в них обусловлена вызовами экстремизма и его крайнего проявления – терроризма, которые в начале XXI в. представляют не только угрозу национальной безопасности и целостности России, но и общемировую проблему. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и на более длительную перспективу определено, что Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования; правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма и экстремизма. При этом одним из основных источников угроз национальной, безопасности в сфере государственной и общественной безопасности выступает экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию

внутриполитической и социальной ситуации в стране.

Сравнительный анализ двух самостоятельных составов преступлений, расположенных в разных разделах и главах УК, имеющих разные родовые и видовые объекты, объясняется весьма условными критериями разграничения содержания деятельности организаций террористического и экстремистского характера, динамичной границей, которая отличает их друг от друга, сходством конструкций норм, предусмотренных ст. 205⁵ и 282² Уголовного кодекса РФ (далее – УК), имеющих бланкетные диспозиции, отсылающие к федеральным законам, наличием общего условия применения – вступившего в силу решения суда о запрете деятельности организации, деятельность которой признается террористической или экстремистской.

Нетрудно заметить, что нормы об ответственности за организацию деятельности террористической и экстремистской организаций, а также участие в них появились в порядке дополнения к УК. Статья 282² («Организация деятельности экстремистской организации») была введена Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ в пакете законодательных

преобразований, направленных на противодействие экстремистской деятельности. В дальнейшем она неоднократно изменялась и дополнялась в соответствии с федеральными законами от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ, от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ, от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ и в настоящее время имеет достаточно сложную структуру, включающую четыре части, одна из которых является литерной.

Разграничительным признаком первых трех частей данной статьи в ее актуальной редакции является характеристика общественно опасного деяния. По ч. 1 ст. 282² УК наказуема организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением в связи с осуществлением экстремистской деятельности. При этом исключение делается для организаций, которые признаны террористическими.

Согласно ч. 1.1 данной статьи формами общественно опасного деяния являются склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации.

Ответственность за участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности предусмотрена ч. 2 ст. 282² УК.

Квалифицирующим признаком данного преступления является совершение одного из перечисленных преступлений с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 282² УК).

Примечание к статье содержит поощрительную норму об освобождении от уголовной ответственности лиц, добровольно прекративших участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности при условии, если в их действиях не содержится состава преступления.

Обращает на себя внимание резкое изменение позиции законодателя относительно общественной опасности криминализованных в ст. 282² УК деяний. Если согласно изначальной версии данной статьи, содержащей только две части, предусмотренные ею деяния относились к категориям преступлений небольшой и средней тяжести, то ныне они отнесены к категориям тяжких (ч. 1, 1.1, 2 ст. 282² УК) и особо тяжких преступлений (ч. 3 ст. 282² УК).

По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, по ст. 282² УК в 2006 г. было возбуждено 7, в 2007 г. – 26,

в 2008 г. – 31, в 2009 г. – 23, в 2010 г. – 23 уголовных дела [1, с. 62]. В 2015 г. по данной статье было осуждено 16, в 2016 г. – 18, в 2017 г. – 25, в 2018 г. – 42, в 2019 г. – 67, в первом полугодии 2020 г. – 31 человек [2].

Статья 205⁵ («Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации») была введена Федеральным законом от 2 февраля 2013 г. № 302-ФЗ, направленным на формирование комплексной системы противодействия террористической деятельности путем создания новых форм противодействия терроризму, в том числе с использованием социально-общественных инструментов, а затем дважды федеральными законами от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ и от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ изменялась в пакете законодательных преобразований, нацеленных на противодействие террористической деятельности. Случаи применения ст. 205⁵ УК в практике не единичны: в 2015 г. было осуждено 9, в 2016 г. – 63, в 2017 г. – 110, в 2018 г. – 98, в 2019 г. – 131 человек [2].

Позитивная оценка мероприятий по совершенствованию правовой базы противодействия терроризму в целом не оставила незамеченным тот факт, что законодательная инициатива в части установления ответственности за организацию террористической организации и участие в такой организации была просчитана не в должной мере.

Даже в изначальной версии ст. 205⁵ УК обратили на себя внимание беспрецедентно жесткие санкции, которые характеризовали организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации, как преступление особо тяжкое. Однако уже через шесть месяцев после дополнения этой статьи в УК в нее были внесены дополнения и в санкцию ч. 1 данной статьи к единственному основному наказанию – лишению свободы на срок от 15 до 20 лет – было добавлено пожизненное лишение свободы. Еще через два года была усилена санкция также ч. 2 ст. 205⁵ УК и минимальный и максимальный сроки лишения свободы были увеличены ровно в два раза (с пяти и 10 лет до 10 и 20 лет) [3, с. 175–176].

Удивляет и то, что при несомненном сходстве задач криминализации наиболее опасных проявлений экстремизма и терроризма конструкция ст. 205⁵ УК имеет в сравнении со ст. 282² УК иную структуру, объединяющую две части, в каждой из которых отражена аннотированная в названии статьи форма преступного деяния. Согласно ч. 1 ст. 205⁵ УК наказуема организация деятельности организации, которая в соответствии с законодательством РФ признана террористической. В соответствии с ч. 2 данной статьи единственной формой общественно опасного деяния является участие деятельности организации,

которая в соответствии с законодательством РФ признана террористической. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность организации, признанной террористической, криминализованы самостоятельно (ст. 205¹ УК). Отсутствует в ст. 205⁵ УК такой квалифицирующий признак, как использование служебного положения, который законодатель применительно к данным формам преступного деяния по каким-то причинам посчитал не актуальным.

В том же контексте воспринимаются и особенности примечания к ст. 205⁵ УК, содержащего норму об освобождении от уголовной ответственности лица, добровольно прекратившего участие в деятельности террористической организации. Во-первых, в отличие от нормы аналогичной направленности, содержащейся в примечании к ст. 282² УК, она распространяется лишь на лицо, впервые совершившее данное преступление. Во-вторых, исключает признак добровольности прекращения участия в деятельности террористической организации в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных, либо иных процессуальных действий.

В конструкции ст. 205⁵ УК отсутствует четкое описание преюдициального факта – наличия вступившего в силу судебного решения о признании организации террористической, что, на наш взгляд, является пробелом, если не допускать ситуации, в которых подобного рода признание может осуществляться в рамках какой-либо административной (внесудебной) процедуры. В настоящее время этот пробел в определенной мере восполняет разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о том, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205⁵ УК, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории РФ по решению суда [4]. Вместе с тем во избежание расширительного толкования процедуры признания организации террористической необходимо внести ясность в текст уголовно-правовой нормы.

Речь идет о важнейшем конструктивном признаке состава данного преступления, отличающего его от организации террористического сообщества, изначально ориентированного на нелегальную террористическую деятельность, тогда как деятельность организации, о которой идет речь в ст. 205⁵ УК, может осуществляться с использованием и под прикрытием существующих легальных форм, причем совершенно необязательно искать такую организацию в реестре юридических лиц, зарегистрированных (или претендующих на официальную регистрацию). Многие террористические организации имеют «центральные офисы» в других государствах. В любом случае для привлечения к уголовной ответственности по ст. 205⁵

УК необходимо наличие судебного решения и включения организации в список запрещенных, публикуемом в установленном Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» порядке. Действующим законодательством установлена следующая процедура признания организации террористической. Федеральная служба безопасности на основе имеющейся информации о деятельности террористических группировок, а также материалов, представленных МИД России, МВД России, СВР России и ГРУ ГШ ВС РФ, готовит предложения в Генпрокуратуру России о запрете деятельности тех из них, которые представляют угрозу безопасности России. Генпрокуратура России на основании обращения ФСБ России готовит исковое заявление и направляет его в Верховный Суд РФ, который при наличии достаточных доказательств принимает решение о признании организации террористической и запрещает ее деятельность на территории России [5, с. 34].

Вопрос об объекте рассматриваемых преступлений законодатель решил с учетом основных целей, для достижения которых введены соответствующие уголовно-правовые нормы и оценки общественной опасности криминализуемых им деяний. Исходя из логики действующего законодательства общественная опасность организации деятельности экстремистской организации и участия в деятельности такой организации (ст. 282² УК) заключается в направленности деяния на подрыв основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности государства, идеи равноправия людей независимо от их социальной, идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной принадлежности. В настоящее время экстремизм представляет серьезную угрозу не только нравственным и духовным устоям общества, но и жизни граждан России, основам государственности и целостности страны [6, с. 19–20]. Согласно оценке экспертов и заявлениям политического руководства России, экстремизм в настоящее время является одной из ключевых угроз национальной безопасности Российской Федерации [7, с. 212–222].

Одновременно, преступление, предусмотренное ст. 282² УК, посягает и на общественные отношения, возникающие в сфере отправления правосудия, поскольку его механизм в качестве обязательного элемента включает неисполнение вступившего в силу решения суда о прекращении деятельности организации, признанной экстремистской. Именно данный признак позволяет провести грань между преступлением и административным правонарушением. Как указал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», при решении вопроса о разграничении преступлений, предусмотренных ст. 282² УК, и административного правонарушения, предусмот-

ренного ст. 20.28 Кодекса РФ об административных правонарушениях, необходимо учитывать, что «организация деятельности и участие в деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого действует имеющее законную силу решение о приостановлении его деятельности, влекут административную ответственность, а совершение указанных действий при наличии вступившего в законную силу решения о ликвидации или запрете деятельности общественного или религиозного объединения в связи с осуществлением им экстремистской деятельности влечет уголовную ответственность».

Общественная опасность организации деятельности террористической организации и участия в деятельности такой организации состоит в создании угроз общественной безопасности в самом широком смысле, охватывающем общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия жизни общества в целом, общественный порядок, экологическую безопасность и др. [8]. Вместе с тем, как отмечается в специальной литературе, террористическая деятельность, являясь сложно организованной открытой системой по дестабилизации политической и социально-экономической ситуации [9, с. 5–6], создает реальную угрозу основам государственной безопасности России, ее территориальной неприкосновенности, военной мощи, а также интересам мирового сообщества и безопасности человечества [10, с. 532].

В механизме причинения вреда названным общественным отношениям создание террористической организации, участие в ее деятельности играют важнейшую роль. Террористический акт сам по себе, являясь первоэлементом терроризма, будучи иногда очень важным историческим и политическим фактом, сам по себе еще не свидетельствует о наличии в общественной жизни терроризма как социального феномена. Последний предполагает наличие организации (организаций), сознательно избравшей в качестве основной формы своей деятельности террористическую борьбу. Это обуславливает важнейшие признаки терроризма: систематический характер осуществления тактики террористических покушений и наличие соответствующей организации, построение этой организации как целостной структуры, создающей необходимые условия, как для непосредственного осуществления террористических актов, так и для информационного, финансового, технического и т.д. обеспечения всей террористической деятельности [11, с. 14].

Именно поэтому мы считаем, что видовым объектом всех преступлений террористического характера, так же как и преступлений экстремистской направленности, должны считаться конституционный строй РФ и его компоненты – гарантированный с помощью государства правовой статус личности, госу-

дарственная (политическая, экономическая, идеологическая) безопасность России, ее территориальная неприкосновенность и целостность. Такое понимание объекта преступлений террористической направленности позволит помимо частных вопросов разрешить и общие проблемы: преодолеть существующие условности в разграничении преступлений экстремистской и террористической направленности, исходя из подходов к определению понятий «экстремизм» и «терроризм», заложенных в федеральных законах, регламентирующих противодействие этим явлениям современной действительности; унифицировать ответственность за создание организаций, запрещенных уголовным законом, и участие в них и ряд других. Как показывает практика, условности в разграничении понятий «экстремизм» и «террористическая деятельность» влекут за собой серьезные затруднения, связанные с установлением их соотношения и разграничением. Примером этого является дело А. А. Дильмухаметова, осужденного по ст. 205⁵ УК за распространение материалов, которые судом были отнесены к числу экстремистских [12].

Динамика общественной жизни и уголовного законодательства выносит в повестку рассмотрение уголовно-правовой нормы об ответственности за осуществление деятельности, так называемой, нежелательной организации. Такая норма введена в УК в соответствии с Федеральным законом от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ (ст. 284¹). В ней криминализовано осуществление деятельности на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности. Смысл уголовно-правового запрета в данном случае состоит в обеспечении прекращения деятельности организации, представляющей угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности страны или безопасности государства, в том числе способствующей либо препятствующей выдвижению кандидатов, спискам кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах, референдуме (включая участие в иных формах в избирательных кампаниях, кампаниях референдума, за исключением участия в избирательных кампаниях, кампаниях референдума в качестве иностранных (международных) наблюдателей).

Именно деятельность такой организации, не являющейся по содержанию ни террористической, ни экстремистской, может быть признана нежелательной на территории РФ. Данные деяния признаются менее общественно опасными, чем те, которые криминализованы в ст. 205⁵ и 282² УК. Поэтому в ст. 284¹ УК введена административная преюдиция: уголовная

ответственность наступает лишь в случае совершения указанных действий лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

За годы действия Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272 и основанных на нем правовых запретов нежелательной на территории России признана деятельность таких организаций, как «Национальный фонд в поддержку демократии», «Открытое общество» и «Содействие», основанные Джорджем Сорросом, Американско-российский фонд по экономическому и правовому развитию, Национальный демократический институт по международным вопросам (США), Фонд инвестирования в развитие СМИ, *Otkrytaya Rossia, Institute of Modern Russia, Inc.* (США) и *Open Russia Civic Movement* (Великобритания), связанные с Михаилом Ходорковским, Европейская платформа за демократические выборы (Германия) Международный центр электоральных исследований (Литва), Германский фонд Маршалла Соединенных Штатов (США). Предпринимались попытки пополнить этот перечень такими международными организациями, как *Transparency International, Human Rights Watch, Amnesty International* [13].

Несомненно, существенное сходство запретов, содержащихся в данной статье, а именно руководства деятельностью на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности, либо участия в такой деятельности, от деяний, криминализованных в ст. 205⁵ и 282²УК. Однако есть и определенные отличия, касающиеся не только признаков организации, деятельность которой признается нежелательной на территории России, от организации, признанной террористической (ст. 205⁵ УК) или

экстремистской (ст. 282² УК), но и способов, используемых для официального оформления запрета.

Если деятельность экстремистской и террористической организации запрещается решением суда, то в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» в отношении «нежелательной организации» запрет деятельности осуществляется посредством административного решения, принимаемого Генеральным прокурором РФ или его заместителями по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений РФ (МИД России) во внесудебном порядке. Информация о включении в список нежелательных организации (по аналогии с существующим списком для иностранных агентов) публикуется на сайте Минюста России. С сентября 2015 г. по распоряжению Правительства РФ деятельность иностранных организаций признается нежелательной после публикации в «Российской газете».

Воздерживаясь от политической оценки идеи отнесения той или иной иностранной некоммерческой организации к нежелательной для Российской Федерации, отметим, что весьма размытые критерии, с помощью которой зарубежные структуры, принимающие участие в общественно-политической жизни России, могут быть отнесены к нежелательным, а также упрощенный (внесудебный) порядок оформления соответствующего решения вызывают негативную реакцию не только международных и зарубежных организаций, но и отечественных правозащитных структур [14, с. 308].

Пристатейный библиографический список

1. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2010 : Информационно-аналитический доклад. М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2011.
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015–2020 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 22.10. 2020).
3. Сипки М. В. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205-5 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»» (п. 22.6) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Агапов П. В., Михайлов К. В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики : монография. Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2007.

6. *Истомин А. Ф., Лопаткин Д. А.* К вопросу об экстремизме // Современное право. 2005. № 7.
7. *Петрянин А. В.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014.
8. *Ефимова М. П.* Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 205.5 УК РФ // Молодой ученый : сайт. URL: <https://moluch.ru/archive/65/10464/> (дата обращения: 22.10. 2020).
9. *Супрунчук И. П.* Полимасштабный пространственно-временной анализ террористической деятельности : автореф. дис. ... канд. географ. наук. Ставрополь, 2015.
10. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. 2-е изд. перераб. и доп. М. : НОРМА, 2009.
11. *Нарыжный В. Н.* Сущность современного терроризма в контексте перспектив социального развития : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2006.
12. Решение от 13 марта 2013 г. (дело № 2-2073/2013); приговор от 12 марта 2015 г. (дело № 1-6/2015) // Архив Кировского районного суда г. Уфы.
13. *Макутина М., Тагаева Л., Химшиашвили П.* Генпрокуратуру попросили закрыть первые пять нежелательных организаций // РБК. 2015. 25 мая.
14. *Кондратьев Ю. А., Маркова Т. Ю.* Преступления, противодействующие принятию и исполнению судебных актов : доктрина, законодательство, практика России. М. : Lambert Academic Publishing, 2021.

References

1. The State of Legality and Law and Order in the Russian Federation and the Work of the Prosecutor's Office. 2010: Information and Analytical Report. Moscow: Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2011.
2. Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2015–2020. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (date of the application: 22.10. 2020).
3. *Sipki M. V.* Organization of the Activities of a Terrorist Organization and Participation in the Activities of Such an Organization (Article 205-5 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Actual Problems of Russian Law*. 2017. No. 3 (76).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 3 November 2016 No. 41 "On Amending the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 February 2012 No. 1 'On Some Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Terrorist Crimes' and of 28 June 2011 No. 11 "On Judicial Practice in Criminal Cases on Crimes of Extremist Orientation" (p. 22.6) (SPS "ConsultantPlus").
5. *Agapov P. V., Mikhailov K. V.* Criminal Responsibility for the Promotion of Terrorist Activities: Trends in Modern Criminal Policy: Monograph. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007.
6. *Istomin A. F., Lopatkin D. A.* On the Question of Extremism. *Modern Law*. 2005. No. 7.
7. *Petrianin A. V.* Countering Extremist Crimes: Criminal Law and Criminological Aspects: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2014.
8. *Efimova M. P.* Criminal and Legal Characteristics of the *Corpus Delicti* under Article 205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation. URL: <https://moluch.ru/archive/65/10464/> (date of the application: 22.10. 2020).
9. *Suprunchuk I. P.* Poly-Scale Spatio-Temporal Analysis of Terrorist Activity: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Geographical Sciences. Stavropol, 2015.
10. *Zhuravlev M. P., Nikulin S. I.* Criminal Law. General and Special Parts: Textbook. 2nd ed. Moscow: Norma, 2009.
11. *Naryzhnyi V. N.* The Essence of Modern Terrorism in the Context of the Prospects for Social Development: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Maykop, 2006.
12. Decision of 13 March 2013 (case No. 2-2073/2013); Verdict of 12 March 2015 (case No. 1-6/2015) (Archive of the Kirovsky District Court of Ufa).
13. *Makutina M., Tagaeva L., Khimshiashvili P.* The Prosecutor General's Office Was Asked to Close the First Five Undesirable Organizations. *RBK*. 25 May 2015.
14. *Kondratiev Iu. A., Markova T. Iu.* Crimes Counteracting the Adoption and Execution of Judicial Acts: Doctrine, Legislation, Practice of Russia. Moscow: Lambert Academic Publishing, 2021.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-40-45>

Автором в работе исследуется актуальный на сегодняшний день вопрос соотношения экстремизма и терроризма, поскольку данные явления ставят под угрозу основы государства и общества, национальную безопасность Российской Федерации. Увеличение количества этих противоправных действий ставит задачу совершенствования мер противодействия. Актуальность исследования данных вопросов обусловлена тем, что стратегия противодействия этим явлениям нуждается в четкой регламентации понятий экстремизма и терроризма, а также выяснении проблем и сложностей правоприменительной практики. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ понятий экстремизма и терроризма, их законодательной регламентации, влияния мотивов совершения этих преступлений на квалификацию содеянного, установление признаков этих преступлений и их влияния на правоприменительную и судебную практику. Для достижения поставленной цели автор решает следующие задачи: 1) определяет понятие и содержание экстремизма и терроризма; 2) устанавливает соотношение данных понятий; 3) рассматривает судебную практику; 4) выявляет существующие проблемы и сложности. Предметом настоящего исследования являются нормы, определяющие экстремизм и терроризм, а также высказанные ранее положения по определению стратегии противодействия данным явлениям. В частности, в статье автором поставлена цель исследовать правоприменительную и судебную практику, определить влияние установление мотива совершения преступления на квалификацию содеянного. Методологическую основу работы составили методы диалектики как общенаучного метода познания, а также такие частнонаучные методы, как формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-логический, метод правового моделирования в их различном сочетании.

БАТЮКОВА

Вера Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент, старший научный
сотрудник сектора уголовного
права, уголовного процесса
и криминологии Института
государства и права Российской
академии наук (г. Москва)

Batyukova@yandex.ru

**Экстремизм;
терроризм;
мотив совершения
преступления;
правоприменительная
практика;
судебная практика;
стратегия противодействия**

Vera E. BATYUKOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Senior
Researcher, Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law of the
Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Batyukova@yandex.ru

ON THE RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS OF EXTREMISM AND TERRORISM

The author examines the current issue of the relationship between extremism and terrorism, since these phenomena threaten the foundations of the state and society, the national security of the Russian Federation. An increase in the number of these illegal actions poses the task of improving countermeasures. The relevance of the study of these issues is due to the fact that the strategy of countering these phenomena requires a clear regulation of the concepts of extremism and terrorism, as well as clarification of the problems and complexities of law enforcement practice. In this regard, the purpose of this article is to analyze the concepts of extremism and terrorism, their legislative regulation, the influence of the motives for committing these crimes on the qualification of the offense, establishing the signs of these crimes and their impact, and reflecting on law enforcement and judicial practice. To achieve this goal, the author solves the following tasks:

**Extremism;
terrorism;
motive for committing a crime;
law enforcement practice;
judicial practice;
strategy of counteraction**

1) defines the concept and content of extremism and terrorism; 2) establishes the relationship of these concepts; 3) considers judicial practice; 4) identifies existing problems and difficulties. The subject of this study is the norms defining extremism and terrorism, as well as the previously stated provisions on defining a strategy for countering these phenomena. In particular, in the article the author sets the goal to investigate law enforcement and judicial practice, to determine the influence of establishing the motive for committing a crime on the qualification of the offense. The methodological basis of the work was formed by the methods of dialectics as a general scientific method of cognition, as well as such particular scientific methods as formal-legal, comparative-legal, historical-logical, method of legal modeling in their various combinations.

На современном этапе развития мирового устройства терроризм и экстремизм приобрели статус глобальных угроз национальной безопасности и суверенитета многих государств, включая Российскую Федерацию. Указанные угрозы выходят и на межгосударственный и международный уровни, что порождает необходимость принятия важных политических и правовых решений, в том числе в сфере правового регулирования борьбы с терроризмом и экстремизмом [1, с. 131–140]. Президент РФ Владимир Путин в своих выступлениях неоднократно указывал, что терроризм является самой опасной угрозой для всего мирового сообщества. 24 февраля 2021 г. глава РФ на заседании коллегии Федеральной службы безопасности отметил, что наряду с трансграничной преступностью, киберпреступностью проявления терроризма остаются на очень высоком уровне и являются самой опасной угрозой [2, с. 5–10].

Терроризм и экстремизм имеют многовековую историю становления и развития. Так, еще в Римской империи zeloty – группа идейных вдохновителей иудейских восстаний боролись с действовавшей на тот момент властью, используя силовые и несиловые методы. В последующие периоды истории следствием экстремизма, крайней формой его проявления стал терроризм. Считается, что истоки терроризма заложены основателем секты ваххабитов Муххамедом ибн Абу-аль-Ваххаб, который дополнил имеющиеся пять столпов ислама шестым столпом – джихадом («священная война»).

На сегодняшний день террористическая и экстремистская деятельность вышли на новый этап развития, имеют организованный характер и финансирование. Развитие данных направлений преступной деятельности требует от государств мира жесткой ответной реакции, направленной на борьбу и уничтожение проявлений терроризма и экстремизма.

И терроризм, и экстремизм, несмотря на то, что имеют давнюю историю, часто соотносятся как по-добные. Обыватели не всегда вникают в смысловую

сущность данных терминов, что значительно затрудняет борьбу с экстремизмом и терроризмом.

Для борьбы с такими преступлениями государство стремится создать определенную стратегию, которая могла бы не только выявить и наказать преступника, но и предупредить такое деяние, так как оно негативно влияет на все общество и государство [3].

Конечно, чтобы выработать такую стратегию, необходимо разобраться с основой – определить понятие и сущность самих действий, входящих в содержание этих понятий, а также обозначить их особенности, чтобы исключить возможное уподобление.

Понятие террора возникло давно, однако ранее он сочетался лишь с террором власти. Со временем он приобретал все больший характер: террористическая диктатура правителей переросла в террор со стороны независимых организаций. Только в конце XX в. стало понятно, что терроризм – большая угроза для всей цивилизации.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4] терроризмом является «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Однако определение не в полной мере находит свое отражение в научных публикациях. Например, Ю. Н. Дерюгина считает, что терроризм – это «социально-правовое явление, выражающееся в совершении или угрозе совершения общественно-опасных деяний, направленных на устрашение населения или отдельных социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие решения или отказ от них государством, обществом или гражданином в интересах террористов или третьих лиц» [5, с. 47]; А. Ю. Яковлев – «социально-политическое явление, заключающееся в систематическом использова-

нии идеологически обоснованного насилия для достижения определенных целей» [6, с. 118–119].

Из вышеизложенного можно выделить главные признаки, присущие терроризму:

- 1) социальное явление;
- 2) противоправное деяние;
- 3) форма деяния – насилие, которое может быть как физическим, так и психологическим;
- 4) устрашение – средство воздействия на принятие решения;
- 5) цель – изменения политической, идеологической и иной ситуации.

Термин «экстремизм» начал использоваться лишь с середины XIX в. В основном во Франции, Англии и США данный термин означал противостояние двух враждующих сторон.

В РФ в отношении экстремизма был принят Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [7], в котором нет точного определения такого деяния, как экстремизм, однако есть пояснения по поводу видов экстремистской деятельности. В ст. 1 указанного Закона представлен закрытый перечень, который содержит в себе такие деяния, как насильственное изменение конституционного строя, террористическая деятельность, возбуждение розни по различным признакам, распространение экстремистских материалов и др.

Таким образом, опираясь на определения, закрепленные в законодательстве, можно сделать вывод, что понятие экстремизма шире понятия терроризма.

Например, Ю. И. Авдеев, рассматривает терроризм как особое общественно-политическое явление, а экстремизм – как социально-политический феномен, представляющий собой совокупность различных крайних форм политической борьбы. Автор делает вывод, что содержание экстремизма гораздо шире терроризма [8, с. 41–42].

Кроме того, как отметил М. Г. Фролов [9, с. 165–169], законодатель определил преступления, связанные с террористической деятельностью (ст. 205, 205.1, 205.2 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)), и экстремистские преступления (ст. 280, 280.1, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ) в разные разделы УК РФ. Таким образом, родовым объектом преступлений экстремистской направленности являются основы конституционного строя и безопасность государства, в то время как родовым объектом терроризма выступает общественная безопасность.

В научном сообществе также имеет множество точек зрения относительно определения экстремизма. Например, К. О. Никонов представляет его как «деятельность, выходящую за рамки дозволенного и связанную с применением насилия или его пропагандой» [10, с. 42]. В свою очередь, А. Г. Никитин считает

экстремизмом «обусловленное объективными реалиями социально-правовое явление крайнего проявления психологических, идеологических и поведенческих элементов к конкретным общественным отношениям и их участникам» [11, с. 40].

Данные положения свидетельствуют о том, что экстремизм содержит в себе понятие терроризм, а значит, является более широким понятием.

Нельзя не обратить внимания на то, что в современных публикациях, посвященных исследуемым понятиям, довольно часто происходит смешение экстремистских и хулиганских мотивов, что, по нашему мнению, является неверным.

В науке уголовного права и криминологии данное обстоятельство является предметом давних споров. Мнения разделились: например, одни ученые, в частности Ю. М. Антонян [12, с. 293], считают, что хулиганские побуждения – стремление проявить себя, а другие думают, что в содержание хулиганского побуждения входят личностные особенности.

Экстремистский мотив, в свою очередь, заключается в том, что лицо совершает преступление в отношении объекта, который не просто не входит в его круг, а также состоит в другой, чужой группе.

Несмотря на то что данные мотивы схожи, их следует разделять. Хулиганский мотив чаще возникает внезапно, в зависимости от различных обстоятельств, а экстремистский мотив – более обдуманый и взвешенный.

Содержание хулиганского и экстремистского мотивов не совпадают. Один из мотивов в действиях лица, совершающего хулиганство, должен преобладать: либо собственно хулиганский мотив, либо хулиганский мотив, основанный на экстремистских побуждениях. Именно в этом ключе следует рассматривать складывающуюся практику применения п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Вместе с тем представляется необходимым применить несколько иной подход к формулированию действующей редакции ст. 213 УК РФ, чтобы исключить трудности, возникающие в правоприменительной практике и дальнейшие дискуссии по этому поводу. Кроме того, для исключения длительной полемики в части вопроса о том, может ли хулиганство совершаться не из хулиганских побуждений, представляется необходимым указание на хулиганские побуждения как на конструктивный элемент состава хулиганства.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [13] не разъясняется, необходимо ли при совершении хулиганских действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной

ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) наличие еще и хулиганского мотива. По нашему мнению, в упомянутой ситуации при отсутствии хулиганского мотива деяние следует квалифицировать не как хулиганство, совершенное по экстремистским мотивам (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), а как преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ.

Кроме того, у многих правоприменителей вызывает определенные сомнения положение п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ о том, что хулиганство может совершаться по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Деяния, совершаемые по таким мотивам, замечают 72% опрошенных – это уже преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

По каким именно признакам отграничивать хулиганство и преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, сразу ответить не смогли 81% опрошенных нами практикующих юристов. Кроме того, 91% опрошенных указывают на то, что введение в ст. 213 УК РФ п. «б» породило практически неразрешимые проблемы в отграничении данного преступления от смежных составов преступлений.

Еще одной важной проблемой является сложность в квалификации преступлений в зависимости от рассматриваемых мотивов. Громкий процесс 2018 г. над Марией Мотузной, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и ч. 1 ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» УК РФ является свидетельством этого. Основанием для возбуждения уголовного дела послужили размещенные в 2015 г. на удаленной странице М. Мотузной в социальной сети ВКонтакте изображений так называемых интернет-мемов на религиозной почве, которые по версии следствия оскорбляли чувства верующих. В дальнейшем уголовное дело в отношении М. Мотузной было прекращено в связи с декриминализацией ч. 1 ст. 282 УК РФ на основании Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» [14]. На наш взгляд, основанием для прекращения уголовного дела должен был послужить п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие состава преступления), поскольку мотив совершения преступления доказан не был, а он является доминирующим. Сам репост на собственной странице не может служить основанием для возбуждения ненависти либо вражды, а также унижением достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, проис-

хождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе [15].

Не давая анализа произошедшему, еще раз хотелось бы обратить внимание, что для констатации состава преступления необходимо установление двух условий: «наличие признания признаков экстремизма в действиях лица (объективно существующий факт) и понимания этим лицом, что оно публично призывает к осуществлению экстремистской деятельности» [16, с. 114–123].

В научной литературе уже неоднократно высказывалось мнение [17] о том, что если при расследовании уголовного дела требуются специальные знания специалистов (например, понимание признаков экстремизма), можно ли вменять это субъекту преступления? В этой части мы соглашаемся с исследователями этой проблемы, что в таком случае речь идет об отсутствии у субъекта преступления субъективной стороны состава преступления, а вменение ему действий, которые не охватывались его умыслом, охватывается объективным вменением, что является запрещенным по УК РФ (ч. 2 ст. 5 УК РФ).

Анализ правоприменительной и судебной практики свидетельствует о том, что практические работники сталкиваются с множеством трудностей при квалификации преступлений экстремистской направленности. К сожалению, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [18] не решает этих проблем, а вопросы квалификации становятся субъективными и зависят от конкретного правоприменителя.

Сложность соотношения экстремизма и терроризма связана еще и с тем, что, сравнивая меры наказаний, определяемых законодателем за рассматриваемые виды преступлений, затруднительно определить, за какую деятельность – экстремистскую или террористическую – устанавливается более жесткое наказание. К примеру, в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ указано, что призывы к осуществлению террористической деятельности с использованием СМИ наказываются «штрафом в размере от трехсот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет». В то же время мерами наказания, определяемыми за призывы к экстремистской деятельности с использованием СМИ, являются указанные в ч. 2 ст. 280 УК РФ (принудительные работы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишение свободы на срок

до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет).

Таким образом, с одной стороны, штраф, указанный как мера наказания в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, является наиболее мягким видом наказания согласно перечню, определенному в ст. 44 УК РФ. За призывы к экстремистской деятельности не предусмотрено подобного вида наказания, санкция начинается с принудительных работ.

С другой стороны, иной мерой наказания, определяемой в ст. 205.2 УК РФ, является лишение свободы на срок от пяти до семи лет с запретом занимать определенные должности на срок до пяти лет, в то время как за призывы к осуществлению экстремистской деятельности осужденный наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с запретом занимать определенные должности на срок до трех лет.

Однако, если рассматривать ч. 2 ст. 205.4 (диспозиция – участие в террористическом сообществе) и ч. 2 ст. 282.1 (участие в экстремистском сообществе) УК РФ, то здесь ситуация противоположна: штраф предусмотрен в качестве меры наказания за участие в экстремистском сообществе, но за участие в террористической организации установлен только один вид наказания – лишение свободы со штрафом либо без такового.

Таким образом, меры наказаний для экстремистской и террористической деятельности неравнозначны и разнообразны, что, на наш взгляд, является необоснованным, не отражающим характер и степень опасности анализируемых преступных действий.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что террористические и экстремистские преступления до сих пор до конца не изучены. Несмотря на их законодательное закрепление, в научном сообществе возникают споры по поводу дефиниций данных терминов, их квалификации и определения мотивов, а обыватели часто смешивают данные преступления. Несмотря на это, стоит понимать, что терроризм является одним из преступлений, отнесенных к экстремистским.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что террористические и экстремистские преступления до сих пор до конца не изучены. Несмотря на их законодательное закрепление, в научном сообществе возникают споры по поводу дефиниций данных терминов, их квалификации и определения мотивов, а обыватели часто смешивают данные преступления. Несмотря на это, стоит понимать, что терроризм является одним из преступлений, отнесенных к экстремистским.

Пристатейный библиографический список

1. Преступность в XXI веке – приоритетные направления противодействия : монография / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020.
2. Маторина Ю. Н., Фоменко Е. В. Правовые основы противодействия терроризму. Уголовно-правовой и криминологические аспекты : учебное пособие. М. : Юрайт, 2019.
3. Путин назвал терроризм самой опасной угрозой // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1128853/2021-02-24/putin-nazval-terrorizm-samoj-opasnoi-ugrozoi> (дата обращения: 03.05.2021).
4. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Дерюгина Ю. Н. Терроризм : уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
6. Яковлев А. Ю. И вновь о терроризме : еще одна попытка найти его дефиницию // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4.
7. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Авдеев Ю. И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм : состояние и перспективы / под. ред. Е. И. Степанова. М. : Едиториал УРСС, 2000.
9. Фролов М. Г. К вопросу о разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Право. 2017. № 5.
10. Никонов К. О. Проблемы определения экстремизма // Юридический мир. 2011. № 7.
11. Никитин А. Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010.
12. Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Щит-М, 1998.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. М. : Юриспруденция, 2015.

16. Шишков С., Полубинская С. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. 2018. № 5.

17. Иванов Н. Г., Фоменко Е. В., Малеванова Ю. В., Казачкова З. М., Илюшина М. Н., Козлова Е. Б. Правовая судебная экспертиза. Методология и особенности проведения по отдельным категориям дел : монография. М. : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) ; Ай Пи Эр Медиа, 2016.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 20 сентября 2018 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

19. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Savenkov A.N. (ed.). Crime in the 21st Century – Priority Areas of Counteraction: Monograph. Moscow: Unity-Dana, 2020.

2. Matorina Yu. N., Fomenko E. V. Legal Framework for Countering Terrorism. Criminal Law and Criminological Aspects: Textbook. Moscow: Iurait, 2019.

3. Putin Called Terrorism the Most Dangerous Threat. URL: <https://iz.ru/1128853/2021-02-24/putin-nazval-terrorizm-samoi-opasnoi-ugrozoi> (date of the application: 03.05.2021).

4. Federal Law of 6 March 2006 No. 35-FZ (as amended by 8 December 2020) "On Countering Terrorism" (SPS "ConsultantPlus").

5. Deriugina Iu. N. Terrorism: Criminal-Legal and Criminological Aspects: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. M., 2001.

6. Iakovlev A. Iu. And Again on Terrorism: Another Attempt to Find its Definition. *Socio-Humanitarian Knowledge*. 2012. No. 4.

7. Federal Law of 25 July 2002 No. 114-FZ (as amended by 8 December 2020) "On Countering Extremist Activities" (SPS "ConsultantPlus").

8. Avdeev Iu. I. Terrorism as a Socio-Political Phenomenon. In *Stepanov E. I. (ed.). Modern Terrorism: State and Prospects*. Moscow: Editorial URSS, 2000.

9. Frolov M. G. On Delimitation of the Concepts of "Extremism" and "Terrorism". *Bulletin of the N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Law*. 2017. No. 5.

10. Nikonov K. O. Problems of Definition of Extremism. *Legal World*. 2011. No. 7.

11. Nikitin A. G. Extremism as an Object of General Theoretical and General Legal Analysis: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Kazan, 2010.

12. Antonian Iu. M. Terrorism: Criminological and Criminal Justice Research. Moscow: Shchit-M, 1998.

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15 November 2007 No. 45 "On Judicial Practice in Criminal Cases of Disorderly Conduct and Other Crimes Committed an Act of Hooliganism" (SPS "ConsultantPlus").

14. Federal Law of 27 December 2018 No. 519-FZ "On Amendments to Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

15. Borisov S. V., Zherebchenko A. V. Incitement of Hatred, Enmity, Humiliation of Human Dignity: Problems of Establishing and Implementing Criminal Responsibility. Moscow: Iurisprudentsiia, 2015.

16. Shishkov S., Polubinskaia S. Problems of Establishing Signs of Corpus Delicti Using Special Knowledge. *Criminal Law*. 2018. No. 5.

17. Ivanov N. G., Fomenko E. V., Malevanova Iu., Kazachkova Z. M., Iliushina M. N., Kozlova E. B. Legal Forensic Examination of the Methodology and Characteristics of the Various Categories of Cases: Monograph. Moscow, Saratov, 2016.

18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011 No. 11 (as amended by 20 September 2018) "On Judicial Practice in Criminal Cases on Crimes of an Extremist Nature" (SPS "ConsultantPlus").

19. On Judicial Practice in Criminal Cases on Crimes of an Extremist Nature (SPS "ConsultantPlus").

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-46-56>

Противодействие правонарушениям и антисоциальному поведению является одной из сфер социума, в которой проявляется провозглашенное единство интересов личности, общества и государства в качестве базиса совместных действий органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества. Объединение их усилий в данной сфере требует системного подхода. Консолидация позитивных социальных сил и средств возможна посредством национальной системы профилактики правонарушений на основе научного обоснования ее элементного состава, определения правовой и организационной основ функционирования. Предмет исследования – функциональные и организационные связи, проявляющиеся в разных формах и предопределяющие отношения между органами государственной власти и институтами гражданского общества, совместно оказывающими противодействие правонарушениям и антисоциальному поведению. Цель исследования – построение и обоснование теоретической модели национальной системы профилактики правонарушений. В ходе исследования с применением всеобщих (анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование), общетеоретических (системный подход, структурно-функциональный, гепотетико-дедуктивный методы), частнонаучных (логико-юридический, сравнительно-правовой) методов выстроена модель национальной системы профилактики правонарушений, определены ее основные элементы (отраслевые подсистемы, их компоненты), раскрыто содержание правовой и организационных основ. В отличие от ранее представленных в науке моделей государственного типа предлагается рассматривать систему профилактики в качестве организационного образования, объединяющего при ведущей роли государства потенциал исторически устоявшейся общности людей в противодействии правонарушениям и антисоциальному поведению. Результаты исследования могут применяться в области криминологии и теории государственного управления, для последующего анализа и совершенствования правовой и организационных основ функционирования национальной системы профилактики правонарушений, обеспечения ее целостности и устойчивости при создании отраслевых подсистем.

ВАЛОВ
Сергей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского
отдела Московской академии
Следственного комитета РФ
(г. Москва)

valov-s@rambler.ru

**Профилактика;
система;
государство;
общество;
правонарушения;
управление;
правовая основа;
организационные основы**

Sergey V. VALOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Senior
Researcher, Research Department,
Moscow Academy of the
Investigative Committee of the
Russian Federation (Moscow)
valov-s@rambler.ru

**NATIONAL SYSTEM FOR THE PREVENTION OF OFFENCES:
CONCEPT, MAIN ELEMENTS, LEGAL AND INSTITUTIONAL
FRAMEWORK**

Countering misconduct and anti-social behaviour is one of the spheres of society in which the declared unity of interests of the individual, society and the state is manifested as the basis for joint actions of state authorities, local self-government bodies and civil society institutions. Combining their efforts in this area requires a systematic approach. The consolidation of positive social forces and means is possible through the national system of crime prevention based on the

Prevention; *scientific justification of its elementary composition, the definition of the legal and*
system; *organizational basis for functioning. The subject of the study is functional and*
state; *organizational ties, manifested in different forms and predetermining relations*
society; *between state authorities and civil society institutions that jointly counteract of-*
offences; *fenses and anti-social behavior. The purpose of the study is to build and substan-*
governance; *tiate a theoretical model of a national crime prevention system. In the course of*
legal basis; *the study using general (analysis and synthesis, induction and deduction, model-*
institutional fundamentals *ing), general-theoretical (systemic approach, structural-functional, heptetic-de-*
ductive methods), private-scientific (logical-legal, comparative-legal) methods,
a model of the national crime prevention system was built, its main elements (in-
dustry subsystems, their components) were identified, the content of the legal and
organizational basis was revealed. In contrast to the state-type models previous-
ly presented in science, it is proposed to consider the prevention system as an or-
ganizational education that combines, with the leading role of the state, the po-
tential of a historically established community of people in countering offenses
and anti-social behavior. The results of the study can be used in the field of crimi-
nology and the theory of public administration, for subsequent analysis and im-
provement of the legal and organizational framework for the functioning of the
national system for the prevention of offenses, ensuring its integrity and sustain-
ability in the creation of sectoral subsystems.

Весь накопленный объем знаний об обстоятельствах возникновения, существования и изменения деструктивных социальных явлений и процессов [1, с. 70–73] убедительно доказывает, что их первоисточник нужно искать в видовом разнообразии взаимоотношений человека как основного элемента социума с окружающей внешней средой [2, с. 111]. Непреходящий характер присутствующего в этом взаимодействии противоречия между субъективным, личным, индивидуальным (с одной стороны) и коллективно-значимым, выраженным в выработанных правилах и стандартах общежития, закрепленных в различных социальных регуляторах (с другой стороны), порождает разновидности девиантного (отклоняющегося) поведения.

В видовом разнообразии девиации выделяются преступления, которые по своей повторяемости до уровня копирования образцов делинквентного поведения, масштабности причиняемого ими вреда и наступающим последствиям, степени деформации под их воздействием общественных отношений вынуждают государство вводить четкие правовые запреты, нарушение которых влечет за собой суровые наказания. Постоянно воспроизводящаяся под влиянием различных обстоятельств совокупность преступлений требовала адекватной реакции со стороны государства, установившего соответствующие запреты. В этом внутренне присущем любому обществу взаимном противостоянии преступности (как социально-правового явления) и государства (как социальной политической организации) выработывались различные стратегии последнего, которые на основе полу-

ченных знаний о природе преступного поведения в зависимости от преследуемых целей и приоритетов в выборе воздействия, оказываемого на преступность, получали разные терминологические определения («борьба», «противодействие», «контроль над уровнем», «сдерживание») [3, с. 1079–1084].

Исходящая от преступности угроза национальным интересам, безопасности личности и общества осознана и российским государством на раннем этапе своей современной истории [4; 5]. В 1994 г. в первом Послании Президента РФ Федеральному Собранию отмечалось, что преступность в ее разрастающихся размерах (за четыре года в 2 раза) является серьезной угрозой для жизни, здоровья и имущества граждан, государства и общества, национальной безопасности России [6, разд. 1.3].

На современном этапе развития российского общества преступность в различных ее проявлениях, несмотря на сокращение ее абсолютных и относительных показателей, рассматривается в виде сложного, комплексного постоянно изменяющегося негативного социально-правового явления, создающего прямую или косвенную возможность нанесения ущерба объективно значимым потребностям личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития [7; 8].

Государство, реализуя возложенную на него Конституцией РФ обязанность признавать, соблюдать и защищать права человека и гражданина (ст. 2), с учетом изменений в социально-экономическом развитии, состоянии и характеристик имеющегося потенциала, степени консолидации гражданско-

го общества, возрождения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей переходит в долгосрочной перспективе от создания [7, п. 39; 9] к совершенствованию [8, п. 45] единой государственной системы профилактики преступности и правонарушений. Сравнение направлений и мер обеспечения государственной и общественной безопасности в Стратегии-2009 и Стратегии-2015 показывает, что модернизация видится в сплоченности государственных и общественных образований на данном направлении, обоюдном движении к намеченной цели посредством развития взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышения доверия граждан к правоохранительной и судебной системам РФ. Обозначенные способы решения стратегических задач в настоящее время следует рассматривать в качестве отраслевой реализации конституционных положений о создании в Российской Федерации условий для взаимного доверия государства и общества, обеспечения социального партнерства (ст. 75.1 Конституции РФ).

Полагаем, что в связи с внесенными в Основной закон изменениями [10] в качестве стратегической цели уместно вести речь о национальной системе профилактики правонарушений и антисоциального поведения. В обоснование такой цели следует принять во внимание, что преступность признается угрозой национальным интересам, в качестве которых рассматриваются объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении своей защищенности и устойчивого развития. Консолидация усилий двух субъектов, объективно преследующих собственные интересы и представленных разными силами и средствами, должна проводиться на паритетных для них началах не вокруг целей, выгодных одной из взаимодействующих сторон. Таковыми должны выступать именно национальные интересы. Социальная природа криминогенных детерминант, их видовой состав требуют вовлечения в процесс разработки, реализации и совершенствования комплекса мер по оказанию воздействия на преступность не только органов государственной власти, но и общественных институтов, представляющих прогрессивные и позитивно настроенные силы.

Сохранение в определении системы термина «государственная» не в полной мере отвечает совокупности объединенных в нее элементов. Авторы, сохраняющие указанный термин в названии системы, вместе с тем выделяют в ее составе наряду с государственными органами институты гражданского общества [11, с. 9, 12–14; 12, с. 8, 9–11]. Кроме того, высказаны аргументы о том, что система функционирует на территории РФ, а государственные органы составляют организационное ядро системы [13, с. 12]. По

нашему мнению, территориальные границы функционирования системы не являются определяющим признаком, поскольку в условиях постиндустриального общества профилактическое воздействие благодаря современным средствам коммуникации может оказываться на лиц, пребывающих за границей, но продолжающих находиться под юрисдикцией государства [14, ст. 12]. Тезис о том, что система должна носить наименование «государственной», поскольку государственные органы составляют организационное ядро системы, опровергается позицией высказавших его авторов [13, с. 16], согласных с мнением о том, что вклад правоохранительных органов в профилактику преступлений составляет лишь четверть предпринимаемых усилий, «все остальное – это работа образовательных, спортивных учреждений, органов социальной защиты, здравоохранения, общественных организаций и многих других» [15, с. 33].

Наличие в наименовании системы термина «национальная» отвечает требованиям логики к содержанию и объему понятий, отражает современную культурно-политическую дихотомию термина «нация» [16; 17; 18], соответствует категориальному аппарату легального права. Российская нация является продуктом длительного исторического процесса межкультурного и межэтнического взаимодействия, сущностной характеристикой которого выступает уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям вне зависимости от их этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности [19].

Изменение названия системы профилактики правонарушений и антисоциального поведения не умаляет в ней ведущую роль государства. Во-первых, приоритетность и инициатива государства основаны на его конституционной обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, которые определяют деятельность законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ч. 1 ст. 17, 18 Конституции РФ). Российский народ, движимый целью обеспечения благополучия и процветания страны, определил путем всенародного голосования полномочия Президента РФ (ч. 2 ст. 80, ч. 1 ст. 82, п. «д.1»–«е.1», «ж» ст. 83 Конституции РФ), Правительства РФ (п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ), органов правосудия (ст. 118 Конституции РФ), разграничил сферы ответственности федеральных и региональных властей (ст. 71–73 Конституции РФ), установил степень вовлеченности органов местного самоуправления в процесс осуществления публичной власти (ст. 132 Конституции РФ). Совокупность реализуемых государством мер является не только отражением комплекса криминогенных детерминант,

но и проекцией возложенных на него Основным законом социальных обязательств.

Во-вторых, состав привлекаемых государством сил, средств и ресурсов требует согласованности действий, упорядоченности социальных связей, координации действий государственных органов, должностных лиц и институтов гражданского общества. Решение указанной задачи без применения форм, методов и средств государственного управления представляется маловероятным.

В-третьих, систематические, целенаправленные управляющие воздействия государства на систему общественных отношений с применением доступных только ему возможностей способны упорядочивать связи между субъектами разной социальной и правовой природы, существенно дополняя процессы самоорганизации, характерные для институтов гражданского общества.

В-четвертых, ведущая роль государства в лице уполномоченных им органов и должностных лиц закреплена в действующих нормативных правовых актах. Используемая в них терминология призвана упрочить инициативу и ответственность государства. Государственные органы и их должностные лица являются субъектами профилактики правонарушений и антиобщественного поведения, а граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие им помощь и содействие, названы лицами, участвующими в профилактике правонарушений [9, п. 4 ст. 2, ст. 5, ч. 4 ст. 6].

Субъектный состав национальной системы профилактики правонарушений и антиобщественного поведения обусловлен объединением носителей интереса к оказанию воздействия на правонарушительство (совокупность преступлений и иных правонарушений) [20, с. 5–7] на основе признания его деструктивного характера и оказываемого негативного влияния на сбалансированное развитие общества. В свою очередь, состав и видовое разнообразие реализуемых ими мер и выделение направлений воздействия определяются детерминированностью делинквентного поведения различными по своей природе причинами и набором условий, способствующих его постоянному воспроизводству, количественным и качественным изменениям в массовых масштабах.

Криминологи на основе проведенных исследований утверждают, что «интенсивность и характер преступности определяются противоречиями взаимодействующих социальных процессов и явлений криминогенного, антикриминогенного и «смешанного» характера». При определении направлений воздействия и состава мер внимание прежде всего обращается на криминогенные детерминанты – «комплексы причин и условий, совместное действие которых вызывает следствия – преступность и пре-

ступление». Совокупность причин и условий отвечает критериям системности. Она является устойчивым целостным множеством взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов, социальных по своим происхождению и сущности, негативных – по своему содержанию [21, с. 91, 167–169, 171–172].

Применение на практике разработанных в учении о классификации причин и условий преступности критериев может быть использовано для выделения в национальной системе отдельных направлений и соответствующих им взаимосвязанных мер профилактики правонарушений и антиобщественного поведения. Из всего перечня критериев обратим внимание на уровень, масштаб действия и содержание криминогенных детерминант, поскольку они определяют построение и функционирование анализируемой системы.

Опираясь на достижения науки, законодатель в качестве объектов комплексного профилактического воздействия выделяет именно деструктивные социальные явления. Заметим, что, хотя Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ и носит название «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации», системный анализ его содержания указывает, что одним из объектов комплексного профилактического воздействия является антиобщественное поведение (п. 2 и 6 ст. 2, п. 5 ч. 2 ст. 6, п. 3 ч. 1 ст. 17 и другие нормы, определяющие содержание отдельных форм профилактического воздействия). Такой же подход был применен ранее при построении одной из отраслевых подсистем [22].

В качестве специальных объектов профилактического воздействия выделяются такие социальные явления, частной формой проявления которых могут выступать преступления и иные правонарушения. К их числу относятся коррупция [23], экстремизм [24], терроризм [25], наркотизация населения [26] и другие деструктивные явления. Перечень таких явлений является открытым. Их видовой состав под воздействием различных факторов постоянно актуализируется и выносится на повестку дня общественности и законодателей. Например, продолжается дискуссия об отнесении к числу таких явлений семейно-бытового насилия и разработки специальной отраслевой подсистемы профилактики [27, с. 13–59].

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время сформирована национальная система профилактики правонарушений и антиобщественного поведения, определены ее составные статические и динамические элементы. Национальная система профилактики правонарушений и антиобщественного поведения – это совокупность постоянно взаимодействующих между собой и упорядоченных определенным образом подсистем и элементов, представляющих государство и институты гражданского общества,

в своем единстве образующих в окружающей их социальной среде органически целостное образование, ориентированное на выработку и реализацию социальных, экономических, правовых, организационных, информационных, идеологических и иных мер, направленных на выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения правонарушений или антиобщественного поведения.

Помимо элементного состава важным атрибутом анализируемой системы является структура. Методологически неверно утверждать, что «система профилактики правонарушений представляет собой сложную структуру взаимосвязанных элементов и отношений...» [13, с. 12]. Структура – атрибут системы, отражающий совокупность всех связей между составляющими ее элементами. В теории систем рассматриваемые категории никогда не отождествляются, не меняются местами. «Структура» – это не самостоятельное понятие, а всего лишь один аспект «системы», а «термин «система» не может быть заменен термином «структура», и наоборот», «совсем бессмыслицу мы получим, если... одновременно заменим «систему» «структурой» и «структуру» «системой»» [28, с. 43–45, 130]. В совокупности связей между элементами социальных систем основной акцент обращается на организационные связи, получившие формальное закрепление в правовых актах и управленческих решениях правомочных или уполномоченных субъектов.

Организационная структура управления данной системой представляет собой совокупность организационных и иерархических связей между специализированными координационными (совещательными) органами, субъектами профилактики и лицами, оказывающими им помощь (содействие). Данный вид дополняет иные связи, существующие между элементами системы (неформальные, функциональные, координационные и прочие).

При построении системы управления используются матричные и программно-целевые организационные структуры [29, с. 135, 137–140]. Поскольку субъектами системы профилактики выступают органы публичной власти (ст. 5 Федерального закона «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации»), то для упорядочения их повседневной деятельности в рамках ведомственных сегментов применяются все виды организационных структур, характерных для систем управления иерархическими организациями (линейные, линейно-функциональные, штабные, дивизиональные).

Учитывая многоуровневый характер системы, разнообразный видовой состав субъектов и участвующих в ней лиц, сочетание ведомственных и административно-территориальных организационных

структур, созданы и функционируют межведомственные, ведомственные и региональные координационные органы.

На федеральном уровне межведомственным органом, управленческие решения которого призваны согласовать действия непосредственно неподчиненных друг другу субъектов системы профилактики и участвующих в ней институтов гражданского общества, является Правительственная комиссия по профилактике правонарушений, которую возглавляет Министр внутренних дел РФ [30; 31]. В Правительственную комиссию по профилактике правонарушений включены представители федеральных органов исполнительной власти, перечисленных в ст. 5 Федерального закона «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации», а также по согласованию представители иных органов государственной власти и ряда общественных организаций (Фонда поддержки пострадавших от преступлений, Благотворительного фонда «Фонд помощи детям им. Е. М. Примакова» и др.). Решения, принимаемые данной комиссией в соответствии с ее компетенцией, являются обязательными для исполнения федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, иными органами и организациями, реализующими меры по предупреждению преступлений и иных правонарушений.

В некоторых федеральных органах исполнительной власти, являющихся субъектами системы профилактики, созданы специальные ведомственные координационные органы (например, постоянная комиссия по вопросам профилактики правонарушений в сфере таможенного дела Экспертно-консультативного совета по реализации таможенной политики при Федеральной таможенной службе России [32]), или решения об организации работы на данном направлении принимают коллегиальные органы управления повседневной деятельностью подчиненных органов и подразделений.

На региональном уровне действует несколько координационных органов, уполномоченных выработать управленческие решения в рассматриваемой сфере с учетом особенностей конкретного субъекта РФ. К их числу относятся: 1) постоянно действующие координационные совещания по обеспечению правопорядка в субъектах РФ [33]; 2) региональные (межведомственные) комиссии по профилактике правонарушений [34]. Порядок координации деятельности региональных подразделений (главных управлений, управлений) федеральных органов исполнительной власти и региональных органов исполнительной власти определен нормативными правовыми актами Президента РФ [35] и Правительства РФ [36].

Средством консолидации усилий и ресурсов субъектов системы, вовлечения в ее функциониро-

вание иных лиц, оказывающих им помощь и содействие, являются государственные (федеральные [37] и региональные [38]) и муниципальные [39] программы в сфере профилактики правонарушений (ст. 7, 29 Федерального закона «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации»). Содержание программ отражает комплексный подход к формированию и реализации профилактических мероприятий с учетом приведенной выше градации всех общественных процессов и явлений, а также видового разнообразия оказываемого на них профилактического воздействия.

Правовая модель построения и функционирования национальной системы профилактики правонарушений и антисоциального поведения закреплена в нормативных правовых актах различной юридической силы. Правовую основу функционирования национальной системы профилактики правонарушений и антисоциального поведения образуют правовые нормы, включенные в состав нормативных правовых актов, перечисленных в ст. 3 Федерального закона «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации». Правовая основа формируется в результате нормотворческой деятельности органов законодательной власти, Президента РФ, органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях, органов местного самоуправления. Сужение правовой основы построения и функционирования системы до совокупности административно-правовых норм [13, с. 12] не соответствует действующему российскому законодательству [40, ч. 4 ст. 29; ч. 2 ст. 158; 41, ч. 1, 2 ст. 226] и доктринальным представлениям о профилактическом воздействии права [11, с. 10–11]. Анализ практики взаимодействия следственных органов Следственного комитета РФ дает основания дополнить содержащийся в ст. 3 Федерального закона «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» перечень источников права, содержащих правовые нормы, определяющие функционирование системы, соглашениями и договорами, заключаемыми между субъектами профилактики и лицами, оказывающими им содействие (в различных сочетаниях сторон и их количества).

Отраслевые подсистемы по отношению к общей системе являются в достаточной степени автономными. Соподчиненность обусловлена отношением агрегации в связи с конкретным видом антисоциального явления, на все составляющие которого оказывается в том числе и профилактическое воздействие. Согласованность комплексов мер, вырабатываемых в каждой из отраслевых подсистем, обеспечивается существующими в государстве механизмами координации действий органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также государственных органов с особым правовым статусом.

Отраслевыми подсистемами являются следующие:

- 1) подсистема профилактики коррупционных правонарушений;

- 2) подсистема профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних;

- 3) подсистема противодействия терроризму;

- 4) подсистема противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

- 5) противодействия незаконному обороту промышленной продукции.

Сравнительный анализ каждой из перечисленных подсистем показывает, что их организационные структуры изоморфны, обладают существенными схожими признаками, указывающими на применение одинаковых моделей, опосредующих связи элементов со специализированным координационным органом на федеральном, региональном, а в ряде подсистем и на местном уровнях. Так, Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции вырабатывает комплексные управленческие решения, координирует действия уполномоченных органов и должностных лиц в подсистеме профилактики коррупционного поведения, контролирует исполнение Национального плана противодействия коррупции [42]. Аналогичные координационные функции в соответствующих отраслевых подсистемах выполняют Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав [43], Национальный антитеррористический комитет [44], Государственный антинаркотический комитет [45].

Региональный сегмент отраслевых подсистем представлен создаваемыми высшими должностными лицами субъектов РФ (руководителями высших исполнительных органов государственной власти) совещательными органами, а именно комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, антитеррористическими комиссиями, антинаркотическими комиссиями.

Особая роль в обеспечении согласованности действий специальных субъектов национальной системы отводится координационному совещанию руководителей правоохранительных органов РФ [46]. В отличие от иных организационных форм координации, представленных выше, совещание имеет право рассматривать любые вопросы деятельности правоохранительных органов и в общей системе, и в отраслевых профилактических подсистемах. Так, в 2020 г. на совещании обсуждены мероприятия по совершенствованию предупреждения и пресечения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, профилактики и пресечения преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, противодействия коррупции в рамках реализации Национального плана.

Отличие данной организационной формы координации от иных проявляется в составе представителей, характере, виде и степени обязательности принимаемых ими решений. Субъектами координационного совещания являются только руководители правоохранительных органов вне зависимости от отнесения их к исполнительной ветви власти. Иные субъекты системы профилактики и участвующие в ее функционировании лица могут быть приглашены на заседание координационного совещания на основании согласованного решения его членов.

С учетом специфики повседневной деятельности и управления в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых законодательством предусмотрена военная служба, на федеральном уровне создано специализированное координационное совещание руководителей правоохранительных органов для подготовки и реализации согласованных мер по противодействию преступности и коррупционным правонарушениям [47].

На региональном уровне функционируют координационные совещания руководителей правоохранительных органов, выполняющих свои обязанности на территории соответствующего субъекта РФ.

Согласованность действий субъектов профилактики, представляющих различные уровни и отрасли государственного управления, обеспечивается совместной разработкой региональных программ (комплексных планов) [48].

Полагаем, что национальная система профилактики правонарушений и антисоциального поведения будет дальше развиваться и совершенствоваться, адаптируясь к новым вызовам и угрозам. Одним из источников улучшения системы будут являться результаты научных исследований по разработке альтернативных подсистем социального реагирования, направленных на профилактику и пресечение преступного поведения в обществе [49].

Возможно образование новых отраслевых подсистем, ориентированных на комплексное профилактическое воздействие, основанное на партнерстве общественных и государственных институтов с сохранением ведущей роли последних в определении целей, задач и комплекса мероприятий, обеспеченных соответствующими силами и ресурсами.

Таким образом, национальная система профилактики правонарушений и антисоциального поведения – это совокупность статических (цель, задачи, принципы, субъекты и лица, оказывающие содействие, правовая и организационные основы, формы

и виды профилактики) и динамических компонентов (механизм, стадии (этапы), направления, технологии, методы, способы, приемы, средства, процедура), постоянно взаимодействующих между собой и упорядоченных определенным образом, в своем единстве образующих в окружающей их социальной среде органически целостное образование. Концептом данной социальной системы выступают способность субъектов и лиц, оказывающих им помощь, оказывать профилактическое воздействие и объективная необходимость объединять свои потенциал и усилия при выработке и реализации различных мер по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению правонарушений, оказанию воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Ведущую роль в национальной системе профилактики правонарушений и антисоциального поведения играет государство в силу возложенной на него конституционной обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

В составе национальной системы профилактики правонарушений и антисоциального поведения выделяются относительно автономные отраслевые подсистемы профилактики правонарушений и антиобщественного поведения, вызванных деструктивными социальными явлениями (коррупцией, экстремизмом, терроризмом, наркотизацией населения и др.).

Организационные структуры общей системы и ее отраслевых подсистем обладают рядом существенных схожих признаков: установлением координационных связей между не соподчиненными друг с другом субъектами в ходе выработки и реализации управленческих решений; применением программно-целевых и матричных организационных структур для упорядочения входящих в их состав элементов.

Правовая основа функционирования системы и ее отраслевых, региональных сегментов образования совокупностью правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие между субъектами и иными оказывающими им помощь лицами (их объединениями) в ходе выработки и реализации комплекса мер, направленных на выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия в целях недопущения совершения отдельными личностями или их группами правонарушений или антиобщественного поведения.

Пристатейный библиографический список

1. *Гилинский Я. И.* Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социологические исследования. 2009. № 8.
2. Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2009.
3. *Кудрявцев В. Н.* Стратегия борьбы с преступностью // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 12.
4. Указ Президента РФ от 24 мая 1994 г. № 1016 «О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы» // СЗ РФ. 1994. № 5. Ст. 403.
5. Постановление Правительства РФ от 17 ноября 1994 г. № 1272 «Об утверждении Положения о Государственном фонде борьбы с преступностью» // СЗ РФ. 1994. № 31. Ст. 3285.
6. Послание Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина Федеральному Собранию «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)» от 24 февраля 1994 г. // Российская газета. 1994. 25 февраля.
7. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
8. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212.
9. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851.
10. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
11. *Головкина А. Г.* Государственная система профилактики правонарушений в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
12. *Семенюк Р. А.* Государственная система профилактики правонарушений в Российской Федерации. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2015.
13. *Бекетов О. И., Давыдов Ю. В.* О понятии и особенностях государственной многоуровневой системы профилактики правонарушений // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2015. № 1-2.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
15. *Авдейко А. Г., Москвин Г. К.* О некоторых проблемах правового обеспечения организации в Российской Федерации государственной системы профилактики правонарушений // Административное и муниципальное право. 2008. № 9.
16. *Семенов Ю. И.* Народ, этнос, нация. Статья вторая. Общество, политодемотия, нация // Философия и общество. 2013. № 2.
17. *Сафонов А. Л., Орлов А. Д.* Нация и этнос в едином мире // Век глобализации. 2013. № 2.
18. *Вилков В. Ю.* Тенденции генезиса понятия «нация» // Обозреватель – Observer. 2014. № 4.
19. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
20. *Клушин О. З.* Методические основы анализа правонарушительства. М., 1996.
21. Криминология / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004.
22. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
23. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
24. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
25. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
26. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
27. Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56).
28. *Уемов И. А.* Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978.
29. *Мильнер Б. З.* Теория организации. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2006.

30. Постановление Правительства РФ от 28 марта 2008 г. № 216 «О Правительственной комиссии по профилактике правонарушений» // СЗ РФ. 2008. № 14. Ст. 1410.

31. Распоряжение Правительства РФ от 14 июня 2012 г. № 975-р «Об утверждении состава Правительственной комиссии по профилактике правонарушений» // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3427.

32. Приказ Федеральной таможенной службы России от 14 октября 2020 г. № 911 «О координационных и совещательных органах» // СПС «КонсультантПлюс».

33. Указ Президента РФ от 11 декабря 2010 г. № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6656.

34. Постановление Правительства Рязанской области от 22 ноября 2005 г. № 287 «О межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при Правительстве Рязанской области» // Главное управление по взаимодействию с федеральными территориальными органами Рязанской области : сайт. URL: https://guv.ryazangov.ru/activities/reg_security/offense/ (дата обращения: 05.02.2021).

35. Указ Президента РФ от 2 июля 2005 г. № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2005. № 27. Ст. 2730.

36. Постановление Правительства РФ от 5 декабря 2005 г. № 725 «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2005. № 50. Ст. 5311.

37. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. 4). Ст. 2188.

38. Постановление Правительства Вологодской области от 13 мая 2019 г. № 446 «О государственной программе «Обеспечение профилактики правонарушений, безопасности населения и территории Вологодской области в 2021 – 2025 годах» // Электронный фонд АО «Кодекс» : сайт. URL: <http://docs2.kodeks.ru/document/553284902> (дата обращения: 05.02.2021).

39. Постановление администрации муниципального района «Сретенский район» Забайкальского края от 7 августа 2020 г. № 225 «Об утверждении программы «Профилактика правонарушений в муниципальном районе «Сретенский район» на 2020–2022 годы» // Официальный портал Забайкальского края : сайт. URL: <https://media.75.ru/documents/66320/post-225-ot-07082020-g.pdf> (дата обращения: 05.02.2021).

40. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

41. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

42. Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 21. Ст. 2429.

43. Постановление Правительства РФ от 6 мая 2006 г. № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2093.

44. Указ Президента РФ от 26 декабря 2015 г. № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» // СЗ РФ. 2015. № 52. Ч. I. Ст. 7591.

45. Указ Президента РФ от 18 октября 2007 г. № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» // СЗ РФ. 2007. № 43. Ст. 5167.

46. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.

47. Портал органов военной прокуратуры : сайт. URL: <https://gvp.gov.ru/gvp/events/info> (дата обращения: 05.02.2021).

48. Комплексный план профилактики правонарушений и преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении них, на 2020–2022 годы (утв. председателем координационного совещания руководителей правоохранительных органов края – прокурором Красноярского края и председателем координационного совещания по обеспечению правопорядка в Красноярском крае – губернатором Красноярского края) // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/mass-media/news?item=56216739 (дата обращения: 05.02.2021).

49. Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы)» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Gilinskii Ia. I.* Sociology of Deviance (Short Stories and Perspectives). *Sociological Research*. 2009. No. 8.
2. *Kudriavtsev V. N., Eminov V. E. (eds.)*. Criminology. 4th ed. Moscow: Norma, 2009.
3. *Kudriavtsev V. N.* Crime Strategy. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2003. Vol. 73. No. 12.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 24 May 1994 No. 1016 "On Urgent Measures for the Implementation of the Federal Program of the Russian Federation to Strengthen the Fight Against Crime for 1994–1995 Years". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 5. Art. 403.
5. Regulation of the Government of the Russian Federation of 17 November 1994 No. 1272 "On the Approval of the Situation on the State Crime Control Fund". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 31. Art. 3285.
6. Message of the President of the Russian Federation B. N. Yeltsin to the Federal Assembly "On Strengthening the Russian State (Main Directions of Domestic and Foreign Policy)" of 24 February 1994. *Rossiiskaia Gazeta*. 25 February 1994.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 12 May 2009 No. 537 "On the National Security Strategy of the Russian Federation Until 2020". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2009. No. 20. Art. 2444.
8. Decree of the President of the Russian Federation of 31 December 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 1 (Part 2). Art. 212.
9. Federal Law of 23 June 2016 No. 182-FZ "On the Basics of the Crime Prevention System in the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 26 (Part 1). Art. 3851.
10. Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14 March 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 11. Art. 1416.
11. *Golovkina A. G.* State System of Crime Prevention in Modern Russia: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2011.
12. *Semeniuk R. A.* State System of Crime Prevention in the Russian Federation. Barnaul: Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015.
13. *Beketov O. I., Davydov Iu. V.* On the Concept and Features of the State Multi-Level Crime Prevention System. *Public Security, Law and Order in the III Millennium*. 2015. No. 1-2.
14. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.
15. *Avdeiko A. G., Moskvina G. K.* On Some Problems of Legal Support for the Organization in the Russian Federation of a State System for the Prevention of Offenses. *Administrative and Municipal Law*. 2008. No. 9.
16. *Semenov Iu. I.* People, Ethnos, Nation. Article Two. Society, Polydemotia, Nation. *Philosophy and Society*. 2013. No. 2.
17. *Safonov A. L., Orlov A. D.* Nation and Ethnos in a Single World. *Age of Globalization*. 2013. No. 2.
18. *Vilkov V. Iu.* Trends in the Genesis of the Concept of "Nation". *Observer*. 2014. No. 4.
19. Decree of the President of the Russian Federation of 19 December 2012 No. 1666 "On the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 52. Art. 7477.
20. *Klushin O. Z.* Methodological Basis for the Analysis of Delinquency. Moscow, 1996.
21. *Kuznetsova N. F., Lunev V. V. (eds.)*. Criminology. 2nd ed. Moscow: Wolters Kluwer, 2004.
22. Federal Law of 24 June 1999 No. 120-FZ "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1999. No. 26. Art. 3177.
23. Federal Law of 25 December 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 52 (Part 1). Art. 6228.
24. Federal Law of 25 July 2002 No. 114-FZ "On Countering Extremist Activity". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 30. Art. 3031.
25. Federal Law of 6 March 2006 No. 35-FZ "On Countering Terrorism". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 11. Art. 1146.
26. Federal Law of 8 January 1998 No. 3-FZ "On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 2. Art. 219.
27. Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2020. No. 1 (56).
28. *Uemov I. A.* System Approach and General Theory of Systems. Moscow: Mysl', 1978.
29. *Milner B. Z.* Theory of Organization. 5th ed. Moscow: Infra-M., 2006.
30. Regulation of the Government of the Russian Federation of 28 March 2008 No. 216 "On the Government Commission for the Prevention of Offenses". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 14. Art. 1410.

31. Order of the Government of the Russian Federation of 14 June 2012 No. 975-r "On Approval of the Composition of the Government Commission for the Prevention of Offenses". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 25. Art. 3427.

32. Order of the Federal Customs Service of Russia of 14 October 2020 No. 911 "On Coordination and Advisory Bodies" (SPS «ConsultantPlus»).

33. Decree of the President of the Russian Federation of 11 December 2010 No. 1535 "On Additional Measures to Ensure Legal Order". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2010. No. 50. Art. 6656.

34. Regulation of the Government of the Ryazan Region of 22 November 2005 No. 287 "On the Interdepartmental Commission for the Prevention of Offenses under the Government of the Ryazan Region". URL: https://gub.ryazangov.ru/activities/reg_security/offense/ (date of application: 05.02.2021).

35. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2005 No. 773 "Issues of Interaction and Coordination of the Activities of Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation and Territorial Bodies of Federal Executive Bodies". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2005. No. 27. Art. 2730.

36. Regulation of the Government of the Russian Federation of 5 December 2005 No. 725 "On Cooperation and Coordination of the Activities of Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation and Territorial Bodies of Federal Executive Bodies". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2005. No. 50. Art. 5311.

37. Regulation of the Government of the Russian Federation of 15 April 2014 No. 345 "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Ensuring Public Order and Countering Crime'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 18 (Part 4). Art. 2188.

38. Regulation of the Government of the Vologda Region of 13 May 2019 No. 446 "On the State Program «Ensuring the Prevention of Offenses, the Safety of the Population and the Territory of the Vologda Region in 2021–2025". URL: <http://docs2.kodeks.ru/document/553284902> (date of application: 05.02.2021).

39. Regulation of the Administration of the Municipal District "Sretensky District" of the Trans-Baikal Territory of 7 August 2020 No. 225 "On the Approval of the Program 'Prevention of Offenses in the Municipal District 'Sretensky District' for 2020–2022". URL: <https://media.75.ru/documents/66320/post-225-ot-07082020-g.pdf> (date of application: 05.02.2021).

40. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 52 (Part 1). Art. 4921.

41. Code of Civil Procedure of the Russian Federation of 14 November 2002 No. 138-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 46. Art. 4532.

42. Decree of the President of the Russian Federation of 19 May 2008 No. 815 "On Measures to Combat Corruption". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 21. Art. 2429.

43. Regulation of the Government of the Russian Federation of 6 May 2006 No. 272 "On the Government Commission for Juvenile Affairs and the Protection of Their Rights". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 19. Art. 2093.

44. Decree of the President of the Russian Federation of 26 December 2015 No. 664 "On Measures to Improve Public Administration in the Field of Countering Terrorism". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2015. No. 52 (Part 1). Art. 7591.

45. Decree of the President of the Russian Federation of 18 October 2007 No. 1374 "On Additional Measures to Counter the Illicit Traffic in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2007. No. 43. Art. 5167.

46. Decree of the President of the Russian Federation of 18 April 1996 No. 567 "On the Coordination of the Activities of Law Enforcement Agencies to Combat Crime". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 17. Art. 1958.

47. URL: <https://gvp.gov.ru/gvp/events/info> (date of application: 05.02.2021).

48. Comprehensive Plan For the Prevention of Offenses and Crimes Committed by and Against Minors for 2020–2022 (approved by the chairman of the coordination meeting of heads of law enforcement agencies of the region – the prosecutor of the Krasnoyarsk Territory and the chairman of the coordination meeting on ensuring law and order in the Krasnoyarsk Territory – the governor of the Krasnoyarsk Territory). URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/mass-media/news?item=56216739 (date of application: 05.02.2021).

49. Order of the Government of the Russian Federation of 31 December 2020 No. 3684-r "On Approval of the Program of Fundamental Scientific Research in the Russian Federation for a Long-Term Period (2021–2030)" (SPS "ConsultantPlus").

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-57-63>

Появление в Конституции РФ официального понятия публичной власти создает конкуренцию норм ст. 12 с нормами ч. 3 ст. 132 и ч. 1 ст. 131 Конституции РФ, направленную на дальнейшую централизацию вертикали власти. Предшествующие изменениям шаги по централизации власти сопровождались минимизацией роли населения в осуществлении непосредственного управления. Опыт стран с развитым местным самоуправлением, наоборот, говорит о необходимости развития гражданской активности. Сравнительная характеристика взаимодействия муниципальных органов и населения может быть весьма актуальной для отечественного местного самоуправления. Предметом исследования являются нормативные акты России, Германии, Швеции, Финляндии, Франции. Цель – выявление положительного мирового опыта взаимодействия населения и органов местного самоуправления для возможного внедрения в отечественную систему. При проведении исследования были использованы общие и специальные научные методы познания. Междотраслевое содержание обусловило применение следующих методов: системного анализа, сравнительно-правового, технико-юридического (юридического письма). Работа осуществлялась на основе метода диалектики, применяемого через призму принципов всеобщей взаимной связи и развития через противоречия. Среди методов эмпирического уровня нашли применение методы наблюдения, описания, сравнения. Новизна заключается в системном сравнительном анализе современных форм взаимодействия органов публичной власти и населения. Среди основных выводов стоит отметить низкую активность российских граждан в осуществлении местного самоуправления; необходимость замены концепции властного взаимодействия органов местного самоуправления с населением доктриной «поставщик услуг – получатель услуг»; необходимость развития «других форм» непосредственной демократии путем внедрения индивидуальных форм гражданской активности на уровне субъектов РФ и муниципальных образований.

**КОЛЕСНИКОВ
Андрей Владимирович**

кандидат юридических наук,
доцент, Почетный работник
высшего профессионального
образования РФ, доцент
кафедры административного
и муниципального права
Саратовской государственной
юридической академии (г. Саратов)
kaviras@yandex.ru

**Органы местного
самоуправления;
население муниципального
образования;
формы непосредственного
осуществления местного
самоуправления;
референдум**

Andrei V. KOLESNIKOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Honorary
Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation,
Associate Professor, Department of
Administrative and Municipal Law,
Saratov State Law Academy (Saratov)
kaviras@yandex.ru

**COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERACTION
OF LOCAL GOVERNMENT BODIES WITH THE POPULATION
IN RUSSIA AND ABROAD**

The appearance in the Constitution of the Russian Federation of the official concept of public authority creates competition for the norms of Article 12 with the norms of part 3 of Article 132 and part 1 of Article 131 of the Constitution of the Russian Federation, aimed at further centralizing the vertical of power. Steps preceding the changes to centralize power were accompanied by a minimization of the role of the population in the implementation of direct control. The experience of countries with developed local self-government, on the contrary, speaks of the need to develop civic engagement. Comparative characteristics of the interaction between municipal authorities and the population can be very relevant for domestic local government.

**Local government bodies;
population of the municipality;
forms of direct implementation
of local self-government;
referendum**

The subject of the research is the regulations of Russia, Germany, Sweden, Finland, France. The goal is to identify the positive world experience of interaction between the population and local governments for possible implementation into the domestic system. During the research, general and special scientific methods of cognition were used. The cross-sectoral content has led to the use of the following methods: system analysis, comparative legal, technical and legal (legal writing). The work was carried out on the basis of the method of dialectics, applied through the prism of the principles of universal interconnection and development through contradictions. Among the methods of the empirical level, methods of observation, description, comparison have found application. The novelty lies in the systemic comparative analysis of modern forms of interaction between public authorities and the population. Among the main findings, it is worth noting: low activity of Russian citizens in the implementation of local self-government; the need to replace the concept of power interaction between local self-government bodies and the population with the doctrine of "service provider – recipient of services"; the need to develop "other forms" of direct democracy through the introduction of individual forms of civic engagement at the level of constituent entities of the Russian Federation and municipalities.

Современный период истории развития государственного строительства характеризуется динамикой правотворчества. Вот уже 30 лет в России идет процесс становления нового типа взаимоотношений между органами различных элементов единой системы публичной власти и населением. В связи с этим на первый план выходят вопросы формирования, организации, деятельности всех органов публичной власти и концепции их взаимодействия с жителями подведомственной территории. За такой короткий для истории государства промежуток времени парадигма законодательства о местном самоуправлении пережила ряд трансформаций от общественной теории местного самоуправления до дуалистической теории, стремящейся в сторону государственной. Новые конституционные изменения, регулирующие вопросы местного самоуправления, направлены прежде всего на централизацию государственной и муниципальной власти через призму категории «единая система публичной власти». Создание такой конструкции в условиях действующей нормы ст. 12 Конституции РФ [1], согласно которой органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, до внесения изменений было весьма затруднительным. В этой связи многие изменения в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) и другие федеральные акты зачастую являлись предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, который своими решениями первый внедрил в юридическую практику термин «публичная власть» [3]. В дальнейшем он, разъясняя сущность публичной власти, от-

метил, что такая власть может быть и муниципальной [4]. Нововведения создают условия для формирования более жесткой вертикали власти. Вместе с тем, на наш взгляд, слишком концентрированная власть будет приносить не только положительные результаты. Практика государств с развитой системой местного самоуправления показывает, что повышение автономности власти, ее отрыв от населения, порождают скорее негативные последствия. В настоящее время слишком централизованные модели с преобладающей ролью государства (например, Япония, Китай) начинают стремиться к децентрализации власти. В свою очередь, страны англосаксонской семьи с наиболее самостоятельным муниципальным управлением стали создавать механизмы мягкой централизации для ограничения некоторых направлений деятельности муниципалитетов, как публичных корпораций, с целью защиты прав населения в случае неверных решений органов муниципального управления, ведущих к банкротству муниципалитетов. Иначе говоря, централизация органов должна быть мягкой, умеренной, основанной на взаимодействии с жителями территорий и направленной на защиту интересов населения.

В современной России сформирована такая модель управления, которая подразумевает систему «оглядки» муниципалитетов на «руководящие распоряжения» регионов и даже «желания» глав субъектов РФ. Никогда такая модель еще не приводила к продуктивной взаимосвязи равноуровневых органов публичной власти, не являлась основой строительства сильного, стабильного государства. Она не предусматривает инициативности нижестоящих уровней управления.

Важнейшим вектором формирования современной эффективной системы управления в любом регионе, является правильная парадигма отношений органов государственной власти субъекта РФ, органов (должностных лиц) местного самоуправления и населения территории. Для оптимизации согласованности взаимодействия органов публичной власти и населения необходимо решить множество задач, правовое регулирование которых должно осуществляться не только на региональном, но и на федеральном уровне.

Необходимо изменить принципы взаимодействия органов местного самоуправления с населением.

Сегодня в различных теоретических изданиях процветает тематика развития демократии в России. Однако до сих пор немного субъектов РФ и муниципальных образований могут с гордостью поведать о наличии результативной конструкции взаимодействия с населением.

Отечественная модель управления (особенно муниципального) уже давно склонна к безоговорочной централизации. Современная концепция публичной власти дополнительно характеризуется тем, что население все меньше принимает участия в управлении. Российские формы непосредственного участия населения отличаются сложной процедурой инициативы и проведения. Регулярными формами являются лишь выборы и сходы. Референдумы по вопросам местного значения не проводятся вот уже много лет. По данным докладов Минюста России с 2016 г. по настоящее время, в «подавляющем большинстве случаев местные референдумы были связаны с введением механизма самообложения (единственным известным исключением стал референдум в городском поселении Ногинске Московской области об организации работы наземного электрического транспорта – городского трамвая, признанный не состоявшимся из-за недостаточной активности граждан в 2016 г.)» [5, с. 13]. Местный референдум в Швеции в соответствии с Законом 1994 г. № 692 «О референдумах в коммунах муниципалитетов и ландстингов» [6] не ограничен каким-либо списком вопросов местного значения и может решать любые муниципальные вопросы. Там также развиты индивидуальные формы непосредственного участия в управлении местными делами. Отечественные индивидуальные формы непосредственного осуществления местного самоуправления являются неэффективными по сравнению со шведскими. Глава 10 Закона Швеции «О местном самоуправлении» [7] предусматривает широкие контрольные (в основном через личные обращения в органы, обращения в суд и применяемые формы непосредственной демократии) полномочия жителей муниципалитета, которые могут обращаться не только за защитой своих прав, но и с требованием проверки

законосообразности (целесообразности) принятых решений органами муниципалитетов.

В России собрания, конференции, публичные слушания и общественные обсуждения проводятся наиболее часто, поскольку являются необходимым этапом для принятия некоторых решений органами местного самоуправления. Присутствия широких слоев населения в них нет. Обязательный процент участия граждан в них отсутствует, поэтому они проходят тихо и незаметно. Небольшого количества жителей достаточно для удовлетворительного формального решения органами местного самоуправления необходимого вопроса. Вместе с тем имеющийся в нашей стране набор элементов прямой муниципальной демократии, позволяет не просто расширить сферу гражданского участия в решении вопросов местного значения, но и сформировать правильную парадигму социально-экономического развития муниципалитета за счет выявления реальных желаний жителей. Это повысит интерес населения к реализации муниципальной стратегии, даст возможность муниципальным органам использовать их помощь через реализацию гражданских инициатив и средства самообложения. Такие формы за рубежом применяются очень активно и имеют целью не показательные процессы развития демократии, а формирование действительно работающей самоорганизации для наиболее полного удовлетворения жизненно важных потребностей проживающего на территории муниципалитета населения под свою же ответственность. Население муниципалитетов «разгружает» органы государственной и муниципальной власти от части забот о своих жителях и дает им возможность сосредоточиться на решении более важных государственных задач. Например, в Германии до 1990-х гг. активность населения в вопросах самоуправления была крайне низкой. После «коммунальной» реформы и внедрения «Новой модели управления Тилбурга», превратившей гражданина из жителя, над которым властвуют органы муниципального управления в клиента и потребителя услуг, предоставляемых муниципальными структурами, активность граждан значительно выросла. Реформа (*die Kommunale Gemeinschaftsstelle – KGSt*), внедрившая в систему муниципального управления экономическую целесообразность, позволила построить отличную от России модель взаимодействия населения и власти. Правовой основой местного самоуправления Германии, относимой к централизованным государствам, является ст. 28 Основного закона Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. (вместе с «Извлечением из Конституции Веймарской республики от 11 августа 1919 г.») [8, с. 172]. Остальные вопросы регулируются нормативными правовыми актами земель и муниципалитетов. Если в России органы и должностные

лица осуществляют властные полномочия, являясь властвующим субъектом в отношении подвластных жителей, то в Германии построена модель «поставщик – потребитель», где поставщиком услуг являются муниципальные органы, а потребителем стало население. В связи с этим регулярно проводятся опросы о качестве услуг, стоимость которых определяется по специальным критериям. Однако активность граждан проявилась не сразу. До тех пор, пока органы муниципального управления определяли виды услуг и их количество (качество), граждане не принимали особого участия, чувствуя его бессмысленность. В начале XXI в. государство признало пользу участия населения в процессе самоуправления и стало создавать условия для привлечения жителей к решению вопросов о том, какие услуги (исходя из финансовых возможностей) предоставлять в большей степени, а на какие уделять меньше внимания. Государством стало активно формироваться гражданское общество. Федеральные министерства стали создавать многочисленные программы взаимодействия государства и гражданского общества по соответствующим направлениям работы в области компетенции министерства. Федеральное министерство по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи (*BMFSFJ*) стало центром взаимодействия публичной власти с гражданским обществом. Это министерство постепенно стало централизованно реализовывать программы других министерств, концентрируясь именно на этой задаче. Создание профильного министерства улучшило взаимодействие федеральной власти с гражданским обществом. Однако появилось опасение, что такая структура в правительстве будет доминировать и в конечном счете бюрократизирует созданную модель. В связи с этим в Германии сформирован Комитет гражданской активности. Совместно с этим, для более доверительного общения с гражданами, бюджеты различных уровней становятся более прозрачными в плане как наполнения, так и исполнения. Граждане могут свободно получать информацию о расходах и влиять на них.

Вовлечение местного населения в реализацию муниципальных услуг происходит через систему государственно-частного партнерства, которое не зажат законодательными рамками как в России и имеет очень разнообразные формы, которые могут вообще никакими актами не регулироваться, а формироваться спонтанно на взаимовыгодных договорных условиях. Частные инвестиции могут быть направлены на строительство дорог, создание транспортной инфраструктуры, строительство общественно-значимых объектов (школы, детсады и т.д.). При этом дороги, школы и детсады бесплатные и не приносят постоянного дохода частным лицам, построившим их. Социально ориентированные частные органи-

зации получают грантовые средства на реализацию своих программ и другие преференции.

Под общественный контроль и опеку поставлены многие объекты, на которые нет средств у муниципалитета, но они интересны для населения. Это могут быть уличные бассейны, игровые площадки. Муниципалитеты поощряют гражданскую активность граждан и вносят свой долевым вклад в содержание таких объектов. Это может быть бесплатная поставка или очистка воды в бассейне, или бесплатная замена спортивного инвентаря на спортплощадке.

Большую роль в развитии гражданского общества отводят волонтерскому движению, которое берет на себя многие функции по поддержке населения общин. Причем это движение развивается не только в молодежной среде, но и среди других возрастных групп. Эта работа развивается и финансово поощряется за счет государственных программ.

Вместо сложной процедуры правотворческой инициативы, как в нашей стране, где нужно подготовить проект акта и собрать подписи для его рассмотрения, которое не всегда приносит положительный результат, в Германии по требованию 15% жителей в органы вносится запрос на решение любой проблемы, которую администрация не может проигнорировать. В условиях современной цифровизации такие электронные запросы-требования смогли бы стать эффективным рычагом давления на местную власть в целях решения важного для жителей вопроса.

В Германии (с развитой политической системой) не закрепляют какие-то политические формы массового участия всего населения в осуществлении местного самоуправления, а реализуют непосредственное взаимодействие с населением путем привлечения их к облагораживанию своего собственного бытия на территории проживания.

Массовость даже в небольшой, по сравнению с нашим государством, стране показала неэффективность. Массовые формы (референдум и выборы) не запрещены, они проводятся по важным вопросам, но они не имеют такого количества препятствующих проведению условий. В остальных случаях массовость порождает мнимость демократии и не способна наладить диалог между жителем муниципалитета и органом самоуправления. Власть деятельности органов формирует отсутствие партнерских связей и негативное отношение к управляющему субъекту. Особенно массовость неэффективна в крупных муниципальных образованиях с большим количеством населения и широкими пространственными границами. В условиях глобальной финансовой турбулентности, сказывающейся на девальвации рубля, увеличивающейся загруженности работников, нестабильного и недостаточного финансово-экономического состояния большинства населения развивать

политическую активность или активность в проведении форм, не имеющих императивного значения для органов местного самоуправления, не имеет смысла. Исправить ситуацию сможет только форматирование отношений между органами местного самоуправления и жителями муниципального образования, налаживание между ними диалога, который даст возможность почувствовать каждому гражданину, что от его мнения будет зависеть качество его жизни.

Существенной чертой немецкого местного самоуправления, которая выделяет его из других (вместе с австрийским местным самоуправлением), является двойственность функций, при которой муниципалитеты и округа помимо собственных дел осуществляют и обязанности, переданные с государственного уровня. На самом деле важность местного самоуправления в Федеративной Республике Германия определена тем, что около $\frac{3}{4}$ федерального и земельного законодательства реализуется на местном уровне. Столь высокий процент достижения муниципалитетами поставленных государством задач, приводит к тому, что немецкое местное самоуправление наиболее развито и играет более важную роль в сравнении с муниципальными системами других стран Европейского союза.

В Финляндии в Законе «О местном самоуправлении» [9] нет понятия форм непосредственного осуществления самоуправления, но гл. 8 предусматривает участие населения в управлении. В ст. 22 установлено, что жители муниципалитета и пользователи услуг имеют право участвовать в деятельности муниципалитета и влиять на нее. Местные Советы должны обеспечить наличие разнообразных и эффективных возможностей для участия.

Но для участия в управлении также дополнительно предусмотрены отдельные организационные формы. К ним относятся: право инициативы (ст. 23); местный референдум (ст. 24), решения которых носят консультативный характер; молодежные советы (ст. 26); советы пожилых людей (ст. 27); советы по инвалидности (ст. 28); коммуникации (ст. 29). Под коммуникациями понимается, что резиденты, пользователи услуг, организации и другие юридические лица должны быть проинформированы о деятельности муниципалитета. Муниципалитет должен предоставить достаточную информацию о предоставляемых им услугах, финансах муниципалитета, вопросах, находящихся на стадии подготовки в муниципалитете, планах, касающихся этих вопросов, обработке этих вопросов, принятых решениях и их последствиях. Муниципалитеты должны предоставлять информацию о том, как участвовать в подготовке решений и оказывать на нее влияние.

Во Франции помимо референдумов, предусмотренных многими государствами, могут создаваться

аналогичные советы участия в осуществлении самоуправления. Например, в соответствии со ст. L1112-23 Общего Кодекса территориальных органов (в ред. от 28 сентября 2020 г.) [10] территориальная община или государственное учреждение по межобщинному сотрудничеству может создавать Молодежный совет для вынесения рекомендаций по решениям, касающимся, в частности, молодежной политики. Разница между числом женщин и числом мужчин в нем не должна превышать единицы.

В соответствии со ст. L1112-24 без ущерба для существующих механизмов посредничества муниципалитеты, департаменты, регионы и государственные учреждения по вопросам межобщинного сотрудничества с учетом налогообложения могут по решению директивного органа учреждать территориального посредника, на который распространяются положения настоящей статьи. Таким посредником является Территориальный омбудсмен. Данное лицо призвано быть посредником во взаимодействии и в спорах между обществом, разными уровнями муниципалитетов и государством. Он может участвовать в спорах и переправлять жалобы, соблюдая конфиденциальность (что очень важно). Обращение к территориальному омбудсмену является бесплатным. В России предписания некоторых должностных лиц имеют императивное значение. Например, в соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 48 Федерального закона № 131-ФЗ «действие муниципального правового акта, не имеющего нормативного характера, незамедлительно приостанавливается принявшим (издавшем) его органом местного самоуправления или должностным лицом местного самоуправления в случае получения соответствующего предписания Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей». Однако такое предписание действует в отношении ненормативных актов и только в случае защиты прав предпринимателей. В Европе омбудсмены формируются для помощи гражданам во взаимодействии с органами муниципальной и государственной власти. Этот институт по целевому предназначению напоминает российский институт сельского старосты, который организует взаимодействие между органами местного самоуправления и населением сельских населенных пунктов. Омбудсмены в иностранных государствах имеют различные порядки формирования и действуют на разных уровнях.

Таким образом, эффективное местное самоуправление во всех государствах во многом связано с гражданской активностью. Для ее развития необходимо: а) издавать нормативные правовые акты, упрощающие процесс проведения форм непосредственного осуществления местного самоуправления, т.е. реализовать норму, закрепленную в абз. 2 ч. 2 ст. 33 Федерального закона № 131-ФЗ; б) в рамках «других форм»

непосредственной демократии (ст. 33 Федерального закона № 131-ФЗ) развивать не массовые, а индивидуальные формы прямого волеизъявления, как это делается за рубежом; в) активно поощрять инициативы граждан (как финансово, так и путем различных

средств оказания почета); г) цифровизировать непосредственное участие в местном самоуправлении через систему Госуслуг; д) активно рекламировать проведение голосований и привлекать население всеми легальными способами к участию в голосовании.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами «О поправках к Конституции Российской Федерации» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416; № 27. Ст. 4196.

2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 13 июля 2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2020. № 52 (ч. 1). Ст. 8591.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»» // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»» // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 532.

5. Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2016 г. – начало 2017 г.) // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (дата обращения: 23.03.2021).

6. Lag (1994:692) om kommunala folkomröstningar // Riksdagen : сайт. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-1994692-om-kommunala-folkomrostningar_sfs-1994-692 (дата обращения: 23.03.2021).

7. Local Government Act // Utrikesdepartementet : сайт. URL: <https://www.government.se/contentassets/9577b5121e2f4984ac65ef97ee79f012/the-swedish-local-government-act> (дата обращения: 23.03.2021).

8. Конституции зарубежных государств : Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учебное пособие. 8-е изд., испр. и доп. М. : Инфотропик Медиа, 2012.

9. Local Government Act (410/2015) // FINLEX : сайт. URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2015/en20150410.pdf> (дата обращения: 23.03.2021).

10. Code général des collectivités territoriales // Légifrance : сайт. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070633/LEGISCTA000006149196/#LEGISCTA000006149196 (дата обращения: 23.03.2021).

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) (taking into account the amendments introduced by the federal constitutional laws “On Amendments to the Constitution of the Russian Federation” of 30 December 2008 No. 6-FKZ, 30 December 2008 No. 7-FKZ, 5 February 2014 No. 2-FKZ, 21 July 2014 No. 11-FKZ, 14 March 2020 No. 1-FKZ). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 11. Art. 1416; No. 27. Art. 4196.

2. Federal Law of 6 October 2003 No. 131-FZ (as amended by 13 July 2020) “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2003. No. 40. Art. 3822; 2020. No. 52 (Part 1). Art. 8591.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24 January 1997 No. 1-P “On the Case of Checking the Constitutionality of the Law of the Udmurt Republic of 17 April 1996 ‘On the System of Public Authorities in the Udmurt Republic’”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 5. Art. 708.

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15 January 1998 No. 3-P “On the Case of Checking the Constitutionality of Articles 80, 92, 93 and 94 of the Constitution of the Komi Republic and Article 31

of the Law of the Komi Republic of 31 October 1994 'On Executive Authorities in Republic of Komi'. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 4. Art. 532.

5. Information and Analytical Materials on the Development of the Local Self-Government System in the Russian Federation (Data for 2016 – Early 2017). URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (date of the application: 23.03.2021).

6. Lag (1994: 692) om kommunala folkomröstningar. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-1994692-om-kommunala-folkomrostningar_sfs-1994-692 (date of the application: 23.03.2021).

7. Local Government Act. URL: <https://www.government.se/contentassets/9577b5121e2f4984ac65ef97ee79f012/the-swedish-local-government-act> (date of the application: 23.03.2021).

8. Constitutions of Foreign States: Great Britain, France, Germany, Italy, European Union, United States of America, Japan: Textbook. 8th ed. Moscow: Infotropic Media, 2012.

9. Local Government Act (410/2015). URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2015/en20150410.pdf> (date of the application: 23.03.2021).

10. Code général des collectivités territoriales. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070633/LEGISCTA000006149196/#LEGISCTA000006149196 (date of the application: 23.03.2021).

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-64-68>

В статье рассматриваются отдельные проблемы организации предварительного расследования в период пандемии Covid-19, а также пути их решения. Актуальность данной работы связана с тем, что вводимые правительственные ограничения, затрагивающие сферу уголовной юстиции, приводят к вынужденным ограничениям прав и законных интересов участников уголовного процесса, что в свою очередь наводит на мысль о внесении отдельных изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ на предмет реформирования правового механизма в части организации предварительного расследования. В качестве предмета исследования выступает деятельность органов следствия и дознания в период пандемии Covid-19. Цель данной статьи состоит в анализе влияния правовых актов, вводящих ограничительные меры на территории РФ и ее отдельных субъектов, на организацию предварительного расследования и поиске решения выявленных проблем. Методологию проведенного исследования составляют общенаучный диалектический метод познания и вытекающие из него научные методы: системный, логический, статистический, формально-юридический. В настоящей работе рассматриваются организационно-правовые проблемы организации предварительного расследования, выявленные в период введения карантинных мер, описывается механизм работы органов следствия и дознания в «особых» условиях, когда практические работники фактически не могли соблюдать регламентированный порядок производства отдельных следственных и процессуальных действий. Новизна связана с комплексным подходом к исследованию следующих вопросов: неявка участников уголовного процесса, невозможность производства следственных и процессуальных действий и соблюдения процессуальных сроков предварительного расследования. Основными результатами проведенного исследования являются выводы о реформировании механизма работы органов предварительного расследования в условиях чрезвычайных ситуаций. В статье обосновывается позиция о необходимости «гибкого» механизма работы, способного отвечать вызовам времени. Результаты работы могут использоваться в дальнейших правовых исследованиях, посвященных деятельности правоохранительных органов, а также в законотворческом процессе. Авторами сделаны выводы о важности совершенствования инструментов организации предварительного расследования, способных действовать эффективно, не нарушая права и законные интересы участников уголовного процесса, а также сформулированы предложения по развитию механизма работы в чрезвычайных ситуациях.

**ПАШИН
Вадим Михайлович**

доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
уголовно-процессуального права
и криминалистики Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

kafuppk@mail.ru

**АУШЕВ
Михаил Ахметович**

аспирант кафедры уголовно-
процессуального права
и криминалистики Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

aushev1060@mail.ru

**Пандемия;
уголовный процесс;
организация предварительного
расследования;
«электронное» уголовное дело**

Vadim M. PASHIN

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Professor, Department
of Criminal Procedural Law and
Criminalistics, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

kafuppk@mail.ru

**SOME ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS
OF PRELIMINARY INVESTIGATION DURING THE COVID-19
PANDEMIC AND WAYS TO SOLVE THEM**

Mikhail A. AUSHEV

Postgraduate Student, Department of Criminal Procedural Law and Criminalistics, All-Russian State University of Justice (Moscow)
aushev1060@mail.ru

**Pandemic;
criminal procedure;
organization of preliminary
investigation;
“electronic” criminal case**

The article discusses some problems of organizing a preliminary investigation during the Covid-19 pandemic, as well as solving these problems. The relevance of this work is due to the fact that the government restrictions imposed on the sphere of criminal justice lead to forced restrictions on the rights and legitimate interests of participants in the criminal process, which, in turn, suggests the idea of making separate changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, with a view to reforming the legal mechanism, in terms of organizing a preliminary investigation. The subject of the study is the activities of the investigation and inquiry bodies during the Covid-19 pandemic. The purpose of this article is to analyze the impact of legal acts that introduce restrictive measures on the territory of the Russian Federation and its individual subjects on the organization of a preliminary investigation and the search for solutions to the identified problems. The methodology of the conducted research consists of the general scientific dialectical method of cognition and the scientific methods resulting from it: system, logical, statistical, formal-legal. Main content and novelty: this paper examines the organizational and legal problems of organizing a preliminary investigation, identified during the introduction of quarantine measures, describes the mechanism of the work of the investigation and inquiry bodies in “special” conditions, when practitioners could not actually comply with the regulated procedure for the production of individual investigative and procedural actions. The novelty is associated with a comprehensive approach to the study of the following issues: the absence of participants in the criminal process, the impossibility of conducting investigative and procedural actions, prisoners in custody and compliance with the procedural terms of the preliminary investigation. The main results of the study are the conclusions on the reform of the mechanism of work of the preliminary investigation bodies in emergency situations. The article substantiates the position on the need for a “flexible” mechanism of work that can meet the challenges of the time. Scope of application: the results of the work can be used in further legal research on the activities of law enforcement agencies, as well as in the legislative process. The authors draw conclusions about the importance of improving the tools for organizing preliminary investigations that can act effectively without violating the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, and also formulate proposals for the development of the mechanism for working in emergency situations.

11 марта 2020 г. генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Т. А. Гебрейесус официально объявил, что распространение Covid-19 (далее – коронавирусная инфекция) достигло стадии пандемии, что послужило началом введения по всему миру правительственных ограничений, направленных на борьбу с распространением коронавирусной инфекции, принятия «антивирусных» законодательных пакетов и введения мер по обеспечению устойчивого развития экономики и частного сектора в условиях пандемии.

Российская Федерация, вводя общие и отраслевые ограничения, не обошла стороной сферу уголовной юстиции, вследствие чего суд и иные участники уголовного процесса столкнулись с правовой коллизией, так как действующей редакцией Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) уста-

новлен паритет кодифицированного акта над иными федеральными законами и нормативно правовыми актами, а введенные федеральные и региональные ограничения затрудняли применение некоторых положений данного Кодекса.

Так, согласно постановлению Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019» [1], а позже указу Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19)» [2] лица, прибывшие на территорию РФ, были обязаны в течение 14 дней находиться на карантине со дня прибытия в условиях самоизоляции, а на высших должностных лиц субъек-

тов РФ, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения коронавирусной инфекции, была возложена обязанность по организации и реализации комплекса ограничительных и иных мероприятий в соответствующем субъекте РФ.

Особого внимания заслуживает усиление юридической ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). Так, Председателем ГД ФС РФ В. В. Володиным и руководителем Комитета по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинниковым был внесен законопроект об ужесточении ответственности за нарушение вышеуказанных правил, повлекшее массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления данных последствий, а также смерть одного или более людей.

Таким образом, перед правоприменителями остро встал целый ряд проблемных вопросов, касающихся организации производства предварительного расследования, в частности:

- неявка участников уголовного процесса для производства следственных и процессуальных действий;
- невозможность производства следственных и процессуальных действий с участниками процесса, в отношении которых избраны процессуальные меры, связанные с лишением свободы;
- проблема организации и соблюдения процессуальных сроков предварительного расследования.

Учитывая, что в рамках института уголовного преследования организация «эффективного» предварительного расследования занимает одно из базовых положений, правоприменители столкнулись с серьезной загвоздкой: каким образом соблюсти процессуальные сроки, так как процессуальный закон не предполагает продление сроков предварительного расследования в связи с введением на территории соответствующего субъекта режима чрезвычайной ситуации? Допускается приостановление предварительного следствия ввиду временного тяжелого заболевания подозреваемого и обвиняемого в случае подтверждения медицинским заключением невозможности участия в следственных и процессуальных действиях (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), однако в данной статье нет основания приостановления следствия в случае невозможности обеспечения явки обвиняемого и его защитника вследствие введения карантинных мер на территории соответствующего субъекта РФ.

На практике зачастую встречались случаи приостановления предварительного следствия по основанию, предусмотренному в п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, – место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует. Стоит отметить, что приостановление предварительного следствия по данному основанию возможно только в слу-

чае отсутствия меры процессуального принуждения, не связанной с лишением свободы.

В связи с отсутствием основания приостановления предварительного расследования по случаю введения карантинных мер на территории соответствующего субъекта РФ нередко ходатайства об отложении следственных действий ввиду угрозы распространения коронавирусной инфекции не удовлетворяются. При этом стоит отметить, что данное положение дел может поставить под угрозу права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Так, в частности, Президент Федеральной палаты адвокатов Ю. С. Пилипенко обратился с просьбой к Председателю Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкину проводить только неотложные следственные действия, в том числе с участием подследственных лиц, находящихся в СИЗО. Также внимание руководителя СК России было обращено на то, что из регионов поступают тревожные сигналы о нарушениях противоэпидемиологических мер. Так, например, в Чувашии следователь пригласила адвоката по назначению и начала допрос, в ходе которого защитник выяснил, что у подозреваемой на руках имеется предписание о необходимости изоляции как прибывшей из Прибалтики и имеющей первичные симптомы заболевания. Адвокат потребовал незамедлительно прекратить допрос. Однако следователь настаивала на проведении других процессуальных действий. На следующий день подследственную из ИВС срочно госпитализировали в связи с развитием коронавирусной инфекции [3].

Отсутствие в действующей редакции УПК РФ норм, устанавливающих порядок предварительного производства в «особых» условиях, приводит практических работников к рискованным ситуациям на предмет угрозы безопасности жизни и здоровья участников уголовного процесса либо к систематическим переносам следственных и процессуальных действий, что не может не отразиться на качестве предварительного расследования и соблюдения процессуальных сроков. В практике известны случаи, когда обвиняемый и его защитник, находящиеся на территории одного субъекта РФ, получали повестки о вызове для производства следственных действий на территорию другого субъекта РФ, что в свою очередь порождало для них обязанность находиться в этом субъекте на самоизоляции в течение 14 дней со дня прибытия.

В то же время участники уголовного процесса не имеют возможности представлять и получать доступ к документам в электронном формате, отдельные следственные действия не производятся с возможностью принятия участия в них посредством дистанционных информационно-цифровых технологий.

Также стоит отметить, что ч. 4 ст. 164 УПК РФ предполагает недопустимость производства следственных действий, которые могут создать опасность для

жизни и здоровья участвующих в них лиц. Особое внимание стоит обратить на такие следственные действия, как следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ) и получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ), поскольку в них прямо предусмотрен запрет на производство в случае возможной опасности для здоровья участвующих в нем лиц. Таким образом, лицам, осуществляющим предварительное расследование в период полного отсутствия корреляции процессуальных норм со сложившимся санитарно-эпидемиологическим положением, следует заблаговременно планировать процесс расследования уголовного дела, исключив вовлечение в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие, либо обеспечив их безопасное участие.

Для разрешения вышеизложенных проблем, возникающих в условиях пандемии коронавирусной инфекции и (или) иных чрезвычайных обстоятельств, необходимо использовать следующие инструменты правоприменительного, законодательного и организационного характера:

1) внести отдельные изменения в ст. 125 УПК РФ, касающиеся более широкого диапазона использования судебного контроля в целях соблюдения конституционного права на охрану здоровья (ст. 41 Конституции РФ) и охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК). В случае поступления жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ в связи с отказом в удовлетворении ходатайства об отложении следственных действий в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции и (или) иных чрезвычайных обстоятельствах суд должен отнести данные жалобы к категории «безотлагательных» и обеспечить возможность для сторон принять участие в судебном заседании посредством дистанционных информационно-цифровых технологий. В противном случае смысл данного процессуального действия теряется напрочь – очное участие в судебном заседании по рассмотрению вопроса о невозможности личного участия в следственном действии нелогично.

Вместе с тем стоит отметить, что в процессе рассмотрения жалобы суд обязан установить, будет ли при проведении соответствующего следственного действия нарушено конституционное право на охрану здоровья в каждом конкретном случае с выяснением сведений о лице, связанных, в частности, с его состоянием здоровья и возрастом, поскольку согласно Методическим рекомендациям МР 3.1.0170-20, утвержденным Главным государственным санитарным врачом РФ, наиболее подвержены заражению коронавирусной инфекции лица старше 60 лет, а также лица с ослабленным иммунитетом и хроническими заболеваниями. Рассматривая соответствующую жалобу, суд обязан исходить из баланса частных и пуб-

личных интересов, убедиться в том, что со стороны заявителя жалобы нет злоупотребления правом;

2) дополнить ст. 208 УПК РФ самостоятельным основанием для принятия решения о приостановлении предварительного следствия – «объявление чрезвычайной ситуации на территории субъекта РФ, которая может повлечь или повлекла за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [4, с. 37–39];

3) начать работу по цифровизации уголовного процесса путем внедрения информационно-цифровых технологий. Вопрос о реформировании уголовного процесса, в частности, на стадии предварительного расследования имеет весьма актуальное значение, поскольку механизм организации расследования уголовных дел не в полной мере отвечает современным научно-технологическим стандартам [5, с. 95–101];

Очевидно, что переход к «электронному» уголовному делу потребует длительной реформы уголовно-процессуального законодательства в части решения множества материальных, организационных и технических проблем, однако данные проблемы непременно должны быть решены, поскольку это настоящий вызов времени [6, с. 70–87]. В высшей степени успешно показал себя на практике опыт Казахстана. Так, в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) в декабре 2017 г. были внесены изменения, позволяющие расследовать уголовные дела в электронном формате, с появлением новых процессуальных понятий – «электронный документ», «электронная цифровая подпись» и т.д. [7, с. 103–107]. В контексте настоящего исследования стоит отдельно отметить положение ст. 213 УПК РК, позволяющее право на производство допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос) в случае невозможности непосредственного прибытия лица в орган, ведущий уголовный процесс, по месту расследования (рассмотрения) уголовного дела по состоянию здоровья или другим уважительным причинам (п. 1 ч. 1 ст. 213 УПК РК).

Вместе с тем стоит отметить, что переход на «электронное» уголовное дело существенно снизит нагрузку на следственные органы, повысит прозрачность расследования, улучшит качество организации предварительного расследования и позволит снизить риски возможных фальсификаций доказательств. Кроме того, уменьшатся сроки санкционирования отдельных следственных действий и на ознакомление с материалами уголовного дела, что, в свою очередь, благоприятно повлияет на реализацию одного из ключевых принципов – соблюдения разумного срока в организации предварительного расследования [8, с. 162].

Таким образом, проведенный анализ показал несовершенство процессуального законодательства в условиях чрезвычайных ситуаций, когда обычный механизм предварительного расследования не отвечает вызовам времени, а институт судебного контроля не является гарантией соблюдения конституционных прав и принципов уголовного процесса. Введенные правительственные ограничения выяви-

ли некоторые организационно-правовые проблемы предварительного расследования, касающиеся негативного влияния на участие некоторых участников уголовного процесса в следственных и процессуальных действиях, что заставило всерьез задуматься практиков и теоретиков о переходе на «электронный» уголовный процесс.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».
3. ФПА потребовала от Бастрыкина проводить только неотложные следственные действия // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : сайт. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/ugroza-zdorovyu-advokatov-dolzha-byt-ustranena/> (дата обращения: 25.03.2021).
4. Камчатов К. В., Буланова О. В. «Активный» и «пассивный» срок как разновидности разумного срока уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2019. № 6.
5. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2.
6. Масленникова Л. Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 1 (158).
7. Жакупов Р. Т. Электронное судопроизводство в Республике Казахстан // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сборник материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апреля 2018 г. Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018.
8. Макарова О. В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. № 2.

References

1. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 18 March 2020 No. 7 “On Ensuring the Isolation Regime in Order to Prevent the Spread of COVID-2019” (SPS “ConsultantPlus”).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 2 April 2020 No. 239 “On Measures to Ensure the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population in the Territory of the Russian Federation in Connection with the Spread of a New Coronavirus Infection (COVID-19)” (SPS “ConsultantPlus”).
3. The FPA Demanded That Bastrykin Conduct Only Urgent Investigative Actions URL: <https://fparf.ru/news/fpa/ugroza-zdorovyu-advokatov-dolzha-byt-ustranena/> (date of the application: 25.03.2021).
4. Kamchatov K. V., Bulanova O. V. “Active” and “Passive” Term as a Variety of Reasonable Term of Criminal Proceedings. *Russian Justice*. 2019. No. 6.
5. Kachalova O. V., Tsvetkov Iu. A. Electronic Criminal Case – A Tool for Modernizing Criminal Proceedings. *Russian Justice*. 2015. No. 2.
6. Maslennikova L. N. On the First Results of the Scientific Project No. 18-29-16018 “The Concept of Building Criminal Justice That Provides Access to Justice in the Context of the Development of Digital Technologies”. *Lex Russica*. 2020. Vol. 73. No. 1 (158).
7. Zhakupov R. T. Electronic Legal Proceedings in the Republic of Kazakhstan. In Improving Investigative Activities in the Context of Informatization: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference (Minsk, 12–13 April 2018). Minsk: Editorial Office of the Journal “Industrial and Commercial Law”, 2018.
8. Makarova O. V. Improving Legal Proceedings by Introducing an Electronic Form of Criminal Case. *Journal of Russian Law*. 2019. No. 2.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЗЫСКАНИИ НЕДОКАЗАННЫХ ДОХОДОВ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-69-75>

Статья посвящена рассмотрению использования одного из актуальных направлений деятельности по преодолению коррупционных правонарушений в гражданском обороте – создания и совершенствования законодательства и правоприменения в области взыскания в гражданско-правовом порядке недоказанных доходов чиновников и иных лиц, в отношении которых осуществляется контроль за их доходами. Предметом исследования статьи является анализ совершенствования законодательства и правоприменительной практики с тем, чтобы выявить направления повышения эффективности механизма контроля за расходами лиц, замещающих должности, включенные в перечни, установленные нормативными правовыми актами РФ. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики. В статье показано, что развитие и использование имеющихся механизмов взыскания незаконных доходов в данной сфере недостаточны. В связи с этим актуально и значимо совершенствование законодательства в этой сфере. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (диалектический, системно-структурный, логический, анализ) и частнонаучные (формально-юридический, межотраслевой) методы познания. Автором проведен анализ последних изменений законодательства о контроле за расходами, сделан вывод о необходимости дополнения объектного состава имущества, которое может быть взыскано в доход государства, оформлено предложение о необходимости закрепления признаков доверенных лиц, которым передано имущество, приобретенное на недоказанные доходы. Полученные результаты и выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, законодательской и правоприменительной практике.

**ИЛЮШИНА
Марина Николаевна**

доктор юридических наук,
профессор, заведующая
кафедрой гражданского
и предпринимательского права
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)
alexi59@mail.ru

**Коррупционные
правонарушения;
законодательство о контроле
за расходами лиц, замещающих
должности, включенные
в перечни, установленные
нормативными правовыми
актами Российской Федерации;
механизм правового
регулирувания;
судебный порядок взыскания
в доход Российской Федерации;
совершенствование
антикоррупционного
законодательства зарубежных
стран;
объекты взыскания в доход
государства;
цифровые активы и цифровые
деньги;
денежные средства
на банковских счетах**

Marina N. ILYUSHINA

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Department of Civil
and Business Law, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

alexi59@mail.ru

**PROBLEMS OF IMPROVING LEGISLATION
ON THE RECOVERY OF UNPROVEN INCOME
AS AN INDEPENDENT DIRECTION
OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION**

The article is devoted to the consideration of the use of one of the relevant areas of activity to overcome corruption offenses in civil circulation – the creation and improvement of legislation and law enforcement in the field of recovery in civil law of unproven income of officials and other persons in respect of whom control over their income is exercised. The subject of the article is to analyze the

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научно-го проекта № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления»; статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Corruption offenses; legislation on control over the expenses of persons filling positions included in the lists established by the regulatory legal acts of the Russian Federation; mechanism of legal regulation; judicial procedure for collection in the income of the Russian Federation; improvement of anti-corruption legislation of foreign countries; objects of collection in the income of the state; digital assets and digital money; cash in bank accounts

improvement of legislation and law enforcement practice in order to identify directions for increasing the efficiency of the mechanism for controlling the costs of persons filling positions included in the lists established by the regulatory legal acts of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve legislation and law enforcement practice. The article shows that the development and use of existing mechanisms for the collection of illegal income in this area is not enough. In this regard, the improvement of legislation in this area is relevant and significant. The methodological basis of the research was formed by general scientific methods (dialectical, systemic-structural, logical, analysis) and private scientific (formal-legal, intersectoral) methods of cognition. The author analyzes the latest amendments to the legislation on cost control, makes a conclusion about the need to supplement the object composition of property that can be recovered as state revenue, and draws up a proposal on the need to fix the attributes of proxies to whom the property acquired with unproven income is transferred. The results and conclusions can be used in further scientific research, lawmaking and law enforcement practice.

Как известно, актуальность проблематики совершенствования законодательства о противодействии коррупционным правонарушениям не снижается. В сфере противодействия коррупции за прошедший год прокурорами вскрыто более 245 тыс. нарушений законодательства. Почти 2 тыс. из них установлено при проведении проверок соответствия доходов и расходов лиц, замещающих государственные и иные должности. В суды предъявлено 53 иска о взыскании с недобросовестных чиновников неподтвержденных доходов на сумму свыше 79 млрд руб., а это в 3 раза больше, чем в прошлом году (25 млрд). К настоящему времени большая часть требований судами удовлетворена (38 исков на сумму 74 млрд руб.) [1].

В силу этого сохраняется и потребность в совершенствовании законодательства о противодействии коррупции. Причем, как показывает анализ действующего законодательства и правоприменительной практики, акцент делается в большей степени на введении организационных механизмов предупредительного и проверочного характера. А в части возмещения коррупционных доходов законодателем вполне осознана необходимость совершенствовать правовые процедуры, связанные с использованием гражданско-правовых механизмов взыскания недоказанных доходов. Данные механизмы не связаны с уголовно-процессуальными процедурами, не являются их последствиями, имеют самостоятельный характер. В силу этого названные механизмы, ввиду их автономности, позволяют быстро применить соответствующие меры по изъятию имущества, приобретенного соответствующими субъектами, в доход государства. Быстрое применение изъятия традиционно бывает невозможно, если оно происходит в процес-

се конфискации как применения дополнительного наказания за коррупционное преступление ввиду длительности уголовно-процессуальных процедур, в результате чего все имущество оказывается либо надежно спрятано, либо уничтожено.

Порядок и процедуры осуществления контроля за коррупционными правонарушениями государственных чиновников на основе анализа их имущественного положения установлены Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [2] (далее – Закон о контроле за расходами), иными нормативными правовыми актами РФ и нормативными актами Центрального банка РФ (ст. 8.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] (далее – Закон о противодействии коррупции)). При этом несомненна и социальная значимость таких мер противодействия коррупционным правонарушениям. Как указывал Конституционный Суд РФ, данная мера заключается в безвозмездном изъятии такого имущества у собственника по решению суда в связи с предполагаемым и непровергнутым совершением государственным гражданским служащим неправомерного деяния коррупционной направленности, т.е. в случае, если стоимость приобретенного в отчетном периоде имущества превышает общий доход за три предшествующих года, а государственный гражданский служащий не может доказать законность происхождения средств, достаточных для его приобретения [4]. Однако, как неоднократно указывалось в юридической литературе, в том числе и автором настоящей статьи, установленный порядок взыскания и объектный состав

взыскания не удовлетворял устоявшемуся в обществе пониманию незаконности доходов. В перечень взыскиваемых в гражданско-правовом порядке в доход государства видов имущества не были включены денежные средства, антиквариат, валютные средства, драгоценности, произведения искусства [5, с. 3–7].

Кроме того, установленный законодательством механизм не предполагал, что возможно применение указанного механизма к иным лицам, не поименованным в законодательстве. В целом такой избирательный подход должен быть оценен как верный, поскольку речь идет о принудительном прекращении права собственности, что должно осуществляться только на основании закона. Но практика показала, что, таким образом, получалось, что в ряде случаев, если имущество приобреталось на незаконные доходы на имя не указанных в законе лиц, взысканию в доход государства оно не подлежало. Как свидетельствуют актуальные публикации в периодической печати, такое положение, когда приобретенное на незаконные доходы чиновниками записывается на иных лиц, стало вполне принятым в современном гражданском обороте. Например, Северо-Западная транспортная прокуратура направила в Череповецкий городской суд Вологодской области исковое заявление об обращении в доход государства имущества (квартиры и загородной базы отдыха) бывшего начальника Кингисеппской таможни, оформленного на иных (доверенных третьих) лиц, – сообщают в Генпрокуратуре. В ходе судебного разбирательства ответчики по делу не смогли подтвердить законность получения средств, на которые было приобретено данное имущество. В итоге суд удовлетворил требования прокурора. Имущество теперь стало государственным [6]. Вопрос о расширении субъектного состава, в отношении которого осуществляется взыскание имущества, полученного незаконным путем, был решен известным определением Конституционного Суда РФ от 2 октября 2019 г. № 2652-О [7], который допустил возможность обращения взыскания недоказанных доходов с иных лиц, прямо не указанных в антикоррупционном законодательстве, но при условии доказанности обстоятельств, подтверждающих приобретение спорного имущества за счет доходов лица, за расходами которого осуществлялся контроль в соответствии с Законом о контроле за расходами, законность которых не подтверждена. Указанный подход, как мы видим, был успешно воспринят судебной практикой. Но вопросы расширения объектного состава имущества, которое может быть изъято в качестве недоказанного дохода чиновника, до последнего времени так и не находили своего решения, и все попытки, предпринимаемые в этом направлении, как правило, не приводили к значимому результату. Так произошло и с поправками, подготовленными Минюстом Рос-

сии в Закон о противодействии коррупции и ст. 235 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), которые предусматривали, что в установленных случаях конфисковано может быть не только имущество, в отношении которого в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции не представлены доказательства, подтверждающие приобретение имущества на законные доходы, но и денежные средства – в случае отсутствия доказательств законности их получения. В связи с этим предлагались изменения и в ст. 46 и 146 Бюджетного кодекса РФ в части уточнения перечня доходов бюджета Пенсионного фонда для того, чтобы в ПФР перечислялись денежные средства, в отношении которых в соответствии с законодательством о противодействии коррупции не представлены доказательства, подтверждающие законность их получения [8].

Вместе с тем надо отметить, что независимо от указанной дискуссии, которая сопровождалась попытками внести указанные изменения в антикоррупционное законодательство, в целом законодатель, а вслед за ним и правоприменительная практика исходят из того, что в данном случае, хотя речь идет об имуществе в его гражданско-правовом смысле, список этого имущества формируется для определенных целей и соответственно перечень указанного имущества, подлежащего изъятию как приобретенного на недоказанные доходы, должен носить закрытый характер. В силу этого если в гражданском обороте возникает какая-то новая группа имущественных объектов, то логично своевременно производить оценку этого имущества на предмет его коррупционной привлекательности и своевременно решать вопрос о его включении в этот перечень. Соответственно, в связи с закреплением в ст. 128, 141.1 ГК РФ в составе имущества таких объектов, как цифровые права [9], Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] были внесены изменения в Закон о контроле за расходами, в соответствии с которыми подп. «а» п. 1 ст. 4 после слов «акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций)» был дополнен словами «цифровых финансовых активов, цифровой валюты». Таким образом, в состав имущества, которое может быть изъято как недоказанное и приобретенное лицами, в отношении которых осуществляется контроль за расходами и доходами, введен новый объект. С 1 января 2021 г. контроль за соответствием расходов отдельных должностных лиц их доходам распространяется на приобретение цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

Вместе с тем правоприменительная практика в отношении коррупционных правонарушений требова-

ла вернуться и к вопросу о возможности изъятия денежных средств как одного из вида имущества, если законность их получения не доказана лицами, в отношении которых осуществляется антикоррупционный контроль, поскольку указанный гражданско-правовой механизм изъятия недоказанных доходов, о котором идет речь в настоящей статье, основанный на действии п. 8 ст. 235 ГК РФ, не мог быть применен к изъятию денежных средств. Как было указано в пояснительной записке законопроекта, который решил эти вопросы, «правовые основания для обращения в доход Российской Федерации денежных средств, в отношении которых указанными лицами не представлено сведений, подтверждающих получение их на законных основаниях, отсутствуют, что может способствовать совершению коррупционных правонарушений» [11].

С целью ввести денежные средства в перечень объектов, которые могут быть изъяты на основании механизма, предусмотренного п. 8 ст. 235 ГК РФ, Правительством РФ был подготовлен и внесен на рассмотрение проект федерального закона № 1133091-7 «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции»» [12]. Указанным законопроектом предусмотрен механизм, позволяющий обращать в доход РФ денежные средства, поступившие на счета в банках и иных кредитных организациях лица, замещающего должность, осуществление полномочий по которой влечет за собой обязанность представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, в случае, если сумма таких денежных средств превышает совокупный доход этих лиц за отчетный период и предшествующие ему два года, и в отношении них не представлены достоверные сведения, подтверждающие законность их получения [13]. Данный законопроект подготовлен во исполнение подп. «а» п. 17 Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утв. указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 [14]. Законопроект дает возможность обращать в доход РФ денежные средства, поступившие на счета таких лиц, в отношении которых лицами, подпадающими под контроль за соответствием расходов их доходам, не представлено сведений, подтверждающих законность их получения. Как и ранее механизм проверки достоверности сведений о законности получения денежных средств на банковские счета будут органы прокуратуры. Если в ходе проверки будет установлено, что в отношении денежных средств не представлены сведения, подтверждающие законность их получения, происходит обращение в суд с заявлением о взыскании в доход РФ установленной суммы. Нижний предел суммы денежных средств, в отношении которых не представлены сведения, подтверждающие законность их по-

лучения, при котором органы прокуратуры должны обратиться в суд с заявлением о взыскании в доход РФ соответствующей денежной суммы, в законопроекте предлагается установить в размере 10 тыс. руб. по аналогии со ст. 48 Налогового кодекса РФ.

Надо отметить, что денежные средства при реализации положений Закона о контроле за расходами взыскивались и ранее, поскольку такая возможность прямо допускалась законодательством. В частности, в случае, установленном в п. 2 ст. 17 Закона о контроле за расходами, «прокурор имеет право требовать обращения взыскания не только всего имущества, но и его части (если доля незаконных доходов незначительна), а также денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества (части), в случае, если обращение взыскания на само имущество невозможно» [15, с. 12–15]. Кроме того, в соответствии с п. 3 ст. 17 указанного Закона в случае, если доля доходов, законность которых не доказана, оказывается незначительной с учетом обстоятельств дела, обращению в доход РФ подлежит только часть имущества, в отношении которого лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2, не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, или денежная сумма, эквивалентная стоимости этой части имущества. Следует отметить, что и ранее Конституционный Суд РФ в постановлении от 29 ноября 2016 г. № 26-П указал на допустимость обращения взыскания не только на само имущество, но и на денежные средства, полученные от его продажи [16], однако механизма взыскания денежных средств как самостоятельного объекта в законодательстве так и не было установлено. Кроме того, требовалось закрепить порядок обращения на денежные средства, находящиеся на банковских счетах, то есть выработать порядок обращения на безналичные денежные средства. Как известно, сведения о банковском счете и вкладе составляют банковскую тайну, которую банковские структуры обязаны соблюдать. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках и банковской деятельности) в ст. 26 закрепляет порядок ее соблюдения: «Кредитная организация, Банк России, организация, осуществляющая функции по обязательному страхованию вкладов, гарантируют тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Все служащие кредитной организации обязаны хранить тайну об операциях, о счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов, а также об иных сведениях, устанавливаемых кредитной организацией, если это не противоречит федеральному закону» [17]. Согласно п. 4 постановления Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П федеральный законодатель вправе возложить

на банк, иную кредитную организацию обязанность по представлению государственным органам и их должностным лицам сведений, составляющих банковскую тайну, только в пределах и объеме, необходимых для реализации указанных в Конституции РФ целей, включая публичные интересы и интересы других лиц [18]. Соответственно, прокурор вправе запрашивать и получать сведения, составляющие банковскую тайну, лишь в ходе проведения проверки исполнения требований Закона о противодействии коррупции. Но органы прокуратуры не имели полномочий формировать в заявлении требования о взыскании денежных средств, так же как судебные органы не имели правовых оснований обращать взыскание на денежные средства в порядке реализации Закона о контроле за расходами. Для того чтобы создать данный механизм, потребовалось при подготовке законопроекта предусмотреть и внесение изменений в Закон о банках и банковской деятельности. В частности, ст. 26 упомянутого Закона была дополнена прямым правилом, которое дает возможность органам прокуратуры запрашивать и получать при осуществлении проверки в соответствии с ч. 3 ст. 8.2 Закона о противодействии коррупции достоверности сведений о законности получения денежных средств, поступивших на счета лица, замещавшего (занимавшего) должность, осуществление полномочий по которой влечет за собой обязанность представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, на счета его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей в банках и (или) иных кредитных организациях, справки по операциям, счетам и вкладам при наличии запроса в случае проведения. Как и в отношении иного имущества, бу-

дет оцениваться достоверность суммы, находящейся на счете и (или) на вкладе с учетом доходов в текущий период и за два предыдущих года, т.е. за три года.

Таким образом, антикоррупционное законодательство расширяет объектный состав имущества, которое будет подвергаться взысканию в качестве недоказанных доходов: теперь в него включены цифровые активы и цифровые деньги, а с учетом положений представленного Правительством РФ в Государственную Думу законопроекта – и денежные средства.

Рядом авторов отмечается [19; 20], что практика прокурорского надзора показывает, что обращение в доход государства имущества, не соразмерного с доходами чиновника, – наиболее эффективная и действенная мера противодействия коррупции, поскольку выражается в лишении недобросовестного служащего материальных благ [21] и, несомненно, механизмы, позволяющие реализовать эту группу специальных мер, необходимо совершенствовать и дополнять. В связи с указанными грядущими нововведениями в законодательство следует отметить их неполноту. Остались без внимания законодателя такие значимые объекты, как антиквариат, произведения искусства, драгоценности. Именно в эти объекты происходит вложение незаконно полученных денежных средств.

Необходимо также продолжить закрепление на законодательном уровне правовых механизмов определения доверенных лиц, у которых обнаруживается нахождение имущества, переданного им лицом, в отношении которого осуществляется контроль за расходами; необходимым представляется и расширение полномочий органов прокуратуры в отношении таких лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации 23 апреля 2021 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=61268868> (дата обращения: 13.04.2021).
2. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 6 июня 2017 г. № 1163-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Романенко Дарьи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также частью 1 статьи 4, частью 3 статьи 16, статьей 17 и частью 2 статьи 18 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»» // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Илюшина М. Н.* Гражданско-правовые элементы механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // *Гражданское право*. 2019. № 6.
6. *Куликов В.* Непосредственные люди: Сомнительные доходы чиновников будут изыматься в пользу государства через суд // *Российская газета* : сайт. URL: <https://rg.ru/2021/03/02/somnitelnye-dohody-chinovnikov-budut-izymatsia-v-polzu-gosudarstva-cherez-sud.html> (дата обращения: 13.04.2021).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2019 г. № 2652-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Захарченко Валентины Николаевны на нарушение ее конституционных прав положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Башлыкова Н. Держи фонд шире: неподтвержденные доходы отдадут пенсионерам // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1040672/natalia-bashlykova/derzhi-fond-shire-nepodtverzhdennye-dokhody-otdadut-pensioneram> (дата обращения: 13.04.2021).

9. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

10. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

11. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1133091-7 «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный Закон «О противодействии коррупции»» СПС «КонсультантПлюс».

12. Паспорт проекта федерального закона № 1133091-7 «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции» (в части определения механизма возврата в доход Российской Федерации денежных средств, в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) должность, осуществление полномочий по которой влечет за собой обязанность представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, не представлены сведения, подтверждающие законность их получения)» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Предлагается обращаться в доход государства денежные средства чиновников, в отношении которых не представлены сведения о законности их получения // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/68190.html> (дата обращения: 13.04.2021).

14. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.

15. Малышева Л. А. Совершенствование деятельности по контролю за расходами государственных служащих и иных лиц // Законность. 2019. № 3.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Ведомости СНД РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Антикоррупционное законодательство в сфере государственного управления: проблемы и перспективы : коллективная монография. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020.

20. Kozlova E. B., Gureev V. A., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Fomenko E. V. Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia) // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2019. Т. 7. No. 3.

21. Кузьмин В., Мкртчян Э. Контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Законность. 2018. № 3.

References

1. Report of the Prosecutor General of the Russian Federation at a Meeting of the Federation Council on 23 April 2021. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=61268868> (date of the application: 13.04.2021).

2. Federal Law of 3 December 2012 No. 230-FZ “On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Income”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 50 (Part 4). Art. 6953.

3. Federal Law of 25 December 2008 No. 273-FZ “On Combating Corruption”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 52 (Part 1). Art. 6228.

4. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 6 June 2017 No. 1163-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Daria Sergeevna Romanenko on Violation of Her Constitutional Rights by Subparagraph 8 of Paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation, as Well as Part 1 of Article 4, Part 3 of Article 16, Article 17 and Part 2 of Article 18 of the Federal Law 'On Control over the Compliance of the Expenses of Persons Holding Public Positions and Other Persons with Their Incomes'" (SPS "ConsultantPlus").

5. *Iliushina M. N.* Civil Law Elements of the Mechanism for Monitoring the Compliance of the Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Income. *Civil Law*. 2019. No. 6.

6. *Kulikov V.* Direct People: Doubtful Income of Officials Will Be Confiscated in Favor of the State through the Courts. URL: <https://rg.ru/2021/03/02/somnitelnye-dohody-chinovnikov-budut-izymatsia-v-polzu-gosudarstva-cherez-sud.html> (date of the application: 13.04.2021).

7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2 October 2019 No. 2652-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Valentina Nikolaevna Zakharchenko on Violation of Her Constitutional Rights by the Provisions of Federal Laws 'On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons to Their Income', 'On Combating Corruption' and 'On the State Civil Service of the Russian Federation'" (SPS "ConsultantPlus").

8. *Bashlykova N.* Keep the Fund Wider: Unconfirmed Income Will Be Given to Pensioners. URL: <https://iz.ru/1040672/natalia-bashlykova/derzhi-fond-shire-nepodtverzhennye-dokhody-otdadut-pensioneram> (date of the application: 13.04.2021).

9. Federal Law of 18 March 2019 No. 34-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2019. No. 12. Art. 1224.

10. Federal Law of 31 July 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 31 (Part 1). Art. 5018.

11. Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 1133091-7 "On Amendments to Article 26 of the Federal Law 'On Banks and Banking Activities' and the Federal Law 'On Combating Corruption'" (SPS "ConsultantPlus").

12. Passport of the Draft Federal Law No. 1133091-7 "On Amendments to Article 26 of the Federal Law 'On Banks and Banking Activities' and the Federal Law 'On Combating Corruption' (in Terms of Determining the Mechanism for Returning Funds to the Income of the Russian Federation a Person Who Replaces (Holds) a Position, the Exercise of Powers for Which Entails the Obligation to Provide Information on Income, Property and Liabilities of a Property Nature, Information Confirming the Legality of Their Receipt Has Not Been Provided)" (SPS "ConsultantPlus").

13. It Is Proposed to Turn into State Revenue the Monetary Funds of Officials in Respect of Whom Information on the Legality of Their Receipt Has Not Been Provided. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/68190.html> (date of the application: 13.04.2021).

14. Decree of the President of the Russian Federation of 29 June 2018 No. 378 "On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2018. No. 27. Art. 4038.

15. *Malysheva L. A.* Improving Activities to Control the Costs of Civil Servants and Other Persons. *Legality*. 2019. No. 3.

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29 November 2016 No. 26-P "On the Case of Checking the Constitutionality of Subparagraph 8 of Paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 17 of the Federal Law 'On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office, and Other Persons to Their Income' in Connection with the Request of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan" (SPS "ConsultantPlus").

17. Federal Law of 2 December 1990 No. 395-I "On Banks and Banking Activities". *Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR*. 1990. No. 27. Art. 357.

18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13 February 2018 No. 8-P "On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Paragraph 4 of Article 1252, Article 1487 and Paragraphs 1, 2 and 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of the Limited Liability Company 'PAG'" (SPS "ConsultantPlus").

19. Anti-Corruption Legislation in the Field of Public Administration: Problems and Prospects: Collective Monograph. Moscow; Berlin: Direct Media, 2020.

20. *Kozlova E.B., Gureev V.A., Iliushina M.N., Kazachkova Z.M., Fomenko E.V.* Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia). *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2019. Vol. 7. No. 3.

21. *Kuzmin V., Mkrtchyan E.* Control over the Compliance of the Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Income. *Legality*. 2018. No. 3.

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА, СУБЪЕКТЫ, МЕТОДИКА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-76-81>

Эколого-правовое образование, направленное на распространение и внедрение в практику необходимых правовых знаний, умений и навыков, способствует соблюдению правового режима охраны природных объектов, предупреждению соответствующих правонарушений, формированию эколого-правомерного поведения. Методы исследования: общенаучный и диалектический методы познания (системный, логический, статистический, специально-юридический и др.). Предмет исследования – эколого-правовое образование несовершеннолетних детей как комплексное исследование, включающее в себя исследования в области социологии, педагогики, психологии и юриспруденции. Целью исследования является разработка комплексной интегрированной методики эколого-правового образования несовершеннолетних, при помощи которой возможно последовательное воздействие на их сознание с целью формирования у них уважительного отношения к эколого-правовым нормам и правомерного поведения, содержащего сдерживающие или подавляющие мотивы, которые приводят к совершению экологических правонарушений. Анализ нормативно-правовой базы приводит к выводу о том, что в настоящее время существует правовая база, прямо или косвенно затрагивающая необходимость эколого-правового образования, однако его механизм в национальном законодательстве не закреплен, а существующие методики не учитывают ни Стратегию, ни Экологическую доктрину. Особенностью исследования стало изучение влияния родителей совместно с образовательными учреждениями на формирование у несовершеннолетнего уважительного отношения к эколого-правовым нормам и правомерного поведения. Разработано понятие эколого-правового образования, постулаты методики эколого-правового образования, ее цели и основные характерные черты.

ЕРОХИНА

Елена Васильевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
гражданского права и процесса
юридического факультета
Оренбургского государственного
университета (г. Оренбург)

erohina.elena2020@gmail.com

ШАГИВАЛЕЕВА

Индира Закировна

кандидат педагогических
наук, доцент, доцент кафедры
гражданского права и процесса
юридического факультета
Оренбургского государственного
университета (г. Оренбург)

ishagivaleeva@mail.ru

**Эколого-правовое образование;
правовые основы экологической грамотности;
обязанность родителей по эколого-правовому воспитанию детей;
методика эколого-правового образования;
защита и охрана окружающей среды;
экологически правомерное и ответственное поведение**

Elena V. EROKHINA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Civil Law and Procedure, Law Faculty,
Orenburg State University (Orenburg)

erohina.elena2020@gmail.com

Indira Z. SHAGIVALEEVA

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Department of
Civil Law and Procedure, Law Faculty,
Orenburg State University (Orenburg)

ishagivaleeva@mail.ru

ENVIRONMENTAL LAW EDUCATION OF THE UNDERAGED: SOCIAL SIGNIFICANCE, LEGAL FRAMEWORK, SUBJECTS, METHODOLOGY

The results of the analysis conducted on the case law introduce that applying heavier punishments in cases relating to environmental protection and conservation doesn't have the desired effect. Instead of applying heavier punishments for committing offenses, we can encourage people to become contributing members of society by educating them. Environmental nihilism existing within the society is greatly underestimated and serves the cause of grave concern and worries, together with the absence of efficient education initiatives on behalf of the public administration regarding environmental law education. Research methods: general scientific, dialectical method of cognition (systematic, logical, statistical, special-legal, and others). The subject of the study is the environmental and

**Environmental law education;
environmental awareness legal
framework;
parent's responsibility to educate
children on environmental law
issues;
school education;
environmental law education
methodology;
environmental protection
and conservation;
environmentally legal
and responsible behavior**

legal education of adolescents as a comprehensive study, including research in the field of sociology, pedagogy, psychology, and jurisprudence. The study aims to develop a comprehensive integrated methodology of environmental and legal education of minors, with the help of which it is possible to consistently influence their consciousness to form their respectful attitude to environmental legal norms and lawful conduct. What was specific to the study is that it regarded the parents not only as the persons ensuring environmental law education but also as primary agents ensuring social monitoring of environmental law education results and the environmental responsibility. An ascertaining experiment performed on 6th graders allowed highlighting the levels of environmental law awareness, the three main elements of environmental law education. It was determined that the modern widely-used environmental law education models are lacking the measuring instruments, the practical activities are usually local, it is disconnected, there is no efficient methodology complying with laws and regulations. The basis for environmental law education methodology was suggested, as well as its goals and main characteristics. The analyses conducted on laws and regulations, as well as results of scientific and empirical research, confirm the findings pointing to the fact that the legal representatives of the underaged and the general and additional education institutions can cooperate and efficiently implement the methodologies of educating the underaged on environmental issues so they can become aware and accept the norms of lawful conduct and environmentally responsible behavior.

Естественная среда обитания человека имеет важное значение [1]. Большинство ученых придерживаются позиции о том, что «без чистой окружающей среды человечество не сможет жить, чтобы пользоваться другими правами, включая такие как право на жизнь и право на образование» [1]. Главной целью политики «умного» государства в сфере охраны окружающей среды и природопользования является бережение окружающей среды для будущих поколений [2]. Информация о сложной экологической ситуации в мире и в каждом конкретном регионе доступна, несовершеннолетние слышат о ней из телепередач, информационных сообщений в социальных сетях и т.д., но их восприятие не может быть совсем корректным в силу несформированности психики, а иногда в связи с возрастными протестными настроениями. А то, что информация предоставляется без взаимосвязи с законодательством, нередко приводит к нарушению норм экологического законодательства и (или) формированию чувства бессилия, безысходности, невозможности изменения ситуации.

В ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» [3] обращается внимание на целостность воспитания и обучения. Полагаем, что эколого-правовое образование – это целенаправленный процесс воспитания и обучения, осуществляемый в целях воспитания чувства ответственности за окружающую среду, формирования правовых установок в сфере рационального использования природных ресурсов, приобретения знаний

экологического права, умений навыков и компетенций в области защиты окружающей среды, нацеленных на сохранение экосистемы планеты.

За последние десятилетия международным сообществом принят ряд нормативно-правовых актов, посвященных проблемам охраны окружающей среды:

1) Всемирная хартия природы [4]. В п. 15 разд. 3 обращается внимание на необходимость распространения информации о природе всеми возможными средствами. В качестве примера таких средств названа разработка курса охраны природы, который должен быть составной частью общей системы образования;

2) Повестка дня на XXI век. Вместе с Повесткой была принята Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. Глава 25 предлагает повышать роль молодежи путем расширения их возможностей по получению эколого-правового образования, особое внимание в котором должно быть уделено воспитанию чувства ответственности за охрану окружающей среды;

3) Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [5]. В 2017 г. поручено включить в ФГОС изучение охраны окружающей среды [6];

4) Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» устанавливает всеобщность и комплексность экологического образования и необходимость преподавания основ экологических знаний в образовательных учреждениях;

5) Стратегия образования в интересах устойчивого развития предполагает, что разработка и введение специальных нормативных документов будут способствовать формированию у молодежи навыков самостоятельного анализа проблем, планирования адекватных способов их решения, своевременного предотвращения кризисов развития, в том, числе и в сфере охраны и защиты окружающей среды;

6) Экологическая доктрина Российской Федерации [7] в качестве одной из задач указывает повышение образовательного уровня в области экологии путем создания государственных и негосударственных систем экологического образования;

7) Концепция устойчивого развития Российской Федерации [8] говорит о совершенствовании действующих нормативно-правовых актов, регулирующих природопользование и охрану окружающей среды, создание соответствующей системы воспитания и обучения;

8) в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 год [9] в качестве направления в области обеспечения экологической безопасности закреплено совершенствование законодательства, развитие системы экологического образования.

На региональном уровне издаются акты, которые направлены на эколого-правовое воспитание несовершеннолетних. Так, в Оренбургской области действует постановление администрации г. Оренбурга от 5 августа 2013 г. № 2034 «Об утверждении муниципальной программы «Охрана окружающей среды в городе Оренбурге» на 2014–2020 годы», согласно которому повышение уровня экологического просвещения населения, в том числе и несовершеннолетнего, является одной из задач в сфере охраны окружающей среды.

Поддерживаем мнение о том, что любой нормативный акт о защите окружающей среде имеет смысл, только если он объединяет существующие гражданские, политические, экономические и социальные права в единое целое и пропагандирует защиту окружающей среды как общее благо [10].

Можно сделать вывод о том, что в качестве направлений охраны окружающей среды выделяют формирование экологически правомерного и ответственного поведения, ознакомление и уяснение основ экологической грамотности, что возможно только при помощи эколого-правового образования.

Выработка правильного отношения к природе должна начинаться уже в дошкольном и школьном возрасте. На наш взгляд, эколого-правовое образование предполагает обязательное развитие в личности идеи согласованного сосуществования человека, общества и природы, в их естественной взаимосвязи и взаимозависимости.

В качестве субъектов социального контроля эколого-правового образования выступают родители и иные члены семьи, сотрудники дошкольного и школьного образования, работники учреждений дополнительного образования и члены общественных детских организаций. Роль семьи в воспитании жизненных навыков, необходимых для оказания помощи в их социальной интеграции, бесспорна. Родители – первичные субъекты влияния на жизнь ребенка. Анализ международных актов позволяет утверждать, что родители имеют право и одновременно обязанность самостоятельно воспитывать ребенка. По мере того, как общество становится все более осведомленным об угрозах окружающей природе, возрастает необходимость в том, чтобы родители осуществляли эколого-правовое воспитание детей, которое приведет к долгосрочным экономическим, социальным и эмоциональным выгодам в сфере охраны природы.

Каждое государство возлагает юридическую ответственность на родителей и законных представителей за правонарушения, совершенные несовершеннолетними. Такие законодательные положения основаны на предположении, что несовершеннолетние совершают правонарушения, потому что их родители не смогли осуществить надлежащий контроль и надзор [11] и могут рассматриваться как способ мотивации родителей осуществлять надлежащее воспитание и контроль. Родителям необходимо формировать эмоциональная связь детей с окружающей средой, показывать пример эколого-правомерного поведения, объяснять правовые нормы по защите и охране окружающей среды и последствия при их несоблюдении.

Исследования, проведенные в Германии, показали, что в большинстве случаев потребность в заботе об окружающей среде связана не с беспокойством лиц об угрозе ущерба окружающей среды, а с потребностью и способностью проявлять сострадание и сотрудничество, особенно в семье [12]. Канадское исследование продемонстрировало зависимость самоконструирования личности с охраной окружающей среды, экологическим сотрудничеством и природоохранном поведении [13]. Исследование, проведенное Caldwell, свидетельствует о том, что лица, осведомленные о конкретных причинах ухудшения экологической среды, были готовы действовать в соответствии с экологическим законодательством [14].

В период с 2019 по февраль 2020 г. нами была построена модель эколого-правового образования и был проведен констатирующий эксперимент. Для проверки стартового уровня сформированности знаний, а также корреляции составленных вопросов констатирующего эксперимента мы провели

диагностику посредством опроса среди школьников г. Оренбурга и Оренбургской области, которые ознакомились с совокупностью нормативных актов по охране окружающей среды. Свой экскурс мы начали с конституционных основ: школьники затруднились ответить, что написано в Основном законе по защите окружающей среды (68%), остальные отвечали сбивчиво, путались. Занятия было построено в интерактивной форме: рассказывая о правовом режиме атмосферного воздуха, предложено было надеть одноразовые маски. Их назначение большинство школьников связали с простудой, но нашлись и те, кто сумел это связать с неблагоприятной экологической атмосферой. В рамках темы мы уточняли у школьников, что понимается под атмосферным воздухом, сколько воздуха необходимо человеку, а также правовой режим атмосферного воздуха.

Также мы попробовали поговорить об отходах производства. Оказалось, школьники имеют представление о классах опасности. Для проверки знания нового компонента мы вынесли на подносе «мусор» и предложили им разделить на классы опасности – все школьники справились без труда. Они знают, что в зависимости от класса опасности осуществляется их размещение. Но ни один не смог ответить на вопрос, с помощью какого закона регулируется правовой режим отходов, а некоторые даже не задумывались об этом.

Далее мы коснулись вопроса профилактики правонарушений. На вопрос: «Что Вы понимаете под экологическим правонарушением?» ответить смогли лишь 12%, а на вопрос: «Какое наказание следует за экологические правонарушения?» школьники смогли лишь предположить, что лишение свободы или штрафы, не вдаваясь в подробности.

Поднимался нами вопрос о том, какое место эколого-правовое воспитание занимает в системе самообразования. Затруднились ответить 52% человек, 38% человек ответили, что времени после изучения основных дисциплин и посещения кружков остается немного. Результаты опроса показали, что охрану окружающей среды ученики знают лишь по предмету «Окружающая среда», но детально экологическое правовое пространство.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что у многих учеников присутствует низкий уровень эколого-правового образования, они не имеют представления о законах, которые регулируют охрану окружающей среды; затрудняются с ответами по поводу элементов охраны окружающей среды; не знают, к каким мерам ответственности могут привлечь каждого из них; не имеют представления о роли «каждого» в охране окружающей среды.

К среднему уровню учеников мы отнесли тех, которые поверхностно ориентируются в эколого-пра-

вовом образовании; знает и может объяснить определение, но не знает основных направлений охраны окружающей среды, знает отдельные законы; знают, к каким мерам ответственности могут привлечь каждого из них; имеют представления о роли «каждого» в охране окружающей среды.

Таким образом, модели современного эколого-правового образования, представленные к широкому доступу, на наш взгляд, не учитывают ни Стратегию, ни Экологическую доктрину. Содержание эколого-правового образования характеризуется неопределенностью, невнятность, отсутствием инструментов для измерения, локальность практических мероприятий, изолированность частей эколого-правового образования. Полагаем необходимым принять закон или подзаконный нормативный акт, регламентирующий цели, задачи, методологию, программные мероприятия эколого-правового образования.

Констатирующий эксперимент позволил выделить нам уровни сформированности эколого-правовой направленности: репродуктивный; частично-поисковый; творческий.

В основе эколого-правового образования лежат три основных элемента: экологическое правосознание; понимание окружающей среды и законодательства, которое позволяет формулировать план действий в соответствии с нормами права; и эколого-правовые навыки, обеспечивающие правомерные и эффективные средства достижения защиты и охраны окружающей среды.

Анализ нормативно-правовых актов, научных изысканий и результаты практических исследований подтверждают вывод о том, что законные представители несовершеннолетних, учреждения общего и дополнительного образования могут создавать условия для разработки эффективных методик эколого-правового образования несовершеннолетних с целью формирования у них устойчивого принятия в правосознании эколого-правомерного поведения.

Исследования эколого-правового образования должны включать в себя психологические, педагогические, социологические, культурные исследования, а также медиа-исследования и интернет-исследования. Но основной такого исследования должна быть именно юриспруденция, поскольку исследования в области конституционного, экологического, гражданского, административного и уголовного права и т.д. позволят не ограничиться передачей исключительно знаний, «мертвых» лозунгов и постулатов, а сформировать экологическое правосознание, эколого-правомерное поведение; ликвидировать эколого-правовой нигилизм; будут способствовать появлению лидеров нового поколения, которые будут в правовых рамках бороться за сохранения и защиту окружающей среды.

Методика эколого-правового образования в качестве необходимого элемента должна включать в себя разработанные алгоритмы блоков эколого-правового образования, применимые в семье, детском саду, школе, отвечающие требованиям непрерывности, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Среди мероприятий, проводимых родителями по эколого-правовому воспитанию, эффективно рекомендовали себя следующие мероприятия: «Эко-потребитель-родитель», эко-правовое семейное путешествие, настольная игра «Эко-правой туризм по Оренбургской области». В рамках школьного образования наиболее интересными оказались деловая игра «Спасем окружающую среду», ролевая игра «Особо охраняемые территории», парламентские дебаты «Ответственность за окружающую среду».

Полагаем, что методика эколого-правового образования должна быть:

- 1) культурно нейтральной (насколько это возможно);
- 2) применимой ко всем соответствующим целевым группам несовершеннолетних (вне зависимости от пола, социального положения, возраста);
- 3) формирующей знания, умения и навыки в сфере эколого-правомерного и природоохранительного поведения;
- 4) основывающейся на Повестке дня на XXI век, а в РФ еще и на Эколого-правовой доктрине РФ, Концепции устойчивого развития.

Лицо, получившее эколого-правовое образование, должно воспринимать содержание природоохранных норм права не только как свои обязанности, но и как собственные убеждения.

Пристатейный библиографический список

1. Стокгольмская декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (16 июня 1972 г.) // Электронный фонд АО «Кодекс» : сайт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901880141> (дата обращения: 02.10.2020).
2. Костенко М. А., Попова О. В., Лутовац М. «Умное» государственное регулирование в сфере охраны окружающей среды и природопользования // Теоретическая и прикладная экология. 2019. № 1.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 37/7 от 28 октября 1982 г. «Всемирная хартия природы» // Электронный фонд АО «Кодекс» : сайт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901893001> (дата обращения: 02.10.2020).
5. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Электронный фонд АО «Кодекс» : сайт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 02.10.2020).
6. Резолюция Президента РФ от 8 февраля 2017 г. № ДМ-П9-708 «Перечень поручений от 24 января 2017 года № Пр-140ГС «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений»» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/53775> (дата обращения: 02.10.2020).
7. Распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Экологическая доктрина Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Boyle A. Human Rights and the Environment: Where Next? // European Journal of International Law. 2012. Vol. 23. Iss. 3.
11. Clements C. Williams v. Garcetti: The Constitutionality of Holding Parents Criminally Liable for the Acts of Their Children // Golden Gate University Law Review. 1995. Vol. 25. Iss. 2.
12. Gifford R., Nilsson A. Personal and Social Factors That Influence Pro-Environmental Concern and Behaviour: A Review // International Journal of Psychology. 2014. Vol. 49. Iss. 3.
13. Arnocky S., Stroink M., DeCicco T. Self-Construal Predicts Environmental Concern, Cooperation, and Conservation // Journal of Environmental Psychology. 2007. Vol. 27. Iss. 4.
14. Caldwell R. Knowledge, Attitudes and Practices of Global Environmental Change and Health: Toward Sustainable Behaviour Change? // MacSphere : сайт. URL: <https://macsphere.mcmaster.ca/bitstream/11375/11104/1/fulltext.pdf> (дата обращения: 2.10.2020).

References

1. Stockholm Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment (16 June 1972). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901880141> (date of the application: 02.10.2020).
2. Kostenko M. A, Popova O. V., Lutovats M. "Smart" State Regulation in the Field of Environmental Protection and Nature Management // Theoretical and Applied Ecology. 2019. No. 1.
3. Federal Law of 29 December 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 53. Art. 7598.
4. Resolution of the U.N. General Assembly No. 37/7 of 28 October 1982 "World Charter for Nature". URL: <http://docs.cntd.ru/document/901893001> (date of the application: 02.10.2020).
5. Declaration of the U.N. General Assembly of 25 September 2015 "Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development". URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (date of the application: 2.10.2020).
6. Resolution of the President of the Russian Federation of 8 February 2017 No. DM-P9-708 "List of Instructions of 24 January 2017 No. Pr-140GS "On the Ecological Development of the Russian Federation in the Interests of Future Generations"". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/53775> (date of the application: 2.10.2020).
7. Order of the Government of the Russian Federation of 31 August 2002 No. 1225-r "Environmental Doctrine of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").
8. Decree of the President of the Russian Federation of 1 April 1996 No. 440 "On the Concept of the Russian Federation's Transition to Sustainable Development" (SPS "ConsultantPlus").
9. Decree of the President of the Russian Federation of 19 April 2017 No. 176 "On the Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the Period up to 2025" (SPS "ConsultantPlus").
10. Boyle A. Human Rights and the Environment: Where Next? *European Journal of International Law*. 2012. Vol. 23. Iss. 3.
11. Clements C. Williams v. Garcetti: The Constitutionality of Holding Parents Criminally Liable for the Acts of Their Children. *Golden Gate University Law Review*. 1995. Vol. 25. Iss. 2.
12. Gifford R., Nilsson A. Personal and Social Factors That Influence Pro-environmental Concern and Behaviour: A Review. *International Journal of Psychology*. 2014. Vol. 49. Iss. 3.
13. Arnocky S., Stroink M., DeCicco T. Self-Construal Predicts Environmental Concern, Cooperation, and Conservation. *Journal of Environmental Psychology*. 2007. Vol. 27. Iss. 4.
14. Caldwell R. Knowledge, Attitudes and Practices of Global Environmental Change and Health: Toward Sustainable Behaviour Change? URL: <https://macsphere.mcmaster.ca/bitstream/11375/11104/1/fulltext.pdf> (date of the application: 02.10.2020).

ДИСТАНЦИОННОЕ РАССМОТРЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ (ОПЫТ АВСТРАЛИИ И КИТАЯ)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-82-88>

В статье исследуются международные и межгосударственные соглашения, а также законодательная база двух иностранных юрисдикций о функционировании судопроизводства по гражданским и экономическим спорам с точки зрения обеспечения новых запросов общества, появившихся в период пандемии 2020 г. Проведенный анализ позволяет высветить некоторые проблемы, вызванные нестандартной работой судебных систем исследуемых стран и рассмотреть предложенные механизмы их решения, требующие публичной дискуссии. Предмет работы – законодательные и иные нормативные правовые акты Австралии и Китая, устанавливающие и регламентирующие осуществление правосудия по гражданским и экономическим спорам в дистанционном режиме, правовые позиции высших судебных инстанций Австралии и Китая, выраженные при наступлении пандемии в 2020 г. Цель работы – осветить практические предложения зарубежных юрисдикций по повышению доступности правосудия в период пандемии, отразить преимущества и недостатки полученного опыта модернизации подходов использования информационных технологий. Методологической основой проведенного исследования стали: формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, а также общенаучные методы познания. Показательно, что, несмотря на анализ опыта двух независимых судебных систем, ряд механизмов, предложенных к внедрению, носит общие основополагающие черты: переход на повсеместное использование видеоконференц-связи, а также вытекающие из этого проблемы по идентификации участников судебного процесса и представляемых доказательств. И если в Китае ряд судов изначально специализировался на дистанционном рассмотрении споров, вытекающих из осуществления предпринимательской деятельности в Интернете, то Австралия продемонстрировала работоспособность применения электронных технологий реализуемых в силу географических особенностей своей территории. С другой стороны, различаются подходы к отнесению судебных издержек на проведение видеоконференц-связи. В Китае этот вопрос законодателем не урегулирован, тогда как в Австралии такие издержки могут нести как тяжущиеся, так и суд. Переходя к выводам, стоит отметить, что развитие электронного правосудия показало свою эффективность в период кризисов и именно развитие данного направления позволило оперативно произвести перенастройку акцентов в функционировании судебной системы, а не в экстренном режиме поиска решения с нуля.

**СЛАБОСПИЦКИЙ
Анатолий Сергеевич**

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
Московского университета
им. С. Ю. Витте (г. Москва)
slabospitskyas@gmail.com

**Электронное правосудие;
видеоконференц-связь;
судоустройство;
Интернет;
гражданский процесс;
арбитражный процесс**

Anatoly S. SLABOSPITSKY

Senior Lecturer, Department
of Civil Law and Procedure, Moscow
University named after S. Yu. Witte
(Moscow)

slabospitskyas@gmail.com

**REMOTE CONSIDERATION OF CIVIL
AND ECONOMIC DISPUTES DURING THE PANDEMIC
(EXPERIENCE OF AUSTRALIA AND CHINA)**

**E-justice;
videoconferencing;
judicial system;
Internet;
civil procedure;
arbitration procedure**

The article examines international and interstate agreements, as well as the legislative framework of two foreign jurisdictions on the functioning of civil and economic disputes from the point of view of meeting the new demands of society that appeared during the 2020 pandemic. The subject of the work is the legislative and other regulatory legal acts of Australia and China that establish and regulate the administration of justice in civil and economic disputes remotely, the legal positions of the highest courts of Australia and China, expressed during the onset of the pandemic in 2020. The purpose of the work is to highlight practical proposals foreign jurisdictions to increase the accessibility of justice during a pandemic, reflect the advantages and disadvantages of the experience gained in modernizing approaches to using information technologies. The methodological basis of the study was: the formal legal method, the comparative legal method, as well as general scientific methods of cognition. It is indicative that, despite the analysis of the experience of two independent judicial systems, a number of mechanisms proposed for implementation have common fundamental features: the transition to the widespread use of videoconferencing, as well as the resulting problems in identifying participants in the trial and the evidence presented. And if in China a number of courts initially specialized in remote consideration of disputes arising from the implementation of entrepreneurial activities on the Internet, Australia has demonstrated the efficiency of using electronic technologies due to the geographic characteristics of its territory. On the other hand, there are different approaches to attributing legal costs for videoconferencing. In China, this issue is not regulated by the legislator, while in Australia such costs can be borne by both the litigants and the court. Moving on to the conclusions, it is worth noting that the development of e-justice has shown its effectiveness in times of crises, and it is the development of this area that has made it possible to quickly re-adjust the focus in the functioning of the judicial system, and not in an emergency mode of finding a solution from scratch.

В статье описываются зарубежные судебные системы и опыт применения ими ряда процедурных механизмов для продолжения судебных разбирательств по гражданским и экономическим спорам в период пандемии.

На международном уровне суд Международной торговой палаты издал руководящую записку по международному третейскому разбирательству с протоколом о дистанционном рассмотрении судебных дел по гражданским и экономическим спорам [1]. Кроме того, страны, подписавшие Европейскую конвенцию по правам человека, должны соблюдать ст. 6 данной Конвенции, посвященную праву на справедливое судебное разбирательство [2]. Также действуют и другие региональные соглашения.

Переходя к опыту Австралии, необходимо обратить внимание на федеративное устройство данного государства. Эта страна состоит из шести штатов и двух материковых территорий с ограниченным самоуправлением, а также нескольких оффшорных территорий, подпадающих под действие федерального законодательства содружества.

На федеральном уровне структура судов Австралии, рассматривающих гражданские и экономичес-

кие споры, состоит из Федерального окружного суда Австралии, Суда по семейным делам Австралии, Федерального суда Австралии и Высокого суда Австралии, который рассматривает окончательные апелляции федеральных судов и верховных судов штатов после первого предоставления разрешения на апелляцию [3]; существует также несколько специализированных федеральных судов, которые функционируют как суды первой и второй инстанций [4].

Федеральный окружной суд Австралии рассматривает так называемые менее сложные гражданские и экономические споры, в том числе споры, вытекающие из административного права и из миграционного законодательства.

Федеральный суд Австралии отличается тем, что периодически проводит судебные заседания во всех крупных городах Австралии, т.е. меняет адрес своего пребывания. Федеральный суд Австралии обладает широкой компетенцией, охватывающей почти все гражданские и экономические споры, возникающие в соответствии с австралийским федеральным законодательством [5]. Федеральный суд Австралии также рассматривает апелляции на вердикты Федерального окружного суда Австралии и других судов

и трибуналов, включая верховные суды штатов и территорий, по делам, связанным с интеллектуальной собственностью. В то же время ввиду функционирования суда по семейным делам Австралии Федеральный суд Австралии не рассматривает апелляционные жалобы в отношении споров, вытекающих из семейного права [5; 6].

На уровне штатов и территорий судебные системы Австралии по гражданским и экономическим делам включают магистратов или местные суды, окружные суды и верховные суды, а также различные специализированные гражданские и административные суды [7].

Австралийские суды штатов и территорий рассматривают гражданские споры, регулируемые законами соответственно штатов и территорий, а также могут быть наделены юрисдикцией рассматривать споры в соответствии с федеральным законодательством. Компетенция судов штатов и территорий по гражданским и экономическим спорам различается в зависимости от суммы заявленных требований [8].

Принятый еще в 1976 г. Закон «О федеральном суде Австралии» предусматривает, что в суде, к примеру, дача показаний или представление доказательств могут быть осуществлены как непосредственно в зале судебного заседания, так и по видео- или аудиосвязи – это право может быть реализовано по заявлению стороны или по собственной инициативе судьи [9]. Соответствующие механизмы применяются независимо от того, где находится заинтересованное лицо: в Австралии или за ее пределами, за исключением случаев, когда человек находится в Новой Зеландии, о чем будет отдельно отмечено ниже.

Суд в Австралии может удовлетворить ходатайство об использовании видеосвязи только после определения того, что зал суда и место, в котором находится лицо, заявившее ходатайство, оснащены технологией, позволяющей всем имеющим право присутствовать лицам видеть и слышать лиц непосредственно в зале суда. Кроме того, регламент конкретного звена судебной системы Австралии может предписывать условия, касающиеся формы и оборудования, используемого для установления видеосвязи, расположения камер, стандарта и скорости передачи, а также качества связи [9]. Закон также содержит требования относительно приведения к присяге и совершения иных действий, которые должны быть произведены свидетелем, а также регламентирована процедура передачи документов лицу, которое участвует в процессе по видеосвязи. Таким образом, в части обмена документов Закон «О федеральном суде Австралии» предусматривает, что возможно осуществлять обмен документами между судом и лицом, участвующем в деле удаленно. Данный Закон также устанавливает, что судья, принявший решение о проведении дистанционного слуша-

ния дела, вправе выносить постановления об оплате расходов, связанных с использованием видеосвязи.

В части проведения австралийского судебного разбирательства с участием лиц, находящихся в Новой Зеландии, посредством видеоконференц-связи еще в 2010 г. был принят специальный Закон «О Транс-Тасмановском судопроизводстве» [10]. Данный Закон был принят в соответствии с соглашением, подписанным между Австралией и Новой Зеландией в 2008 г. [11]. Дополнительные положения о федеральных судебных процессах в отношении таких разбирательств содержатся в принятом в 2011 г. Регламенте Федерального суда [12]. Данный Регламент включает требование о том, что сторона, желающая подать ходатайство о получении доказательств или представлении материалов дела по аудиосвязи или видеоконференц-связи из Новой Зеландии, должна подать соответствующее ходатайство.

Главный судья Федерального суда Австралии опубликовал регламент об использовании судом электронных технологий [13]. В данном регламенте говорится, что суд будет непредвзято подходить к предложениям сторон об использовании электронных технологий в ходе разбирательства с учетом потребностей сторон и характера каждого дела, включая использование средств видеоконференц-связи для связи между сторонами и судом из различных мест. Кроме того, суды в Австралии располагают средствами видеоконференц-связи в залах судебных заседаний. Эти средства видеоконференц-связи позволяют суду и сторонам поддерживать связь между собой, а также с другими внешними точками в Австралии и за рубежом.

В Руководстве по проведению видеоконференций, размещенном на официальном сайте Федерального суда Австралии, также разъясняются подход суда и соответствующие процедуры [14]. В данном Руководстве говорится, что для дачи показаний по видеосвязи необходимо получить разрешение суда и, кроме того, любое такое ходатайство сначала должно обсуждаться с остальными сторонами по делу. Само такое ходатайство должно быть мотивированным с тем, чтобы суд мог оценить целесообразность такого заявления.

Кроме того, это Руководство содержит инструкцию о допросе свидетелей, находящегося за пределами Австралии, с помощью видеоконференции, включая необходимость учета соответствующих норм международного права, в частности Гаагской конвенции о сборе доказательств за рубежом по гражданским или коммерческим делам. Также данное Руководство детализирует механизмы, которые могут использоваться для облегчения сбора доказательств с помощью видеоконференций в странах, присоединившихся к вышеуказанной конвенции.

Руководство по проведению видеоконференций прописывает технические требования к оборудованию, внешние требования к месту проведения видеоконференций, порядок распределения расходов на проведение видеоконференций, которые должны покрываться сторонами в пропорциях, согласованных между ними или определенных судом, за исключением случаев, когда видеоконференция требуется исключительно для удобства суда, а также подготовки к проведению видеоконференции.

В марте 2020 г. Федеральный суд Австралии опубликовал информационное уведомление о специальных механизмах, вызванных пандемией, так называемые меры по продолжению работы федерального суда во время вспышки COVID-19 в Австралии [15]. В этом уведомлении говорится, что все слушания в залах судов, за исключением некоторых исключительных случаев, в настоящее время проводятся с использованием технологии удаленного доступа. В частности, суд использует программы *Microsoft* и телефонные конференц-связи для рассмотрения дел. Кроме того, Федеральный суд Австралии также предписал проведение потокового вещания и другие методы обеспечения необходимой степени публичного доступа к слушаниям в соответствии с принципами открытого правосудия и открытого суда.

В Национальном руководстве по виртуальным слушаниям для практикующих говорится, что суд в Австралии «в настоящее время рассматривает все предстоящие слушания с точки зрения их возможности проведения в виртуальном формате» [16], и сторонам предлагается осуществлять взаимосвязь с судом в дистанционном формате. В таком руководстве содержится инструкция об использовании платформы *Microsoft Teams*, о том, что может ожидать участников процесса, что ожидается от свидетелей, об открытом правосудии и порядке осуществления документооборота между участниками судебного заседания.

Таким образом, в Австралии именно Федеральный суд Австралии выступил с инициативой повсеместного перехода к дистанционному участию в судебном заседании с учетом уже сформированного опыта ведения таких форм судебного процесса как внутри страны, так и за ее пределами. В то же время обращает на себя внимание подход к отнесению расходов на проведение видеоконференц-связи к судебным расходам и пропорциональному их распределению как между сторонами, так и на суд.

Переходя к анализу практики правосудия по гражданским и экономическим спорам в период пандемии в Китае, кратко остановимся на структуре китайской судебной системы. Эта система состоит из Верховного народного суда Китая, местных народных судов и специализированных народных судов, таких как суды по интеллектуальной собственности [17]. Существуют

три уровня местных народных судов: первичные народные суды, промежуточные народные суды и высшие народные суды.

Гражданские и экономические дела рассматриваются народными судами в соответствии с Гражданским процессуальным законодательством [18]. Этот Закон требует, чтобы рассмотрение судебного спора было доступно для широкой общественности, за исключением случаев, когда речь идет о государственной тайне или частной жизни. Гражданское судопроизводство обычно делится на две части: 1) судебное следствие, когда стороны представляют факты и доказательства; 2) судебные прения, когда истец, ответчик, третьи лица и их представители делают заявления и обсуждают вопросы.

В соответствии с Гражданским процессуальным законодательством Китая свидетели, как правило, должны давать показания лично в суде. Однако с разрешения суда свидетель может давать показания в режиме видеоконференц-связи, если он не может явиться по уважительным причинам, таким как проблемы со здоровьем, стихийное бедствие или другие форс-мажорные обстоятельства. Кроме того, с согласия обеих сторон судебное разбирательство по гражданским и экономическим делам может проводиться в режиме видеоконференции [19].

В целях повышения эффективности судопроизводства по гражданским и экономическим делам в Китае был запущена пилотная программа «отделения простых гражданских и экономических дел от сложных», в рамках которой судебные процессы по простым гражданским и экономическим делам могут проводиться в режиме онлайн. В настоящее время такая пилотная программа реализуется в судах начального и среднего уровней в 20 крупных городах, включая Пекин и Шанхай, а также в трех судах по интеллектуальной собственности, Шанхайском финансовом суде и трех судах по Интернету [20].

В рамках такой пилотной программы в Китае судьи, стороны и другие участники судебного процесса могут участвовать в заседании через онлайн-платформы судебных разбирательств [21]. Стороны могут представлять доказательственные и иные материалы судебного разбирательства через интернет. С согласия сторон судебные разбирательства могут проводиться в режиме видеоконференц-связи, за исключением таких случаев, когда требуется дополнительная проверка личности лиц, участвующих в деле, и оригиналов документов, что безусловно является одним из камней преткновения в использовании данной технологии.

Если только одна сторона выбирает онлайн-судебное разбирательство, то суд в Китае может разрешить этой стороне вести судебное разбирательство онлайн, а другой стороне присутствовать в зале

судебного заседания как обычно. Судебный процесс может также перетекать из дистанционной формы в зал судебного заседания и наоборот.

В недавно созданных китайских интернет-судах Ханчжоу, Пекина и Гуанчжоу судебные разбирательства, как правило, проходят в режиме онлайн. Такие интернет-суды предназначены для рассмотрения споров, возникающих из предпринимательской деятельности интернет-магазинов, договоров на оказания интернет-услуг, кредитных договоров, заключенных в электронном виде, споров в области авторских прав в интернете, а также споров, связанных с использованием доменных имен. Эти три суда рассматривают только дела первой инстанции в пределах юрисдикции соответствующего города [22].

В ответ на недавнюю вспышку *Covid-19* Высший суд Китая призвал внутригосударственные суды «полностью внедрять онлайн-судебные процессы через соответствующие онлайн-судебные платформы» [23].

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что, с одной стороны, в Китае и до пандемии велась работа по внедрению различных технологий по осуществлению судебного разбирательства онлайн и не только в плане форм правосудия, но и в плане соответствующих специализированных судов, а с другой – именно Высший суд Китая стал инициатором экстренного продвижения дистанционных технологий в период вспышки *Covid-19*.

Описанный выше опыт внедрения дистанционных судебных разбирательств по гражданским и экономическим делам выявил не только преимущество такой технологии, но и ряд недостатков. В частности, это проблемы, связанные как с проверкой (идентификацией) самих участников процесса, так и с провер-

кой оригиналов документов, представляемых в суд. С другой стороны, в том же Китае уже созданы так называемые интернет-суды, в которых акцент делается не на форме судебного разбирательства, а на категориях спора, т.е. в таких судах рассматриваются споры, возникающие из деятельности интернет-магазинов, оказания интернет-услуги, онлайн-финансовых кредитов, что изначально нивелирует проблему с дистанционной проверкой подлинности доказательств и идентификацией представителей сторон.

В то же время судебные разбирательства онлайн по гражданским и экономическим делам в Австралии интересны тем, что еще до пандемии законодатель предусмотрел механизмы дистанционного участия в судебном заседании для заинтересованных лиц вне зависимости от их места нахождения – как на территории Австралии, так и за ее пределами. Кроме того, в законодательстве Австралии прямо предусмотрено, что суд вправе включать в судебные издержки расходы на организацию и проведение дистанционного судебного заседания на лиц участвующих в деле.

В период пандемии именно вышестоящие судебные инстанции как в Австралии, так и в Китае выступили с инициативой о переводе всех звеньев судебной системы на удаленный механизм осуществления правосудия, для чего в первом квартале 2020 г. выпустили соответствующие регламенты.

Также если в Китае для дистанционного участия в судебном процессе были созданы специализированные программы, то в Австралии пошли по более облегченному пути и стали использовать уже ранее функционировавшие общие доступные платформы, такие как *Microsoft Teams*, *Zoom* и аналогичные продукты.

Пристатейный библиографический список

1. International Court of Arbitration, ICC Guidance Note on Possible Measures Aimed at Mitigating the Effects of the COVID-19 Pandemic (9 April 2020) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/MMQ4-TLFE> (дата обращения: 15.03.2021).
2. European Convention on Human Rights (Art. 6) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/5ZZC-55ZX> (дата обращения: 15.03.2021).
3. Courts, Attorney-General's Department // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/DSV7-AFE6>; Role of the High Court, High Court of Australia // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/9G8X-QRCD>; Commonwealth of Australia Constitution Act (Cth) s 71 // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/R2VC-4BHI> (дата обращения: 15.03.2021).
4. Courts and Tribunals, Australian Government // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/4TA3-KFBJ> (дата обращения: 15.03.2021).
5. The Court's Jurisdiction, Federal Court of Australia // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/Q9EJ-2VAE>. См. также: Judiciary Act 1903 (Cth) s 39B // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/Z3J5-N877>; Federal Court of Australia Act 1976 (Cth) pt III // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/XF9P-JRGT>; Speech, Justice James Allsop, An Introduction to the Jurisdiction of the Federal Court of Australia (1 October 2007) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/ZBJ6-KGG4> (дата обращения: 15.03.2021).
6. Federal Court of Australia Act 1976 (Cth) pt III div 2 // Federal Register of Legislation : сайт. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00342> (дата обращения: 15.03.2021).

7. Legal Research Guide : Australia, Law Library of Congress // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/D2DZ-XWZ8>. См. также: Role of the New South Wales Courts and Tribunals, NSW Communities & Justice // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/LSG3-78QZ> (дата обращения: 15.03.2021).

8. *Miles C., Dowler W.* A Guide to Business Law. 21st ed. Rozelle, N.S.W. : Thomson Reuters, 2015 (Ch. 2 – Legal Institutions).

9. Federal Court of Australia Act 1976 (Cth) ss 47A (1; 4) & 47B (1; 2) // Federal Register of Legislation : сайт. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00342> (дата обращения: 15.03.2021).

10. Trans-Tasman Proceedings Act 2010 (Cth) pt 6 div 2 // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/25H9-3NVD> (дата обращения: 15.03.2021).

11. Trans-Tasman Proceedings Regime, Attorney-General's Department // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/FU42-B5ZG> (дата обращения: 15.03.2021).

12. Federal Court Rules 2011 (Cth) r 34.77(1) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/63N5-QWGJ> (дата обращения: 15.03.2021).

13. Chief Justice Allsop, Federal Court of Australia, Technology and the Court Practice Note (GPN-TECH) (Oct. 25, 2016) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/X5AR-ТТ6U> (дата обращения: 15.03.2021).

14. Federal Court of Australia, Videoconferencing (25 October 2016) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/4XL9-R2XV> (дата обращения: 15.03.2021).

15. Federal Court of Australia, Special Measures in Response to COVID-19 (SMIN-1), para. 1.1 (updated 31 March 2020) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/VP23-RMEZ>.

16. Federal Court of Australia, National Practitioners/Litigants Guide to Virtual Hearings and Microsoft Teams, para. 2.2 (April 2020) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/6SJ9-MQHM> (дата обращения: 15.03.2021).

17. Organic Law of the People's Courts (adopted by the National People's Congress (NPC) on 1 July 1979, revised 26 October 2018), Arts. 12 & 15 // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/KL6M-67HZ> (дата обращения: 15.03.2021) (in Chinese).

18. Civil Procedure Law (adopted by the NPC on 9 April 1991, amended 27 June 2017), Arts. 3 & 6 // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/YX8C-M9D9> (дата обращения: 15.03.2021) (in Chinese).

19. SPC, Interpretations on the Application of the Civil Procedure Law of the People's Republic of China, Fa Shi [2015] No. 5 (30 January 2015), Art. 259 // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/9KAP-KVB4> (дата обращения: 15.03.2021) (in Chinese).

20. China Starts Pilot Program to Boost Civil Litigation Efficiency, China Daily (16 January 2020) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/U5GH-HX8Z> (дата обращения: 15.03.2021).

21. SPC, Measures for the Implementation of the Pilot Program of the Reform of Separation between Complicated Cases and Simple Ones in Civil Procedure (15 January 2020), Art. 21 // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/7X6F-WVPD> (дата обращения: 15.03.2021) (in Chinese).

22. Laney Zhang, China: Supreme Court Issues Rules on Internet Courts, Allowing for Blockchain Evidence, Global Legal Monitor (21 September 2018) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/2EBW-RCV3> (дата обращения: 15.03.2021).

23. SPC Notice on Strengthening Online Litigation Work During the Period of Novel Coronavirus Pneumonia Epidemic Prevention and Control (14 February 2020) // Perma.cc : сайт. URL: <https://perma.cc/E4LN-6U28> (дата обращения: 15.03.2021) (in Chinese).

References

1. International Court of Arbitration, ICC Guidance Note on Possible Measures Aimed at Mitigating the Effects of the COVID-19 Pandemic (9 April 2020). URL: <https://perma.cc/MMQ4-TLFE> (date of the application: 15.03.2021).

2. European Convention on Human Rights (Art. 6). URL: <https://perma.cc/5ZZC-55ZX> (date of the application: 15.03.2021).

3. Courts, Attorney-General's Department. URL: <https://perma.cc/DSV7-AFE6>; Role of the High Court, High Court of Australia. URL: <https://perma.cc/9G8X-QRCD>; Commonwealth of Australia Constitution Act (Cth) s 71. URL: <https://perma.cc/R2VC-4BHJ> (date of the application: 15.03.2021).

4. Courts and Tribunals, Australian Government. URL: <https://perma.cc/4TA3-KFBJ> (date of the application: 15.03.2021).

5. The Court's Jurisdiction, Federal Court of Australia. URL: <https://perma.cc/Q9EJ-2VAE>. См. также: Judiciary Act 1903 (Cth) s 39B. URL: <https://perma.cc/Z3J5-N877>; Federal Court of Australia Act 1976 (Cth) pt III. URL: <https://perma.cc/XF9P-JRGT>; Speech, Justice James Allsop, An Introduction to the Jurisdiction of the Federal Court of Australia (1 October 2007). URL: <https://perma.cc/ZBJ6-KGG4> (date of the application: 15.03.2021).

6. Federal Court of Australia Act 1976 (Cth) pt III div 2. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00342> (date of the application: 15.03.2021).

7. Legal Research Guide : Australia, Law Library of Congress. URL: <https://perma.cc/D2DZ-XWZ8>. See also Role of the New South Wales Courts and Tribunals, NSW Communities & Justice. URL: <https://perma.cc/LSG3-78QZ> (date of the application: 15.03.2021).

8. *Miles C., Dowler W.* A Guide to Business Law. 21st ed. Rozelle, N.S.W. : Thomson Reuters, 2015 (Ch. 2 – Legal Institutions).

9. Federal Court of Australia Act 1976 (Cth) ss 47A (1; 4) & 47B (1; 2). URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00342> (date of the application: 15.03.2021).

10. Trans-Tasman Proceedings Act 2010 (Cth) pt 6 div 2. URL: <https://perma.cc/25H9-3NVD> (date of the application: 15.03.2021).

11. Trans-Tasman Proceedings Regime, Attorney-General's Department. URL: <https://perma.cc/FU42-B5ZG> (date of the application: 15.03.2021).

12. Federal Court Rules 2011 (Cth) r 34.77(1). URL: <https://perma.cc/63N5-QWGJ> (date of the application: 15.03.2021).

13. Chief Justice Allsop, Federal Court of Australia, Technology and the Court Practice Note (GPN-TECH) (Oct. 25, 2016). URL: <https://perma.cc/X5AR-TT6U> (date of the application: 15.03.2021).

14. Federal Court of Australia, Videoconferencing (25 October 2016). URL: <https://perma.cc/4XL9-R2XV> (date of the application: 15.03.2021).

15. Federal Court of Australia, Special Measures in Response to COVID-19 (SMIN-1), para. 1.1 (updated 31 March 2020). URL: <https://perma.cc/VP23-RMEZ>.

16. Federal Court of Australia, National Practitioners/Litigants Guide to Virtual Hearings and Microsoft Teams, para. 2.2 (April 2020). URL: <https://perma.cc/6SJ9-MQHM> (date of the application: 15.03.2021).

17. Organic Law of the People's Courts (adopted by the National People's Congress (NPC) on 1 July 1979, revised 26 October 2018), Arts. 12 & 15. URL: <https://perma.cc/KL6M-67HZ> (date of the application: 15.03.2021) (in Chinese).

18. Civil Procedure Law (adopted by the NPC on 9 April 1991, amended 27 June 2017), Arts. 3 & 6. URL: <https://perma.cc/YX8C-M9D9> (date of the application: 15.03.2021) (in Chinese).

19. SPC, Interpretations on the Application of the Civil Procedure Law of the People's Republic of China, Fa Shi [2015] No. 5 (30 January 2015), Art. 259. URL: <https://perma.cc/9KAP-KVB4> (date of the application: 15.03.2021) (in Chinese).

20. China Starts Pilot Program to Boost Civil Litigation Efficiency, China Daily (16 January 2020). URL: <https://perma.cc/U5GH-HX8Z> (date of the application: 15.03.2021).

21. SPC, Measures for the Implementation of the Pilot Program of the Reform of Separation between Complicated Cases and Simple Ones in Civil Procedure (15 January 2020), Art. 21. URL: <https://perma.cc/7X6F-WVDP> (date of the application: 15.03.2021) (in Chinese).

22. Laney Zhang, China: Supreme Court Issues Rules on Internet Courts, Allowing for Blockchain Evidence, Global Legal Monitor (21 September 2018). URL: <https://perma.cc/2EBW-RCV3> (date of the application: 15.03.2021).

23. SPC Notice on Strengthening Online Litigation Work During the Period of Novel Coronavirus Pneumonia Epidemic Prevention and Control (14 February 2020). URL: <https://perma.cc/E4LN-6U28> (date of the application: 15.03.2021) (in Chinese).

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЧЕЛОВЕКА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-89-94>

В статье проанализированы различные точки зрения российских ученых-юристов по поводу правового обоснования использования органов и тканей человека в гражданском обороте. В России общественные отношения по поводу гражданско-правового оборота в отношении органов и тканей человека только начинают складываться. Соответственно, требуется совершенствование гражданского законодательства, которое будет направлено на определение места и особенностей правового регулирования биологического материала человека. В качестве предмета исследования выступает комплекс проблем, связанных с определением понятия биологических объектов человека, их юридической природы и места в системе объектов гражданских прав, а также права, возникающие по их поводу. Цель исследования – обоснование принципиальной возможности отнесения биологического материала человека к объектам гражданских прав, раскрытие их существенных признаков и определение их места в системе объектов гражданских прав, выработка практических рекомендаций по устранению противоречий и пробелов в гражданском законодательстве, регулирующем данные отношения. В работе применялись общенаучные методы (диалектический, системно-структурный, логический, анализ) и частнонаучные (формально-юридический, межотраслевой) методы познания. В результате проведенного исследования рассмотрены вопросы о возможности распространения на свое тело права собственности, о том, могут ли биологические материалы человека рассматриваться в качестве вещей и могут ли они выступать в качестве объектов отчуждаемых сделок. Сделан вывод, что биоматериал человека неоднороден, к нему применяется различное правовое регулирование, он служит различным целям: органы и ткани, относящиеся к сфере действия Закона о трансплантации, служат делу спасения жизни и восстановлению здоровья, донорские эмбрионы, сперма и ооциты – для помощи лицам, страдающим бесплодием, донорская кровь – для помощи больным при тяжелых заболеваниях, грудное молоко используется для вскармливания и правильного развития организма и иммунной системы у детей; волосы, ногти или зубы могут использоваться для коллекционных целей или в сфере красоты. В работе обосновывается возможность отнесения биологических объектов человека к объектам гражданских прав. В связи с этим предлагается определить биологические объекты человека как самостоятельные уникальные объекты материального мира, происходящие от организма человека, обладающие значительной нематериальной ценностью и экономической стоимостью. При определении правовой природы биоматериала человека проводится классификация человеческих органов и тканей с различным правовым режимом. Сделан вывод о том, что такие объекты гражданских прав, как органы, ткани и биологические материалы, существуют от момента добровольного изъятия из тела донора до момента потребления (пересадки, имплантации) и в период существования в «свободном виде» могут быть объектом различных гражданско-правовых сделок.

**КАМЕНЕВА
Зоряна Викторовна**

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)
kameneva_z@mail.ru

**Биоматериал человека;
гражданско-правовой режим
органов и тканей человека;
донорство крови;
право собственности
на биологические образцы;
объекты гражданских прав**

Zoryana V. KAMENEVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Civil and Business Law, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

kameneva_z@mail.ru

**Human biomaterial;
civil law regime of human organs
and tissues;
blood donation;
ownership of biological samples;
objects of civil rights**

CIVIL LAW REGIME OF HUMAN BIOLOGICAL MATERIAL

The article analyzes various points of view of Russian legal scholars on the legal justification of the use of human organs and tissues in civil circulation. In Russia, public relations regarding civil law turnover in relation to human organs and tissues are just beginning to take shape. Accordingly, it is necessary to improve civil legislation, which will be aimed at determining the place and features of the legal regulation of human biological material. The subject of the study is a set of problems related to the definition of the concept of human biological objects, their legal nature and place in the system of objects of civil rights, as well as the analysis of rights arising from them. Substantiation of the fundamental possibility of classifying human biological material as objects of civil rights, disclosure of their essential features and determination of their place in the system of objects of civil rights, development of practical recommendations for eliminating contradictions and gaps in civil legislation regulating these relations. The work used general scientific methods (dialectical, system-structural, logical, analysis) and private scientific (formal-legal, intersectoral) methods of cognition. As a result of the conducted research, the questions of the possibility of extending the right of ownership to one's body, determining whether human biological materials can be considered as things and whether they can act as objects of alienation transactions are considered. It is concluded that human biomaterial is heterogeneous, different legal regulations apply to it, and it serves different purposes: organs and tissues belonging to the scope of the Law on Transplantation – serve to save lives and restore health, donor embryos, sperm and oocytes – to help people suffering from infertility, donor blood – to help patients with severe diseases, breast milk is used for feeding and proper development of the body and immune system in children; hair, nails or teeth can be used for collection purposes or in the field of beauty. The paper substantiates the possibility of classifying human biological objects as objects of civil rights. In this regard, it is proposed to define human biological objects as independent unique objects of the material world, originating from the human body, having significant intangible value and economic value. When determining the legal nature of human biomaterial, the classification of human organs and tissues with different legal regimes is carried out. It is concluded that such objects of civil rights as organs, tissues and biological materials exist from the moment of voluntary removal from the donor's body, until the moment of consumption (transplantation, implantation), and during the period of existence in a "free form" can be the object of various civil transactions.

На сегодняшний день отсутствует единый подход к правовому статусу человеческого тела, его органов и тканей. Несмотря на то что они уже давно являются объектами гражданских прав, в цивилистической науке сохраняется консерватизм, когда встает вопрос о конкретизации положений подр. 1 гл. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1, с. 35] и дополнении его таким объектом гражданских прав, как «биологические материалы, органы, ткани и тело человека».

Приведем несколько примеров, подтверждающих, что человеческое тело или его части могут выступать в качестве объектов гражданских прав:

– лицо вправе заключить договор хранения посредством консервации своего репродуктивного биоматериала (спермы, ооцитов, эмбриона), также услуги по криоконсервации могут быть применены к телу умершего человека в целом или отдельных его частей [2, с. 112]. Следовательно, биологические материалы человека и его тело могут выступать предметом договора хранения;

– к транспортировке криоконсервированных биоматериалов человека применяются особые правила [3], что говорит о возможности заключения транспортных договоров по поводу исследуемых объектов;

– также биологические материалы человека могут быть объектами купли-продажи: например, человеческие волосы или зубы, например, в 2012 г. зуб Джона Леннона был куплен на аукционе за 19,500 фунтов стерлингов [4].

Следовательно, органы, ткани и биоматериалы человека являются объектами гражданских прав. Сейчас ст. 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав вещи, иное имущество, в том числе имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации и нематериальные блага.

Рассмотрим, вписываются ли в действующую модель ст. 128 ГК РФ такие объекты гражданских прав, как органы, ткани и иные биоматериалы человека.

В соответствии с законодательством лицо имеет возможность распорядиться принадлежащим ему субъективным правом на здоровье и личную (физическую неприкосновенность) посредством дачи согласия на прижизненное изъятие органов и тканей, совершения донорства крови или репродуктивных тканей или дачи распоряжений на случай смерти. Последнее обусловлено тем, что личная (физическая) неприкосновенность не утрачивается лицом со смертью, что подтверждается как судебной практикой [5], так и теоретическими воззрениями [6].

Высказываемые в теории предложения по уточнению ст. 150 ГК РФ и дополнению ее правом на телесную неприкосновенность как комплексом прав неимущественного характера по независимому и самостоятельному распоряжению своим телом или его частям [7, с. 42], по нашему мнению, видится излишним.

Таким образом, именно жизнь, здоровье и личная неприкосновенность представляют собой объекты гражданских прав (нематериальные блага), человеческие органы, ткани и биоматериалы являются производными от добровольного волеизъявления человека в отношении своих нематериальных благ, но к этой категории не относятся.

Следовательно, можно сформулировать следующее положение: до момента правомерного добровольного отчуждения от человеческого тела органов (их частей), тканей или иных биоматериалов их не существует в качестве самостоятельных объектов гражданских прав, они являются составляющей частью нематериальных благ человека на личную неприкосновенность и здоровье.

С момента отделения биологические материалы человека, как отмечает, Н. В. Аполинская, обладают внутренними признаками, присущими всем объектам гражданских прав (полезностью, дискретностью) [8, с. 102].

Также указанные объекты гражданских прав утрачивают свое самостоятельное качество после потребления – пересадки, имплантации в тело реципи-

ента или иного использования (например, сперма или ооцит не имеют самостоятельного трансплантационного значения, они имплантируются в женщину только в преобразованном виде, когда создан эмбрион *in vitro*) [9, с. 35].

Иначе говоря, такой объект гражданских прав, как органы, ткани и биологические материалы, существует от момента добровольного изъятия из тела донора до момента потребления (пересадки, имплантации) и в период существования в «свободном виде» могут быть объектом различных гражданско-правовых сделок.

Таким образом, любой биологический материал может выступать в качестве объекта гражданских прав. В то же время положение биоматериалов человека среди объектов гражданских прав неодинаково и может зависеть от ряда причин.

Например, профессор М. Н. Малеина предлагает классифицировать органы и ткани на группы по следующим основаниям:

- причина их отторжения (отчуждения);
- цель дальнейшего использования.

Профессор на основе данных критериев выделяет три группы биоматериалов человека:

1) органы и ткани человека, подпадающие под действие Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее – Закон о трансплантации), которые изымаются в медицинских целях для дальнейшей пересадки;

2) иные органы и ткани, отчуждаемые при оказании медицинской помощи, в том числе, ампутированные части тела пациента, в том числе конечности, опухоли, зубы; абортированные плоды и их органы (ткани), эмбриональный материал (плацента, плодный пузырь, амниотическая жидкость, пуповина);

3) биоматериалы человека, отторжение которых не связано с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, они могут не иметь конкретной цели для последующего использования, например остриженные волосы, сцеженное грудное молоко, кожа, удаленная после подтяжки, и т.п. [10, с. 13].

Классификация по таким критериям, безусловно оправданна, однако не охватывает всего многообразия биоматериалов человека, в частности в ней не нашли отражения кровь и ее компоненты, а также репродуктивные органы и ткани человека (яичники, яички, сперма, ооцит, эмбрион) [11, с. 81].

По нашему мнению, возможно, классификацию следует дополнить таким основанием, как сложность изъятия и степень вреда организму потенциального донора, и выделить следующие группы биоматериалов человека:

- 1) невосстановимые биоматериалы человека:
 - органы и ткани человека (Закон о трансплантации), изъятие которых может привести к причинению

значительного вреда здоровью потенциального донора и сопряжено с трансплантацией [12]. Осуществляется в целях спасения жизни и восстановления здоровья реципиента, генетически связанного с донором. Донорство таких биоматериалов человека производится только на безвозмездной основе;

– иные невозможные биоматериалы человека, отчуждение которых от организма человека может быть как сопряжено, так и не сопряжено с медицинским вмешательством. Они могут использоваться в медицинских, научных, исследовательских, творческих и иных целях. Например, ампутированные конечности, выпавшие зубы и т.д. Возможность их возмездной или безвозмездной реализации будет зависеть от самого объекта и целей дальнейшего использования;

2) восстанавливаемые биоматериалы человека:

– органы и ткани человека (Закон о трансплантации), изъятие которых может привести к причинению вреда здоровью потенциального донора и сопряжено с трансплантацией. Осуществляется в целях спасения жизни и восстановления здоровья реципиента, чаще всего генетически связанного с донором (кроме, костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток). Донорство таких биоматериалов человека производится только на безвозмездной основе;

– кровь и ее компоненты (Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов»), репродуктивные ткани (спермы, ооциты, эмбриона) (приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»). Донорство данных биоматериалов сопряжено с незначительным риском вреда здоровью (при надлежащем осуществлении медицинского вмешательства). Обычно не требует длительной подготовки к изъятию, кроме донорства ооцитов. Может осуществляться на возмездной или безвозмездной основе, в интересах конкретного потенциального реципиента или неопределенного круга лиц;

– биоматериалы, отчуждение которых от тела человека не связано с причинением вреда здоровью и медицинским вмешательством для его осуществления (состриженные волосы, ногти, грудное молоко). Могут реализовываться на возмездной или безвозмездной основе, самостоятельно или через специальные организации (например, банки донорского грудного молока, где данное молоко проходит специальную проверку и термическую обработку для дальнейшего использования). Не являются объектами гражданских прав, ограниченными в обороте. На них может быть распространен вещно-правовой режим;

– и др.

Следовательно, рассматривая вопрос о вещиности биоматериалов человека, важно отметить, по данно-

му вопросу в отечественной литературе имеются противоположные точки зрения – от безоговорочного принятия [13, с. 87] до полного отрицания [14, с. 43].

По нашему мнению, однозначный ответ на данный вопрос отсутствует: биоматериал человека неоднороден, к нему применяется различное правовое регулирование, он служит различным целям (как справедливо в своей классификации отмечает профессор М. Н. Малейна): органы и ткани, относящиеся к сфере действия Закона о трансплантации, служат делу спасения жизни и восстановлению здоровья; донорские эмбрионы, сперма и ооциты – для помощи лицам, страдающим бесплодием; донорская кровь – для помощи больным при тяжелых заболеваниях; грудное молоко используется для вскармливания и правильного развития организма и иммунной системы у детей; волосы, ногти или зубы могут использоваться для коллекционных целей или в сфере красоты [15].

Вещно-правовой режим, по нашему мнению, может быть распространен в отношении человеческих волос, ногтей, зубов, грудного молока [16]. К органам и тканям человека такой режим неприменим. Допустим, что донорский орган был пересажен не тому реципиенту, ради которого донор ограничил свое личное нематериальное право на здоровье и личную неприкосновенность и пошел на трансплантацию. В приведенном случае он будет требовать в суде не возмещения убытков в размере стоимости утраченной вещи (скажем, почки). Донор предъявит иск о возмещении вреда, причиненного здоровью.

По нашему мнению, иные биологические материалы человека, к которым вещно-правовой режим неприменим, являются объектами гражданских прав уникальными в своем роде (*sui generis*). Характерными чертами таких объектов гражданских прав являются их ограниченная оборотоспособность, биологическая целостность, и используются они в определенных целях [1, с. 35].

Следовательно, возможно, целесообразно внесение изменений в ст. 128 ГК РФ, а именно дополнение ее положением о том, что к объектам гражданских прав относятся «биологические материалы человека», включающие человеческие органы (их части) и ткани, кровь и ее компоненты, эмбрион человека.

Считаем необходимым дополнить гл. 6 ГК РФ статьей «Биологические материалы человека» со следующей формулировкой: «Нахождение биологических материалов человека в гражданском обороте допускается в пределах, установленных специальным законодательством» [1, с. 35].

В заключение хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, отнесение человеческого тела в целом после смерти к объектам гражданских прав является недопустимым и противоречащим основам морали и нравственности.

Пристатейный библиографический список

1. Мызров С. Н., Нагорный В. А. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека : дифференцированный подход к разрешению проблемы // Медицинское право. 2014. № 3.
2. Кулицкая Л. И. Крионика как альтернативная форма погребения : правовой аспект // Бизнес в законе. 2016. № 1.
3. Приказ Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Стоматолог из Канады купил зуб Джона Леннона за \$31 тыс. // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20111106/481707608.html> (дата обращения: 15.09.2020).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кулицкая Л. И. Правовой режим органов, тканей, клеток и тела человека после смерти лица, не оставившего завещание // Власть закона. 2016. № 2 (26).
7. Медведев Е. В., Нагорный В. А. Правовые формы изъятия органов и тканей человека для трансплантации // Медицинское право. 2015. № 2.
8. Аполинская Н. В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.
9. Донцов Д. С. Тело живого человека как нематериальное благо и гражданско-правовая защита его физической неприкосновенности // Медицинское право. 2011. № 2.
10. Евсеев Е. Ф. Правовой статус человеческого организма и его частей // Адвокат. 2010. № 6.
11. Малеина М. Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11.
12. Чернущь Н. Ю., Цихоцкий А. В. Гражданско-правовой режим биологического материала человека // Российский юридический журнал. 2019. № 1.
13. Приказ Минздрава России № 306н, РАН № 3 от 4 июня 2015 г. «Об утверждении перечня объектов трансплантации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан : понятие, осуществление, защита. М. : МЗ Пресс, 2000.
15. Донцов Д. С. Органы и ткани человека как объекты вещного права в Российской Федерации // Медицинское право. 2009. № 2.
16. Петербурженка 6 лет не стригла ногти, а теперь продает их за тысячи долларов // Комсомольская Правда : сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/27156/4254326/> (дата обращения: 22.09.2020).

References

1. Myzrov S. N., Nagornyi V. A. On the Real-Legal Status of Human Organs and Tissues: A Differentiated Approach to Solving the Problem. *Medical Law*. 2014. No. 3.
2. Kulitskaia L. I. Cryonics as an Alternative Form of Burial: A Legal Aspect. *Business in Law*. 2016. No. 1.
3. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 30 August 2012 No. 107n "On the Procedure for the Use of Assisted Reproductive Technologies, Contraindications and Restrictions to Their Use" (SPS "ConsultantPlus").
4. A Dentist from Canada Bought a John Lennon Tooth for \$31 Thousand. URL: <https://ria.ru/20111106/481707608.html> (date of the application: 15.09.2020).
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 4 December 2003 No. 459 "On Refusal to Accept for Consideration the Request of the Saratov Regional Court to Verify the Constitutionality of Article 8 of the Law of the Russian Federation 'On Transplantation of Human Organs and (or) Tissues'" (SPS "ConsultantPlus").
6. Kulitskaia L. I. The Legal Regime of Organs, Tissues, Cells and the Human Body After the Death of a Person Who Did Not Leave a Will. *Rule of Law*. 2016. No. 2 (26).
7. Medvedev E. V., Nagornyi V. A. Legal Forms of Withdrawal of Human Organs and Tissues for Transplantation. *Medical Law*. 2015. No. 2.
8. Apolinskaia N. V. Biological Objects of a Person in the Civil Law of the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Irkutsk, 2009.
9. Dontsov D. S. The Body of a Living Person as an Immaterial Good and Civil-Legal Protection of its Physical Inviolability. *Medical Law*. 2011. No. 2.

10. *Evseev E. F.* The Legal Status of the Human Body and its Parts. *Lawyer*. 2010. No. 6.
11. *Maleina M. N.* The Status of Organs, Tissues, and the Human Body as Objects of Property Rights and the Right to Physical Inviolability. *Legislation*. 2003. No. 11.
12. *Chernus N. lu., Tsikhotskii A.V.* Civil-Legal Regime of Human Biological Material. *Russian Legal Journal*. 2019. No. 1.
13. Order of the Ministry of Health of Russia No. 306n, Russian Academy of Sciences No. 3 of 4 June 2015 "On Approval of the List of Objects Transplantation" (SPS "ConsultantPlus").
14. *Maleina M. N.* Personal Non-Property Rights of Citizens: Concept, Implementation, Protection. Moscow: Ministry of Health Press, 2000.
15. *Dontsov D. S.* Organs and Tissues as Objects of Property Law in the Russian Federation. *Medical Law*. 2009. No. 2.
16. Petersburgzhenka 6 Years Did Not Cut Her Nails, and Now Sells Them for Thousands of Dollars. URL: <https://www.kp.ru/daily/27156/4254326/> (date of the application: 22.09.2020).

НОВЕЛЛЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ»

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-95-104>

Целью настоящей статьи является анализ изменений, сложившихся в настоящее время в судебной практике по делам, связанным с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Научная новизна исследования определяется его целями, содержанием, а также сформулированными в нем выводами и рекомендациями. Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы познания: нормативный, системный, логический, так и частнонаучные методы: формально-логический, метод изучения судебной практики и толкования юридических норм. Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств является крайне распространенным гражданско-правовым соглашением. Возникающие при разрешении судами таких дел вопросы продолжают и в настоящее время интересовать специалистов в области как материального, так и процессуального права, что свидетельствует об актуальности проведенного исследования. Статья предназначена как для правоприменителей, поскольку страхование требует специальных знаний от субъектов данных отношений, так и для широкого круга исследователей. Автор пришел к выводу, что для большей стабильности развития страхового права в рамках договора ОСАГО необходима работа с понятийным аппаратом, следование устоявшейся системе обязательств гражданского права в нормативно-правовых актах, посвященных страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

ФИЛИППОВ
Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права
Саратовской государственной
юридической академии (г. Саратов)
s.filippov85@icloud.com

Договор;
ОСАГО;
ремонт;
износ;
суд;
вред;
ущерб

Sergey A. FILIPPOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Civil Law, Saratov State Law
Academy (Saratov)

s.filippov85@icloud.com

NOVELS OF JUDICIAL PRACTICE IN THE APPLICATION OF THE FEDERAL LAW "ON COMPULSORY INSURANCE OF CIVIL LIABILITY OF VEHICLE OWNERS"

The purpose of this article is to analyze the changes that have taken shape at the present time in judicial practice in cases related to compulsory civil liability insurance of vehicle owners. The scientific novelty of a research is determined by its goals, content, as well as the conclusions and recommendations formulated in it. The methodological basis of the research was formed by both general scientific methods of cognition: normative, systemic, logical, and private scientific methods: formal-logical, the method of studying judicial practice and interpretation of legal norms. Compulsory civil liability insurance of vehicle owners is an extremely common civil law agreement. The issues arising in the resolution of such cases by the courts continue, and at the present time, of interest to specialists both in the field of substantive and procedural law, which indicates the relevance of the study. The article is intended both for law enforcement officers, since insurance requires special knowledge from the subjects of these relations, and a wide range of researchers. The author came to the conclusion that

Contract;
OSAGO;
repair;
wear and tear;
court;
damage

for greater stability in the development of insurance law within the framework of the OSAGO agreement, it is necessary to work with the conceptual apparatus, adherence to the established system of civil law obligations, in the regulatory legal acts devoted to civil liability insurance of vehicle owners.

Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) является крайне распространенным гражданским соглашением. В МВД России назвали количество зарегистрированных автомобилей в России: ведомство заявило, что в 2020 г. число автомобилей увеличилось до 60,5 млн единиц [1].

Договор ОСАГО – договор страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховое возмещение в форме страховой выплаты или путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы) [2].

Согласно п. 4 ст. 931 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) в случае, когда ответственность за причинение вреда застрахована в силу того, что ее *страхование обязательно*, а также в других случаях, предусмотренных законом или договором страхования такой ответственности, лицо, в пользу которого считается заключенным договор страхования, *вправе* предъявить непосредственно страховщику требование о возмещении вреда в пределах страховой суммы.

По справедливому замечанию Р. К. Савинского и М. А. Данилочкиной, вопрос о возможности предъявления требования о возмещении вреда лицу, причинившему ущерб, и страховщику, застраховавшему его гражданскую ответственность, при всей своей кажущейся очевидности с момента вступления в силу Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) и до настоящего момента порождает множество дискуссий и ставит перед правоприменителями ряд других вопросов, которые до настоящего момента в полной мере не разрешены ни в теории страхового права, ни в судебной практике [3].

Еще в 2002 г. Астраханский областной суд указывал о применении норм материального права по данной категории споров, а именно что отсутствует устоявшаяся судебная практика; это вызвано тем, что в Законе об ОСАГО и в Правилах обязательного страхования имеются противоречия и нестыковки с нормами Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), многие нор-

мы сформулированы некорректно, в результате чего возможно их неоднозначное толкование [4].

Нужно сказать, что нестыковок не удалось избежать и в настоящее время. Тенденция, которой следует судебная практика, порождает главный вопрос у потребителя: «Для чего страховать свою ответственность в рамках института ОСАГО?».

Причину такого негодования иллюстрирует следующий случай.

Г., на праве собственности, принадлежит автомобиль HYUNDAI SOLARIS, гражданская ответственность владельца указанного транспортного средства застрахована Страховым акционерным обществом «ВСК», о чем страховщиком выдан страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

8 июля 2020 г. в г. Саратове Я., управляя принадлежащим ей на праве собственности автомобилем марки *Geely Emgrand*, не учла скорость движения и особенности своего транспортного средства, дорожно-метеорологические условия, интенсивность движения, в результате чего допустила столкновение с автомобилем *Hyundai Solaris* под управлением водителя Г. Гражданская ответственность владельца транспортного средства *Geely Emgrand*, застрахована АО «АльфаСтрахование», о чем страховщиком выдан страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. В результате виновных действий Я. автомобилю Г. были причинены технические повреждения, а Г. как владельцу – материальный вред.

В силу положений п. 1 ст. 12 Закона об ОСАГО потерпевший вправе предъявить страховщику требование о возмещении вреда, причиненного его жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортного средства, в пределах страховой суммы.

20 июля 2020 г. Г. как потерпевший обратился в Саратовский филиал Страхового акционерного общества «ВСК» с соответствующим требованием о возмещении вреда, причиненного его имуществу, представив все установленные Законом об ОСАГО и Правилами обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утв. положением Банка России от 19 сентября 2014 г. № 431-11 (в ред. от 8 октября 2019 г.), документы, необходимые и достаточные для выплаты страхового возмещения.

20 июля 2020 г. Г. представил страховщику поврежденное транспортное средство для его осмотра и (или) независимой технической экспертизы.

4 августа 2020 г. Страховым акционерным обществом «ВСК» была осуществлена выплата страхового возмещения в размере 64 533 руб. 19 коп. Представители Страхового акционерного общества «ВСК» пояснили, что сумма страхового возмещения, отраженная в акте о страховом случае от 3 августа 2020 г., в размере 64 533 руб. 19 коп., перечисленная платежным поручением, была исчислена с учетом износа комплектующих изделий транспортного средства.

После осуществления страховщиком выплаты страхового возмещения в указанном размере в целях производства восстановительного ремонта принадлежащего транспортного средства Г. обратился к официальному дилеру «Hyundai» в г. Саратов – в сервисный центр «АГАТ».

Однако суммы страхового возмещения оказалась недостаточной для осуществления оплаты необходимого ремонта и полного восстановления нарушенного права Г. Как следует из дефектовочного акта, составленного 18 августа 2020 г. ООО «Гранд», общая стоимость работ и запчастей, подлежащих к замене, составляющих фактический размер расходов, необходимых для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до момента ДТП, составляет 128 300 руб. 00 коп.

Указанный в дефектовочном акте объем рекомендованных работ, а также перечень запчастей, рекомендованных к замене, в полной мере отвечает требованиям завода-изготовителя и учитывает условия эксплуатации принадлежащего Г. транспортного средства, является экономически обоснованным и необходимым для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до ДТП.

В связи с тем, что от возмещения причиненного ущерба Я. уклоняется, Г. вынужден обратиться в суд за защитой своего нарушенного права, а заявленные требования подлежат удовлетворению по следующим основаниям.

В силу положений п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Согласно ст. 1072 ГК РФ юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (ст. 931, п. 1 ст. 935), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

В соответствии с п. 2 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или пов-

реждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В соответствии с подп. «б» п. 18 ст. 12 Закона об ОСАГО размер подлежащих возмещению страховщиком убытков при причинении вреда имуществу потерпевшего определяется: в случае повреждения имущества потерпевшего – в размере расходов, необходимых для приведения имущества в состояние, в котором оно находилось до момента наступления страхового случая.

Согласно п. 19 ст. 12 Закона об ОСАГО к указанным в подп. «б» п. 18 настоящей статьи расходам относятся также расходы на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта, расходы на оплату работ, связанных с таким ремонтом. Размер расходов на запасные части (за исключением случаев возмещения причиненного вреда в порядке, предусмотренном п. 15.1–15.3 настоящей статьи) определяется с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте. При этом на указанные комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты) не может начисляться износ свыше 50% их стоимости.

Размер расходов на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта транспортного средства, расходов на оплату связанных с таким ремонтом работ и стоимость годных остатков определяются в порядке, установленном Банком России.

Пунктом 3.4 положения Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (зарегистрировано в Минюсте России 3 октября 2014 г. № 34245) также установлено, что размер расходов на восстановительный ремонт определяется с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте транспортного средства. Относительная потеря стоимости комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов) транспортного средства, их функциональных характеристик и ресурса в процессе эксплуатации характеризуется показателем износа.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 10 марта 2017 г. № 6-П указал, что при исчислении размера расходов, необходимых для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до повреждения, и подлежащих возмещению лицом, причинившим вред, должны приниматься во внимание реальные, т.е. необходимые, экономически обоснованные, отвечающие требованиям завода-изготовителя, учитываю-

щие условия эксплуатации транспортного средства и достоверно подтвержденные расходы, в том числе расходы на новые комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты) (абз. 4 п. 5).

В силу толкования Конституционного Суда РФ, содержащегося в п. 5.3 вышеуказанного Постановления, положения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования (во взаимосвязи с положениями Закона об ОСАГО) предполагают возможность возмещения лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, потерпевшему, которому по указанному договору страховой организацией выплачено страховое возмещение в размере, исчисленном в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, имущественного вреда исходя из принципа полного его возмещения, если потерпевшим представлены надлежащие доказательства того, что размер фактически понесенного им ущерба превышает сумму полученного страхового возмещения.

По мнению Конституционного Суда РФ, иное приводило бы к нарушению гарантированных ст. 17 (ч. 3), 19 (ч. 1), 35 (ч. 1), 46 (ч. 1), 52 и 55 (ч. 3) Конституции РФ прав потерпевших, имуществу которых был причинен вред при использовании иными лицами транспортных средств как источников повышенной опасности.

В силу п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» при разрешении споров, связанных с возмещением убытков, необходимо иметь в виду, что в состав реальной ущерба входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (п. 2 ст. 15 ГК РФ). Если для устранения повреждений имущества истца использовались или будут использованы новые материалы, то, за исключением случаев, установленных законом или договором, расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью, несмотря на то, что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения.

Таким образом, исходя из вышеуказанных положений действующего законодательства РФ и приведенных выше обстоятельств, свидетельствующих о недостаточности выплаченного Г. страховым акци-

онерным обществом «ВСК» страхового возмещения для полного возмещения причиненного материального ущерба, для взыскания с ответчика Я. разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба, составляющей сумму в размере 63 766 руб. 81 коп. (128 300 руб. 00 коп. (фактический размер расходов) – 64 533 руб. 19 коп. (сумма страхового возмещения) = 63 766 руб. 81 коп.), имеются все законные основания [5].

В юридической литературе несложно натолкнуться на дискуссию о том, должен ли нести гражданско-правовую ответственность перед потерпевшим причинитель вреда, застраховавший свою гражданскую ответственность в рамках договора ОСАГО. Перманентно данный вопрос не теряет своей актуальности с начала действия реформы автогражданской ответственности.

Возникшие проблемы процессуального характера были призваны устранить высшие судебные инстанции.

Ранее Верховный Суд РФ отмечал, что в силу закона (гл. 59 ГК РФ) потерпевший вправе предъявить требование о возмещении вреда непосредственно его причинителю. Однако Закон об ОСАГО должен защищать права не только потерпевшего, но и самого страхователя, который уже и так произвел затраты по страхованию своей ответственности в соответствии с договором со страховой компанией, а нести дополнительные издержки связанные с ведением процесса, когда это не имеет существенного значения, не является правильным. Вопрос о возмещении вреда самим лицом, чья ответственность застрахована, решается в зависимости от выраженного им согласия на такое возмещение либо отсутствия такого намерения. В последнем случае к участию в деле должен быть привлечен страховщик. Если страховщик привлечен к участию в деле, то независимо от того, настаивает ли потерпевший на возмещении вреда его причинителем, ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования, суду следует отказать потерпевшему в иске [6].

В своем Постановлении Конституционный Суд РФ уже реагировал на спорные обстоятельства и, как видим из приведенного примера, сохранил правовую последовательность: «Так, в страховом правоотношении обязательство страховщика перед потерпевшим возникает на основании заключенного страховщиком со страхователем договора страхования гражданской ответственности, а не норм главы 59 ГК Российской Федерации; выплату страхового возмещения обязан осуществить непосредственно страховщик, причем наступление страхового случая, влекущее такую обязанность, само по себе не освобождает страхователя от гражданско-правовой ответственности перед потерпевшим за причинение ему вреда. Сме-

шение различных обязательств и их элементов, одним из которых является порядок реализации потерпевшим своего права, приводит к подмене одного гражданско-правового института другим и влечет неблагоприятные последствия для стороны, в интересах которой он устанавливался, в данном случае – потерпевшего (выгодоприобретателя), чем ущемляются его конституционные права и свободы» [7].

Таким образом, Конституционный Суд РФ подразумевает возникновение двух независимых обязательств: деликтного у причинителя вреда и страхового у страховой компании.

Ю. Б. Фогельсон небесспорно считает, что потерпевший вправе сам выбирать, какое из этих требований предъявить: деликтное – причинителю вреда или договорное – страховщику [8].

Положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 2, казалось бы, должны были поставить точку в дискуссии субъектов ответственности. Абзацами 2, 3 п. 28 данного Постановления поясняется: расходы, понесенные потерпевшим в связи с необходимостью восстановления права, нарушенного вследствие причиненного дорожно-транспортным происшествием вреда, подлежат возмещению страховщиком в пределах сумм, установленных ст. 7 Закона об ОСАГО (п. 4 ст. 931 ГК РФ, абз. 8 ст. 1, абз. 1 п. 1 ст. 12 Закона об ОСАГО). Исходя из положений ст. 15 ГК РФ и абз. 2 п. 23 ст. 12 Закона об ОСАГО в их взаимосвязи с причинителем вреда на основании гл. 59 ГК РФ могут быть взысканы лишь убытки, превышающие предельный размер страховой суммы.

Гражданское законодательство содержит указание на то, что размер страхового возмещения должен определяться в пределах страховой суммы установленной договором страхования. Тезис полностью согласуем со ст. 1072 ГК РФ: юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего, в случае, когда страхового возмещения недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Приведенные разъяснения Верховного Суда РФ давали понять, что запрета на возможность потерпевшего предъявить требования непосредственно причинителю вреда в связи с возникшими убытками, в результате дорожно-транспортного происшествия, закон не содержит. Иначе говоря, сохраняются два субъекта, у которых возникает обязательство перед потерпевшим по возмещению вреда.

Нужно признать, что ограничить такое правомочие Верховный Суд РФ и не мог, поскольку предъявление требований причинителю вреда предусмотрено п. 1 ст. 1064 ГК РФ, который устанавливает

обязанность возместить вред в полном объеме. Указанная норма должна защищать права потерпевшего и позволяет руководствоваться общими нормами гл. 59 ГК РФ при определении размера ущерба.

Усматривается, что формулировки, изложенные в ГК РФ и Законе № 40-ФЗ, способствуют истцам в совершении ошибок при предъявлении исковых требований. Например, в соответствии со ст. 12 Закона ОСАГО потерпевший вправе предъявить страховщику требование *о возмещении вреда*, причиненного его жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортного средства, *в пределах страховой суммы*.

Такое выражение материально-правового требования согласуется с деликтной ответственностью, но действительно «непонятно, чем руководствовался законодатель, предусматривая в ч. 4 ст. 931 ГК РФ право потерпевшего предъявлять непосредственно страховщику требование о возмещении вреда, а не о выплате страхового возмещения, ведь эта конструкция приводит к возникновению споров о размере денежных средств подлежащих взысканию, о сроках исковой давности и т.п. Кроме того, требования о возмещении вреда основаны на общих нормах гл. 59 ГК РФ, тогда как требование о выплате страхового возмещения основывается на нормах договора о страховании. Указанные требования являются различными по способу возникновения обязательства, на удовлетворение которого они направлены. Более того, обязательства о возмещении вреда и о страховой выплате являются различными по своему характеру, так как обязательство по выплате страхового возмещения непременно является денежным, тогда как обязательство по возмещению вреда допускает возмещение вреда в натуре (ст. 1082 ГК РФ)» [3].

В тот момент напрашивалась формулировка в Законе об ОСАГО о том, что факт страхования гражданской ответственности прекращает деликтные обязательства, возникшие у причинителя вреда.

В дальнейшем Закон об ОСАГО как бы учел данный недочет системы обязательств, и в п. 15.1 ст. 12 было установлено: страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в РФ, осуществляется (за исключением случаев, установленных п. 16.1 настоящей статьи) путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

Впоследствии судебная практика все же разрешила вопросы процессуального характера. Однако вопросы материального права все еще нуждаются в совершенствовании.

Так, в другом гражданском деле А. обратился с иском заявлением к публичному акционерному обществу Страховая компания «Росгосстрах» о выплате страхо-

вого возмещения, неустойки, компенсации морального вреда, а также к Н. о взыскании ущерба. А. просит взыскать с ПАО СК «Росгосстрах» в пользу истца невыплаченное страховое возмещение в сумме 87 900 руб., компенсацию морального вреда в размере 5 тыс. руб., убытки по оплате экспертного заключения в размере 5150 руб., по оплате услуг по отправке почтового отправления в размере 370 руб., штраф в связи с отказом удовлетворения требований потребителя в добровольном порядке в размере 43 950 руб., неустойку в размере 879 руб. С второго ответчика Н. стоимость восстановительного ремонта в размере 131 083 руб., причиненного в результате ДТП, судебные расходы по оплате государственной пошлины в размере 1316 руб.; взыскать с ПАО СК «Росгосстрах» и Н. пропорционально судебные расходы по оплате услуг представителя в сумме 12 084 руб.

Требования мотивированы следующим: 17 октября 2018 г. произошло ДТП с участием трех автомобилей: под управлением Н., под управлением А., принадлежащего на праве собственности С. ДТП произошло по вине Н. 29 октября 2018 г. истец обратился в ПАО СК «Росгосстрах» с заявлением о выплате страхового возмещения. 10 ноября 2018 г. ПАО СК «Росгосстрах» отказала в выплате страхового возмещения по мотиву того, что механизм образования повреждений ТС истца не соответствует обстоятельствам ДТП.

А. был вынужден организовать производство повторной независимой экспертизы, о чем был извещен страховщик ПАО СК «Росгосстрах». Истец понес убытки по оплате заключения эксперта в размере 5 тыс. руб. Согласно выводам экспертного заключения стоимость восстановительного ремонта без учета износа запасных частей составляет 1 14 700 руб., с учетом износа – 77 500 руб. ПАО СК «Росгосстрах» 7 декабря 2018 г. повторно отказал истцу в выплате страхового возмещения по тем же основаниям. Истец понес убытки по оплате услуг почтового отправления в размере 370 руб.

Кроме того, истец неоднократно обращался к Н. с требованием уплаты стоимости износа деталей в размер 37 200 руб., в добровольном порядке ущерб не возмещен. Н. в судебном заседании не признал исковые требования по доводам, изложенным в письменных возражениях, из которых следует, что истец выбрал неверный способ правовой защиты права. У истца отсутствует право требовать с Н. разницу между страховым возмещением и реальным размером убытков, поскольку при надлежащем требовании к страховщику о возложении обязанности организовать ремонт автомобиля убытки потерпевшего А. покрываются в полном размере, достаточном для восстановления нарушенного права истца.

Статьей 7 Закона об ОСАГО предусмотрена страховая сумма, в пределах которой страховщик при

наступлении каждого страхового случая (независимо от их числа в течение срока действия договора обязательного страхования) обязуется возместить потерпевшим причиненный вред. Согласно п. 15, 15.1, 21 ст. 12 Закона об ОСАГО страховое возмещение вреда, причиненного транспортному средству потерпевшего (за исключением легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан и зарегистрированных в Российской Федерации), может осуществляться по выбору потерпевшего: путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего на станции технического обслуживания, которая выбрана потерпевшим по согласованию со страховщиком в соответствии с правилами обязательного страхования и с которой у страховщика заключен договор на организацию восстановительного ремонта (возмещение причиненного вреда в натуре); путем выдачи суммы страховой выплаты потерпевшему (выгодоприобретателю) в кассе страховщика или перечисления суммы страховой выплаты на банковский счет потерпевшего (выгодоприобретателя) (наличный или безналичный расчет). Страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в РФ, осуществляется (за исключением случаев, установленных п. 16.1 настоящей статьи) путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре). Страховщик после осмотра поврежденного транспортного средства потерпевшего и (или) проведения его независимой технической экспертизы выдает потерпевшему направление на ремонт на станцию технического обслуживания и осуществляет оплату стоимости проводимого такой станцией восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего.

При проведении восстановительного ремонта в соответствии с п. 15.2 и 15.3 настоящей статьи не допускается использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), если в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства требуется замена комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов). Иное может быть определено соглашением страховщика и потерпевшего.

По ходатайству стороны истца судом по настоящему делу назначена и проведена судебная автотехническая экспертиза. Размер расходов на восстановительный ремонт в отношении автомобиля в ДТП 10 октября 2018 г., рассчитанный в соответствии с положением Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П,

составляет: без учета износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов) – 129 400 руб., с учетом их износа – 87 900 руб. Размер ущерба, причиненный автомобилю в ДТП 17 октября 2018 г., рассчитанного по среднерыночным ценам, сложившимся в Поволжском экономическом регионе, в соответствии с Методическими рекомендациями для судебных экспертов «Исследование автотранспортных средств в целях определения стоимости, восстановительного ремонта и оценки» МЮ РФ, РФСЦЭ 2013, на дату ДТП составляет: без учета износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов) – 218 983 руб., с учетом – 138 521 руб.

При таких обстоятельствах суд приходит к выводу, что ответчик ПАО СК «Росгосстрах» не исполнил свою обязанность по предоставлению истцу страхового возмещения по договору ОСАГО.

По общему правилу оплата стоимости восстановительного ремонта осуществляется страховщиком с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов) (п. 19 ст. 12 Закона об ОСАГО).

Таким образом, в связи с нарушением страховой компанией обязательства по выдаче истцу направления на ремонт, истец воспользовался своим правом и предъявил к ответчику ПАО СК «Росгосстрах» требование о взыскании страхового возмещения в форме страховой выплаты.

Истцом понесены почтовые расходы в размере 370 руб. с целью направления ответчику претензии о страховом возмещении. Поскольку данные расходы обусловлены наступлением страхового случая и необходимые для реализации истцом права на получение страхового возмещения, они подлежат включению в состав страховой выплаты. При таких обстоятельствах с ответчика ПАО СК «Росгосстрах» в пользу истца подлежат взысканию страховая выплата в сумме 88 270 руб.

В п. 11, 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 разъяснено, что, применяя ст. 15 ГК РФ, следует учитывать, что по общему правилу лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков. Возмещение убытков в меньшем размере возможно в случаях, предусмотренных законом или договором в пределах, установленных гражданским законодательством. При разрешении споров, связанных с возмещением убытков, необходимо иметь в виду, что в состав реального ущерба входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 10 марта 2017 г. № 6-П, замена поврежденных деталей, узлов и агрегатов, если она необходима

для восстановления эксплуатационных и товарных характеристик поврежденного транспортного средства, в том числе с учетом требований безопасности дорожного движения, в большинстве случаев сводится к их замене на новые детали, узлы и агрегаты. Поскольку полное возмещение вреда предполагает восстановление поврежденного имущества до состояния, в котором оно находилось до нарушения права, в таких случаях, притом что на потерпевшего не может быть возложено бремя самостоятельного поиска деталей, узлов и агрегатов с той же степенью износа, что и у подлежащих замене, неосновательного обогащения собственника поврежденного имущества не происходит, даже если в результате замены поврежденных деталей, узлов и агрегатов его стоимость выросла [9]. Соответственно, при исчислении размера расходов, необходимых для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до повреждения, и подлежащих возмещению лицом, причинившим вред, должны приниматься во внимание реальные, т.е. необходимые, экономически обоснованные, отвечающие требованиям завода-изготовителя, учитывающие условия эксплуатации транспортного средства и достоверно подтвержденные расходы, в том числе расходы на новые комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты).

Таким образом, на причинителя вреда, т.е. ответчика, возлагается бремя доказывания возможности восстановления поврежденного имущества без использования новых материалов, а также неразумности избранного потерпевшим способа исправления повреждений.

В своих возражениях представитель ответчика Н. ссылается на то, что страховая компания обязана возместить истцу убытки путем организации восстановительного ремонта с использованием деталей, узлов, агрегатов, при этом износ на подлежащие замене комплектующие изделия начислению не подлежит. Следовательно, у истца отсутствует право требовать у Н. денежные средства в виде разницы между страховым возмещением и реальным ущербом. Суд счел несостоятельными доводы ответчика, поскольку страховая компания отказала истцу в выдаче направления на восстановительный ремонт, в связи с чем истец обратился к ней с требованием о выплате страхового возмещения в денежной форме.

Учитывая, что подлежащая взысканию со страховой компании страховая выплата недостаточна для полного возмещения причиненных истцу по вине ответчика убытков, ответчик Н. не доказал возможность восстановления поврежденного автомобиля истца без использования новых запасных частей, суд полагает законным, обоснованным и подлежащим удовлетворению требования истца о взыскании с ответчика Н. в пользу истца денежных средства в счет

возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, в размере 131 083 руб. из расчета: 218 983 руб. – 87 900 руб. [10].

Получается достаточно неординарная ситуация, подорвавшая уровень доверия граждан к институту ОСАГО¹, и одна из причин тому – Конституционный Суд РФ и его постановление от 10 марта 2017 г. № 6-П.

Водителю, не имеющему юридического образования, представляется, что если он застраховал свою гражданскую ответственность, заплатил немалую страховую премию и причинил ущерб, размер которого покрывает страховая сумма, то его обязательства уже выполнены, претензий к нему быть не должно. Однако, как мы видим из представленных примеров, а судебная практика развивается именно в таком направлении, это далеко не так.

Думается, инсинуации в адрес Конституционного Суда РФ не вполне уместны, мотивировочная часть названного Постановления в полной мере согласуется с действующим материальным законодательством, законодатель же, на наш взгляд, следует обратить свой взор на Закон об ОСАГО и Правила обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утв. положением Банка России от 19 сентября 2014 г. № 431-11.

Поскольку страховая выплата производится с учетом износа узлов и агрегатов транспортного средства и это прямо указано в законодательстве, Конституционный Суд РФ справедливо, защищая права потерпевших, дал понять, что им довольно часто этой суммы недостаточно, и полно аргументировал данный тезис в п. 5 своего Постановления.

Однако представляется, что в нынешних условиях законодатель чрезмерно опекает страховые организации. Не вызывает вопросов, когда поправками (ст. 16.1 Закона об ОСАГО в ред. Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 133-ФЗ) защищаются страховщики от непосильных штрафов, пеней и неустоек, которыми активно пользовались юридические фирмы по типу «авто-юрист».

В п. 5.2 названного Постановления Конституционный Суд РФ указал, что в контексте конституционно-правового предназначения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ Закон об ОСАГО как регулирующий иные – страховые – отношения и основанная на нем Единая методика определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении пов-

режденного транспортного средства не могут рассматриваться в качестве нормативно установленного исключения из общего правила об определении размера убытков в рамках деликтных обязательств и, таким образом, не препятствуют учету полной стоимости новых деталей, узлов и агрегатов при определении размера убытков, подлежащих возмещению лицом, причинившим вред. Положения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ сами по себе не ограничивают круг доказательств, которые потерпевшие могут предъявлять для определения размера понесенного ими фактического ущерба. Соответственно, поскольку размер расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства определяется на основании Единой методики лишь в рамках договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и только в пределах, установленных Законом об ОСАГО, а произведенные на ее основании подсчеты размера вреда в целях осуществления страховой выплаты не всегда адекватно отражают размер причиненного потерпевшему фактического ущерба и, следовательно, не могут служить единственным средством для его определения, суды обязаны в полной мере учитывать все юридически значимые обстоятельства, позволяющие установить и подтвердить фактически понесенный потерпевшим ущерб.

Таким образом, напрашивается вывод, что для того, чтобы автолюбители не отказывались от страхования своей гражданской ответственности, не уходили в тень, страховщикам необходимо адекватно оценивать причиненный потерпевшему ущерб при оплате восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства (когда организация и оплата восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего на станции технического обслуживания не производится), с волей законодателя отказаться от возмещения по модели «с учетом износа» комплектующих изделий транспортного средства, ведь абз. 3 ст. 15.1 Закона об ОСАГО определяет при проведении восстановительного ремонта в соответствии с п. 15.2 и 15.3 ст. 12 названного Закона не допускать использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов) и Конституционный Суд РФ недвусмысленно дал понять, как исключить подобные ситуации.

Кроме того, для большей стабильности развития страхового права в рамках договора ОСАГО необходима работа с понятийным аппаратом, следование устоявшейся системе обязательств гражданского права, в нормативно-правовых актах, посвященных страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

¹ Исследование показало, что в случае существенного (двойного) подорожания полиса 24% автомобилистов намерены вовсе отказаться от покупки ОСАГО. Еще 10% граждан намереваются приобрести поддельный полис «автогражданки» и ездить с ним на свой страх и риск. Не менее интересно и то, что 12% респондентов уже отказались от покупки автомобильной страховки либо приобретают фальшивые полисы из-за ее дороговизны [11].

Пристатейный библиографический список

1. Куликов В. В России выросло число зарегистрированных автомобилей // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2020/01/04/v-rossii-vyroslo-chislo-zaregistrirovannyh-avtomobilej.html> (дата обращения: 07.09.2020).
2. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (в ред. от 25 мая 2020 г.) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Савинский Р.К., Данилочкина М.А. Некоторые вопросы возмещения вреда при наличии договоров ОСАГО // Юридическая и правовая работа в страховании. 2007. № 1.
4. Обобщение Астраханского областного суда на 2-е полугодие 2007 г. по рассмотренным гражданским спорам, связанным с применением Федерального закона от 25 апреля 2002 г. «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Астраханский областной суд : сайт. URL: http://www.regioncourt.astranet.ru/ss_detale.php?id=5750 (дата обращения: 07.09.2020) (в настоящее время приняты новые правила ОСАГО, утв. положением ЦБ РФ от 19 сентября 2014 г. № 431-П «О Правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств»).
5. Дело № 2-3456/2020 Ленинского районного суда г. Саратова 64RS0046-01-2020-005023-68.
6. Ответ на вопрос 11 обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2007 года. (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2007 г.) (Извлечение) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П «По делу о проверке Конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской Областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова» (абз. 5, 6 п. 3.1) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Фогельсон Ю.Б. Правовое регулирование ОСАГО. Решенные и нерешенные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 9.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2017 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Дело № 2-1005/2019 64RS0004-01-2019-000775-84.
11. Страховой оброк: треть россиян решила отказаться от ОСАГО // Газета.Ru : сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/08/24/13208731.shtml> (дата обращения: 07.09.2020).

References

1. Kulikov V. In Russia, the Number of Registered Cars Has Increased. URL: <https://rg.ru/2020/01/04/v-rossii-vyroslo-chislo-zaregistrirovannyh-avtomobilej.html> (date of the application: 07.09.2020).
2. Federal Law of 25 April 2002 No. 40-FZ (as amended by 25 May 2020) "On Compulsory Civil Liability Insurance of Vehicle Owners" (SPS "ConsultantPlus").
3. Savinskii R. K., Danilochkina M. A. Some Issues of Compensation for Harm in the Presence of OSAGO Contracts. *Legal and Legal Work in Insurance*. 2007. No. 1.
4. Generalization of the Astrakhan Regional Court for the 2nd half of 2007 on the considered civil disputes related to the application of the Federal Law of 25 April 2002 No. 40-FZ "On Compulsory Civil Liability Insurance of Vehicle Owners". URL: http://www.regioncourt.astranet.ru/ss_detale.php?id=5750 (date of the application: 07.09.2020) (Currently, new OSAGO rules have been adopted, approved by the Regulation of the Central Bank of the Russian Federation of 19 September 2014 No. 431-P "On the Rules of Compulsory Civil Liability Insurance of Vehicle Owners").
5. Case No. 2-3456/2020 of the Leninsky District Court of Saratov 64RS0046-01-2020-005023-68.
6. Answer to question 11 of the Review of Legislation and Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the First Quarter of 2007 (approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 30 May 2007) (Extract) (SPS "ConsultantPlus").
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31 May 2005 No. 6-P "On the Case of Checking the Constitutionality of the Federal Law "On Compulsory Civil Liability Insurance of Vehicle Owners" in Connection with the Requests of the State Assembly – El Kurultai of the Altai Republic, Volgograd Regional Duma, a Group of State Duma Deputies and the Complaint of Citizen S.N. Shevtsova" (abs. 5, 6, cl. 3.1) (SPS "ConsultantPlus").

8. Fogelson *Iu. B.* Legal Regulation of OSAGO. Solved and Unsolved Problems. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2007. No. 9.

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10 March 2017 No. 6-P "On the Case of Checking the Constitutionality of Article 15, Paragraph 1 of Article 1064, Article 1072 and Paragraph 1 of Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with Complaints from Citizens A.S. Arinushenko, G.S. Beresneva and Others" (SPS "ConsultantPlus").

10. Case No. 2-1005/2019 64RS0004-01-2019-000775-84.

11. Insurance Quitrent: A Third of Russians Decided to Abandon OSAGO. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/08/24/13208731.shtml> (date of the application: 07.09.2020).

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ЭВОЛЮЦИЯ, СУЩНОСТЬ И ОБОСНОВАНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-105-113>

Статья посвящена эволюции отечественного уголовного законодательства в части криминализации деяний, совершаемых сотрудниками коммерческих и иных организаций. Особое внимание уделяется управленческому персоналу данных учреждений, поскольку, не участвуя напрямую в государственном управлении, многие из них, злоупотребляя присущими им определенными управленческими полномочиями, способны причинить серьезный ущерб правам и законным интересам граждан, интересам организаций, в которых они работают, или других организаций, а также общественным и государственным интересам. Автор отмечает, что проблема должностных злоупотреблений в частном секторе далеко не нова и ретроспективный анализ накопленного опыта борьбы с этим явлением представляется весьма перспективным. Методологическую базу исследования составляет системный подход, а также диалектический, исторический, логический, конкретно-социологический, статистический и сравнительно-правовой методы познания. Целью настоящего исследования является анализ развития норм отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях в контексте раскрытия сущности данных преступлений. Выводы и умозаключения, к которым пришел автор в результате ретроспективного анализа норм отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, позволяют утверждать, что составы рассматриваемых преступлений сформировались на рубеже XIX–XX вв. вполне естественным образом, а не были введены в уголовный закон искусственно. В условиях отмирания прежнего экономического уклада и интенсивного формирования новой экономической реальности именно уголовное законодательство призвано было сыграть ключевую роль в стабилизации экономических отношений. Материалы статьи могут быть использованы для научного обоснования совершенствования правового регулирования службы в коммерческих и иных организациях, в учебной деятельности юридических вузов и факультетов при преподавании курса уголовного права, а также в процессе повышения правовой грамотности населения.

**АКИМОВА
Валентина Викторовна**

младший научный сотрудник
Центра научных исследований
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)

AkimovaVV@mail.ru

**Коммерческие организации;
менеджмент;
юридические лица;
злоупотребления;
законодательство;
уголовная ответственность;
преступления против
интересов службы**

Valentina V. AKIMOVA

Junior Researcher, Center for
Scientific Research, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

AkimovaVV@mail.ru

**CRIMES AGAINST THE INTERESTS OF SERVICE
IN COMMERCIAL AND OTHER ORGANIZATIONS:
EVOLUTION, ESSENCE AND JUSTIFICATION
OF THE REGULATION**

The article is devoted to evolution of the domestic criminal legislation regarding criminalization of the acts made by the staff of commercial and other organizations. Special attention is paid to administrative staff of these institutions, because without any direct participating in state administration, many

**Commercial organizations;
management;
legal entities;
abuses;
legislation;
criminal liability;
crimes against the interests
of service**

of them, abusing certain administrative powers inherent in them, are capable to cause serious damage to the rights and legitimate interests of citizens, to the interests of the organizations in which they work, or other organizations and also to public and state interests. The author notes that the problem of official abuses in the private sector is not new and the retrospective analysis of the accumulated experience of fight against this phenomenon is submitted very perspective. The methodological base of the research is made by system approach and also dialectic, historical, logical, specifically-sociological, statistical and comparative and legal methods of knowledge. The purpose of the research is the analysis of development of standards of the domestic criminal legislation in the sphere of counteraction to crimes against the interests of service in commercial and other organizations in the context of disclosure of essence of these crimes is. The conclusions and inferences to which the author by the retrospective analyzing of standards of the domestic criminal legislation in the sphere of counteraction to crimes against the interests of service in commercial and other organizations came allow to claim that structures of the considered crimes were created at a turn of the 19th–20th centuries quite naturally, but were not entered into the criminal law artificially. In the conditions of dying off of former economic way and intensive formation of new economic reality exactly the criminal legislation was designed to play a main role in the process of stabilization of the economic relations. The materials of the article can be used for scientific justification of improvement of legal regulation of service in commercial and other organizations, in educational activity of legal higher education institutions and faculties when teaching a course of criminal law and also in the course of increase in legal literacy of the population.

Как отмечалось в юридической литературе еще в начале прошлого века, человек в силу объективных экономических обстоятельств вынужден вверять собственные имущественные интересы разного рода непубличным учреждениям, влияние которых на жизнедеятельность общества оказывается не меньшим, чем воздействие органов общественного и государственного управления [1, с. 52]. Не будет преувеличением сказать, что современное экономическое развитие России не просто тесно связано, а практически полностью обусловлено деятельностью коммерческих и иных (некоммерческих) организаций. Так, по состоянию на 1 января 2020 г. из 3 715 287 российских юридических лиц большую часть составляют коммерческие организации – 3 097 736 (некоммерческих организаций – 617 551) [2]. Устойчивую тенденцию неуклонного роста данных субъектов экономической деятельности не смогло остановить даже снижение экономической активности, связанное с распространением коронавируса. Так, в мае 2020 года количество вновь созданных коммерческих организаций в России выросло по сравнению с апрелем на 15% [3].

Учитывая, что активное участие коммерческих и иных организаций не только стимулирует экономику (поступление инвестиций, налоговых отчислений и пр.), но и может оказывать крайне неблагоприятное воздействие на все сферы жизнедеятельности социу-

ма в целом (при злоупотреблении своим положением топ менеджмента данных организаций), государство вводит специальные механизмы правового регулирования, в которых далеко не последнее место отводится мерам уголовно-правового воздействия.

Проблема противозаконного использования своих прав в частном секторе безусловно не нова, однако вопрос о сущности преступлений, совершаемых сотрудниками коммерческих и иных организаций и их месте в системе уголовного законодательства, по-прежнему в отечественной уголовно-правовой науке относится к числу дискуссионных. Учитывая, что важной чертой развития любого исторического процесса, в том числе, становления институтов права, является преемственность, обусловленная непрерывностью формирования государства и права, полагаем целесообразным при ответе на данный вопрос проведение ретроспективного анализа отечественного уголовного законодательства в части криминализации деяний служащих коммерческих и иных организаций. Данный подход, помимо всего прочего, дает возможность использовать некоторые идеи, могущие оказаться весьма продуктивными и в современных условиях.

В специальной литературе отмечается, что некое подобие коммерческих организаций впервые появилось в России уже в XIV в., однако вопрос об уголовно-правовом воздействии на злоупотребления в дан-

ной области не стоял на повестке дня вплоть до XIX в. Данный факт во многом объясняется тем, что российское предпринимательство традиционно формировалось в относительно простых вариантах, зачастую основанных на семейных, дружественных отношениях, не предполагавших жесткой государственной регламентации [4, с. 34; 5, с.123].

Только по мере развития буржуазных отношений, во многом под влиянием европейского права были сформированы институционные принципы отечественного предпринимательства и отношения в этой области обрели уголовно-правовую защиту. Данный период характеризуется бурным развитием экономической деятельности и связанным с этим процессом усложнения форм ее осуществления. Появились коммерческие организации в промышленности, в кредитной сфере, страховые и торговые организации. Иные (некоммерческие) организации были представлены органами нотариата, различными обществами и союзами, удовлетворявшими потребности населения в образовании, научной деятельности, художественном творчестве, здравоохранении, социальной защите и пр. [6, с. 15]. Заработали биржи ценных бумаг, формируется финансовый капитал. Складывается ситуация, при которой функции инвестора и менеджера стали разделены как никогда ранее. Участники таких предприятий, будучи собственниками акций, не могли осуществлять непосредственное управление акционерной организацией. Развитие производства, торговли, а вследствие этого, постоянный рост штата частных предприятий, предопределили необходимость организации процесса управления ими посредством привлечения профессиональных управленцев.

Принятое в 1836 г. Положение о компаниях на акциях нормализовало деятельность акционерных обществ во внешнем обороте, защитив тем самым потенциальных и реальных держателей акций. Но они не были защищены от злоупотреблений внутри общества со стороны лиц, которым было доверено управление организацией. Возникающие на этой почве массовые злоупотребления и спекуляции гражданским правом практически не предупреждались. По мнению виднейшего русского ученого, обер-прокурора Правительствующего Сената Н. А. Неклюдова, «гражданские законы о товариществах и компаниях не только отдают общество в дискреционное распоряжение: сначала – их учредителей и основателей, расхищающих компанейский капитал прежде, нежели даже компания успела образоваться, а затем – выборных правлений, которые, прикрываясь большинством ими же подобранных акционеров, растрачивают то, что не успели себе присвоить учредители» [7, с. 717]. По мнению профессора С. Н. Трегубова, в образовавшейся ситуации именно уголовное

законодательство должно было сыграть ключевую роль в стабилизации кредитного рынка и промышленности: «С повсеместным развитием акционерных предприятий получила особо важное значение и борьба с злоупотреблениями в этих предприятиях путем уголовной репрессии. По своему существу успех акционерных предприятий в значительной степени зиждется на общественном доверии к заведующим и распоряжающимся делами предприятия. Поэтому, всякие злоупотребления, не только влекущие за собой упадок и разорение акционерных обществ, но даже создающие опасность таковых имеют громадное значение, как для массы непосредственно потерпевших, так и вообще для состояния кредитного рынка и промышленности» [8, с. 276].

Таким образом, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было дополнено нормами, предусматривающими ответственность за злоупотребления, допускаемые служащими коммерческих и иных организаций. Статья 1199 предусматривала уголовную ответственность членов «основанных с дозволения правительства обществ, товариществ, или компаний» за сокрытие вверенных им документов или имущества либо присвоение и растрату последнего. Подлежали наказанию биржевые маклеры, утратившие вверенные им торгующими деньги и векселя и не возместившие причиненный вред (ст. 1319); биржевые нотариусы, допустившие упущения и злоупотребления по должности (ст. 1324), а также сотрудники общественных и частных банков за подлоги и обман в отношении вверенного им имущества, принятие незаконных подарков, взятки и вымогательство, которые, что примечательно, в части ответственности приравнивались к чиновникам и государственным должностным лицам кредитных учреждений, т.е. правила привлечения к ответственности тех и других были идентичны (ст. 1154) [9].

Уложение 1845 г. положило начало оформлению преступлений по службе в специальной главе (разделе) уголовного закона как отдельной группы преступлений, а остро стоявшая на тот момент задача стабилизации промышленности и кредитного рынка была своевременно решена. Полагаем, что, несмотря на очевидное несовершенство рассматриваемого нормативного акта, ряд идей, в частности, относительно служащих коммерческих и иных организаций, представляются достаточно плодотворными, даже с позиции современного уголовного законодательства. Заслуживает одобрения четкое определение круга потерпевших от злоупотреблений, а также подход относительно имущественного характера наносимого ущерба. Действующий УК РФ, напротив, наделяет управляющего чужим имуществом не свойственными ему функциями, существенно расширяя его обязанности, устанавливая необходимость действовать

еще и в интересах общества, а не ограничиваясь потребностями доверителя, поскольку предполагается, что вред (в том числе неимущественный) может быть причинен еще и иным лицам, а также обществу и государству, что, на наш взгляд, выходит за рамки его правового статуса, как лица, осуществляющего управленческую деятельность в частном секторе.

Заложенные Уложением 1845 г. основные идеи получили дальнейшее развитие в Уголовном уложении 1903 г. Уголовная ответственность сотрудников коммерческих структур в новом Уложении предусматривалась за достаточно широкий круг преступных посягательств. Субъектами ответственности признавались хозяева заводов, фабрик, ремесленных или торговых заведений или заведующие ими, виновные в нарушении экологических правил (ст. 311); учредители торговых или промышленных обществ или товариществ, виновные в неведении учета акций и паев (ст. 326); заведующие или распоряджающиеся делами, виновные в совершении недозволенных операций (ст. 330); заведующие или распоряджающиеся делами, виновные в легкомысленном ведении дел, приведшем к несостоятельности (ст. 604) [10].

Закон впервые «устанавливал» новое для российского права обобщенное понятие «злоупотребление доверием». В Объяснениях к проекту Уложения отмечалось, что «...При установлении его необходимо иметь в виду, что ограждением имущества в смысле физической вещи, которую имеют в виду постановления повреждению имущества, о присвоении и похищении его, не исчерпывается еще задача об ограждении имущественной сферы граждан. Последняя может быть предметом посягательства не только в лице конкретных физических вещей, но также в лице совокупности вещей, обнимаемых каким-либо правом или обязательством по имуществу, не успевших еще воплотиться в конкретных вещах. Преступное нарушение таких прав и обязанностей составляет такое же, а иногда и более глубокое вторжение в чужую имущественную сферу, как и посягательства против вещей *in corpore*» [11, с. 229].

Законодатель вполне осознавал, что по степени общественной опасности «имущественные» преступления в многосложном коммерческом обороте несколько не уступают обычным посягательствам против собственности. Исходя из этого, за «употребление» своего служебного положения заведомо во вред вверенному ему по службе имуществу или имущественному интересу служащий либо состоящий на службе в благотворительных или кредитных организациях, обществ взаимного страхования, товариществ на паях или акционерного общества в соответствие со ст. 578 Уложения 1903 г. подлежал уголовной ответственности с отбыванием наказания в «исправительном доме». В ситуациях причинения значительного вреда предусматривалась каторга до восьми лет [10].

Обращает на себя внимание значительная схожесть данного запрета с ныне действующей ст. 201 УК РФ, по сути, отличающейся от последней лишь тем, что содержит в себе далеко не исчерпывающий перечень юридических лиц, известных на тот период времени.

Примечательно, что подход к привлечению чиновников государственных и негосударственных учреждений к ответственности за злоупотребления по службе сохранился: как и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., они привлекались на равных основаниях, а термин «служащий», использовавшийся законодателем для обозначения субъекта обозначенного состава, толковался достаточно широко. Согласно официальным пояснениям, таковым признавался представитель государственной или общественной власти, а также лицо, занимающее должность или исполняющее временное поручение по службе. Комментируя такую постановку вопроса, И. И. Аносов пояснял, что в качестве субъектов деяния, предусмотренного ст. 578 Уложения 1903 г. следует понимать, как лиц, состоящих на государственной, так и на общественной службе (например, в сословных, городских, земских, волостных учреждениях и т.п.). Сходным образом определяли признаки субъекта этого преступления и др. правоведы, относя сюда также уполномоченных ярмарочного купечества, служащих частных банков, вольнопрактикующих нотариусов, врачей, артельщиков и ряд других категорий работников [12, с. 203]. При определении наличия служебного преступления они предлагали «руководствоваться соображением не о свойстве виновных лиц, а о свойстве самого действия, причем лица, занимающие должности по найму, как относительно ответственности, так и самого порядка предания суду должны быть сравнены с определенными на службу от правительства, ибо в противном случае первые, имея фактическую возможность совершать преступления, предусмотренные уголовным законом, избавлены были бы от наказания тем законом установленным» [13, с. 39].

Данный факт наглядно демонстрирует, что на рубеже XIX–XX вв. в России существовало понимание того, что интересы управления в коммерческих и иных (негосударственных) организациях не являются исключительной сферой действия частного права и, независимо от того, является ли служба государственной или коммерческой, нарушение «служебного долга» должно расцениваться как уголовно-значимое нарушение правоохраняемого интереса – преступление.

К сожалению, качество законодательных новаций на практике проверить не удалось, поскольку в этой части Уголовное уложение 1903 г. не вступило в действие и вплоть до Октябрьской революции 1917 г. продолжали действовать положения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Между тем смена общественного строя и слом старого государственного механизма не лишили актуальности государственное противодействие анализируемым нами видам преступных деяний. В период 1917–1920 гг. уже в первых декретах и постановлениях Советской власти были заложены основные представления и принципы ответственности за злоупотребление полномочиями по службе, получившие дальнейшее развитие в советских уголовных кодексах.

Нарком юстиции Д. И. Курский, очень точно тогда охарактеризовал общую направленность уголовной политики первых лет советской власти в рассматриваемой области: «Национализация промышленности и торговли превратила всех частных служащих и рабочих в должностных лиц. Современный строй не знает или почти не знает более частной службы. Все торговые приказчики и фабричные рабочие – являются ныне экономическими чиновниками, внесенными в штаты соответствующих учреждений и получающим жалованье по определенным тарифным сеткам. Вследствие этого группа должностных преступлений должна чрезвычайно вырасти количественно, получить большее уголовно-политическое значение и видоизменить свое содержание сравнительно со старым правом» [14, с. 12; 15, с. 262]. «Советское государство выполняет не только функции управления государством, администрирования, но также и функции хозяйствования. Оно является не только носителем политической диктатуры пролетариата, но одновременно и носителем экономической диктатуры... Эти сферы деятельности настолько тесно переплетаются одна с другой, что отделить их друг от друга невозможно, как невозможно отделить и провести четкую демаркационную линию между должностным лицом, являющимся активным субъектом публично-правового отношения, и должностным лицом, являющимся активным субъектом частноправового отношения» [16, с. 3].

Справедливости ради необходимо обозначить, что далеко не всеми отечественными правоведами разделялась подобная точка зрения. Так, например, В. Д. Меньягин утверждал, что одного факта того, что лицо занимает должность в госучреждении, общественной организации или на производстве еще недостаточно для того, чтобы причислить данного работника к числу должностных лиц, абсолютно необходимо учитывать, какими функциями оно наделено [17, с. 239]. И. Г. Филановский считал, что понятия «должностное лицо» и «субъект должностного преступления» не идентичны, поскольку они, в отдельных случаях, могут не совпадать [18, с. 9]. А. Н. Трайнин полагал, что весьма сомнительно отнесение булочников или парикмахеров к категории должностных лиц только лишь потому, что «та или иная общественная организация является носителем пуб-

лично-правовых функций и в те моменты, когда она эти функции конкретно исполняет, ее органы являются должностными лицами» [19, с. 219].

С начала 1930-х гг., после ликвидации нэпа, полемика по этому вопросу стала беспредметной: в 1927 г. закрылись частные кредитные организации, в 1932 г. – частным лицам было запрещено открывать магазины и лавки. Отныне все институты политической и экономической системы общества составляли единый государственный аппарат. Не признавались должностными лицами лишь церковнослужители, поскольку в рамках государственной идеологии атеизма причислить религиозные организации к объектам, осуществляющим выполнение общегосударственной миссии, не представлялось возможным.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. наглядно отразил тотальное огосударствление экономики страны и ее институтов посредством учреждений, организаций и предприятий. Отныне, должностными лицами (в соответствии с Примечанием к ст. 170 УК) являлись служащие во всех органах власти и на всех предприятиях

В условиях монолитного советского общества, когда каждый легально функционирующий институт экономической системы рассматривался как орган управления народным хозяйством, а все социальные образования (профессиональные союзы, общественные организации и пр.) – как звенья государственного аппарата, признание их управленцев должностными лицами в полной мере соответствовало специфике социалистической экономической и политической системы. Однако, с началом формирования в стране частного сектора экономики и становления многопартийной политической системы обнаружилась ущербность сложившейся ранее системы должностных преступлений, так как новый класс управленцев остался фактически вне поля уголовно-правового воздействия и Россия вошла в рыночную экономику, основанную на частной собственности, не имея практически никаких средств противодействия коррупции в частном секторе.

Сложившееся положение вещей закономерно подтолкнуло законодателя к переосмыслению вопросов регламентации ответственности за «служебные преступления», в результате чего в действующем УК 1996 г. была реализована идея о различной правовой регламентации публичной и частной службы, вследствие чего лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, были выведены за пределы действия норм о должностных преступлениях.

Обращаясь к проблеме определения понятия «служебные преступления» отметим, что действующее уголовное законодательство не содержит терминов служебное преступление и должностное преступление, что и порождает определенную сложность

при квалификации деяний, предусмотренных гл. 23 и 30 УК РФ. А. Я. Аснис писал по этому поводу: «Понятие, обозначаемое словосочетанием «служебное преступление» является, во-первых, новым, во-вторых, отсутствующим в уголовном законе, в-третьих, доктринальным, в-четвертых, основанном, прежде всего на статусе субъекта преступления, в-пятых, собирательным и, в-шестых, недостаточно изученным и, соответственно, еще точно не определенным в науке отечественного уголовного права» [20, с. 6].

Весьма примечательно, что процесс формирования рассматриваемого понятия осуществлялся в период серьезной трансформации социально-экономической обстановки в стране. Становление рыночной экономики обусловило уравнивание различных форм собственности и возникновение на этой основе коммерческих и иных организаций, которые существенно отличались от функционировавших ранее, что не могло не привести к образованию новой категории лиц, выполнявших служебные обязанности в этих учреждениях и уже не вполне укладывавшихся в рамки понятия «должностные лица».

Что касается уголовно-правовой составляющей рассматриваемой дефиниции, то необходимо подчеркнуть, что в отличие от УК РСФСР 1960 г., содержащего в себе одну главу («Должностные преступления»), УК РФ 1996 г. разграничивает деяния, содержащие в себе признаки преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30) и деяния, совершаемые против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23). Такой подход предопределил и различие в субъектном составе рассматриваемых групп преступлений: в дополнение к должностным лицам была выделена категория лиц, выполняющих управленческие функции либо другие служебные обязанности в коммерческих или иных организациях. Примечательно, что и в том, и в другом случае, речь идет о ненадлежащем исполнении обязанностей по службе и должности, однако обязанности эти имеют разное происхождение. Применительно к частному сектору обязанности эти вытекают из договоров и имеют частноправовую природу, возникают в рамках частноправовых отношений, тогда как обязанности, связанные с публичной службой вытекают из публично-правовых норм и возникают в рамках публично-правовых отношений.

В отличие от должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, обязанностью которых является добросовестное служение обществу, менеджеры в частном секторе должны усердно служить частным лицам и их организациям, доверившим им управление своим имуществом. Обязанность посвящать себя общественному служению присуща им не в большей мере, чем любому другому гражданину, ни-

каких должностей не занимающему. Таким образом, объем обязанностей у менеджера в частном секторе существенно отличается от объема обязанностей должностного лица, что необходимо учитывать при разработке уголовной политики в данной сфере.

Однако наряду с этим представляется очевидным и тот факт, что полное невмешательство государства в деятельность коммерческих и иных организаций может стимулировать произвол деятельности хозяйствующих субъектов, последствия которого станут тяжелейшими – от полной дезорганизации экономической системы, до создания монопольно действующих хозяйствующих субъектов и лишения предпринимательской деятельности своего главного признака – свободы конкуренции.

Интерес обеспечения законного управления деятельностью коммерческих и иных организаций, безусловно, является интересом публичным – он имеет своим функциональным предназначением обеспечить верховенство закона при осуществлении экономической деятельности в правовом государстве. С другой стороны, публичному интересу может противостоять интерес частный – в первую очередь интерес получения прибыли в результате экономической деятельности любыми способами и средствами.

Утвердившаяся в настоящее время экономическая модель основывается на обязанности каждого служащего коммерческих и иных организаций выполнять свои функциональные обязанности во благо законных интересов этой организации. При этом, форму материального поощрения служащих законодатель оставил на усмотрение руководства данными организациями. Как следствие, в отличие от государственных и муниципальных структур служащие коммерческих и иных организаций могут преследовать личный материальный интерес в деятельности своей организации, проявляющийся в виде получения процента от прибыли по акциям и облигациям, права совладения имуществом организации и т.д. К сожалению, далеко не всегда и не всем под силу соблюсти баланс между личными интересами, интересами организации и интересами государства, особенно учитывая пропагандируемую на протяжении последних трех десятков лет либеральную идеологию, утверждающую приоритет личных интересов. Нельзя не согласиться с мнением о том, что «рыночной экономике имманентно присуща коррупция, поскольку происходит смещение от идеологии государственного обслуживания к идеологии максимизации частного интереса» [21, с. 95].

Таким образом, при осуществлении управления в области предпринимательской и иной экономической деятельности существует своеобразный «баланс интересов»: с одной стороны, это публичный интерес обеспечения законного управления деятельностью

коммерческих и иных организаций, а с другой – частный интерес получения выгод от деятельности таких организаций.

Может ли лицо, выполняющее управленческие или иные служебные функции в коммерческих и иных организациях и стремящееся к получению различного рода выгод, нарушить публичный интерес законного осуществления управления в коммерческой или иной организации? Да, конечно, может. Но общепризнана юридическая формула о том, что лицо имеет право на осуществление своего права до тех пор, пока не нарушает права другого лица. Поэтому во избежание такого рода злоупотреблений со стороны управленцев коммерческих и иных организаций невмешательство государства в их деятельность не является в настоящее время абсолютной истиной.

С другой стороны, нельзя согласиться и с мнением о том, что право государственного вмешательства в деятельность коммерческой и некоммерческой организации является произвольным. В этом случае под сомнение ставится само существование охраняемых законом частных интересов деятельности таких организаций.

Таким образом, предпринятый ретроспективный анализ формирования института ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях позволяет констатировать, что появление в отечественном уголовном законодательстве рассматриваемой категории обусловлено в первую очередь уровнем социально-экономического развития общества. Необходимость в уголовно-правовой защите отношений в сфере деятельности коммерческих и иных организаций возникает там и тогда, где и когда развитие экономической деятельности и связанный с этим процесс усложнения форм ее осуществления приводит к созданию организаций, влияние которых на жизнедеятельность общества оказывается не меньшим, чем

воздействие органов общественного и государственного управления.

Свобода осуществления коммерческой деятельности, пропитанная гражданским правовым регулированием, в известной степени культивируется на принципе «разрешено все, что не запрещено законом». Исходя из такой свободы субъекты, занятые в сфере коммерческой деятельности, чаще подвержены рискам противоправного поведения, мотив которого основан на примате интересов собственника над социальной ответственностью.

В силу ряда объективных и субъективных причин экономически и социально сложноорганизованное общество сложилось в России только ко второй половине XIX в., поэтому необходимость криминализации посягательств на порядок управления в коммерческих и иных организациях была осознана несколько позже других экономически развитых стран. Однако даже за столь не продолжительное время был накоплен определенный теоретический и практический опыт, имеющий значение для дальнейшего развития правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Осмысление на протяжении полутора веков вопросов регламентации ответственности за «служебные преступления» привело к осознанию недопустимости отождествления службы в публичной сфере и службы, осуществляемой в частной сфере. Злоупотребления в сфере публичной и не публичной власти, несмотря на внешнее сходство и обоюдно высокую степень общественной опасности, имеют различную правовую природу, что необходимо учитывать в государственной политике противодействия рассматриваемым явлениям.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что появление в уголовном законодательстве России системы преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях имеет историческую и социальную обусловленность.

Пристатейный библиографический список

1. *Аносов И. И.* Злоупотребление доверием // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел юридический. Вып. 46. М. : Унив. тип., 1916.
2. Статистика по государственной регистрации ЮЛ и ИП в целом по Российской Федерации // ФНС России : сайт. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 20.05.2020).
3. Бизнес вырабатывает антитела к коронакризису // Эксперт : сайт. URL: <https://expert.ru/2020/06/11/statistika-demonstriruet-optimizm/> (дата обращения: 20.05.2020).
4. *Барышников М. Н.* История делового мира России. М. : Аспект Пресс, 1994.
5. *Тимошина Т. М.* Экономическая история России. М. : Филинь, 1998.
6. *Минькова А. М.* Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

7. Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права : в 4 т. Т. 2 : Преступления и проступки против собственности. СПб. : Тип. В. П. Воленса, 1876.
8. Трегубов С. Н. Лекции по особенной части русского уголовного права. Кн. 2. СПб. : Императорское училище правоведения, 1913.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (издание 1885 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
10. Уголовное уложение 1903 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
11. Уголовное уложение. Объяснения к проекту редакционной комиссии. Т. VII. СПб. : Гос. тип., 1897.
12. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 3-е изд. М. : Тип. В. М. Саблина, 1912.
13. Проступки и преступления по службе государственной и общественной / сост. А. В. Кенигсон. Ташкент, 1913.
14. Курский Д. И. К вопросу об издании Уголовного кодекса // Материалы Народного комиссариата юстиции. 1921. № 3.
15. Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. М. : Юриздат, 1948.
16. Гюнтер А. Р. Должностные преступления. Харьков : Юриздат, 1928.
17. Меньшагин В. Д. Уголовное право. Учебник для юридических школ. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1947.
18. Филановский И. Г. Борьба с злоупотреблениями по должности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1953.
19. Трайнин А. Н. Уголовное право. Часть особенная. Должностные и хозяйственные преступления. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.
20. Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. Проблемы законодательного закрепления и правоприменения. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2005.
21. Федоров А. Ю. Рейдерство и коррупция в органах судебной власти в России // Право и образование. 2010. № 7.

References

1. Anosov I. I. Abuse of Trust. In Scientific Notes of the Imperial Moscow University. Legal Department. Issue 46. Moscow: University Printing House, 1916.
2. Statistics on State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in General in the Russian Federation. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (date of the application: 20.05.2020).
3. Business Develops Antibodies to Coronacrisis. URL: <https://expert.ru/2020/06/11/statistika-demonstriruet-optimizm/> (date of the application: 20.05.2020).
4. Baryshnikov M. N. History of the Russian Business World. Moscow: Aspekt Press, 1994.
5. Timoshina T. M. Economic History of Russia. Moscow: Filin, 1998.
6. Minkova A. M. Criminal Liability for Abuse of Power in Commercial and Other Organizations: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Rostov-on-Don, 2002.
7. Nekliudov N. A. Guide to a Special Part of Russian Criminal Law. In 4 vols. Vol. 2: Crimes and Misconduct against Property. St. Petersburg: V. P. Volens' Printing House, 1876.
8. Tregubov S. N. Lectures on the Special Part of Russian Criminal Law. Book 2. St. Petersburg: Imperial School of Jurisprudence, 1913.
9. Code of Criminal and Correctional Punishments 1845 (edition 1885). URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (date of the application: 20.05.2020).
10. Criminal Code of 1903. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (date of the application: 20.05.2020).
11. Criminal Code. Explanations to the Draft of the Editorial Commission. Vol. VII. St. Petersburg: State Printing House, 1897.
12. Poznyshhev S. V. A Special Part of Russian Criminal Law. Comparative Sketch of the Most Important Departments of the Special Part of the Old and New Code. 3rd ed. Moscow: V. M. Sablin's Printing House, 1912.
13. Kenigson A. B. (comp.). Misdemeanors and Crimes in the Service of the State and Public. Tashkent, 1913.
14. Kurskii D. I. On the Publication of the Criminal Code. *Materials of the People's Commissariat of Justice*. 1921. No. 3.

15. *Utevskii B. S.* General Doctrine of Malfeasance. Moscow: Iurizdat, 1948.
16. *Gunther A. R.* Official Crimes. Kharkov: Iurizdat, 1928.
17. *Menshagin V. D.* Criminal Law: Textbook. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1947.
18. *Filanovskii I. G.* Fight Against Abuse of Office Under Soviet Criminal Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Leningrad, 1953.
19. *Trainin A. N.* Criminal Law. The Part Is Special. Official and Economic Crimes. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1938.
20. *Asnis A. Ia.* Criminal Liability for Service Crimes in Russia. Problems of Legislative Consolidation and Law Enforcement. Moscow: IurInfoR-Press, 2005.
21. *Fedorov A. Iu.* Raiding and Corruption in the Judiciary in Russia. *Law and Education*. 2010. No. 7.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕФИНИЦИЯ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-114-121>

Актуальность статьи объясняется необходимостью проведения унификации правовых норм, регламентирующих институт интеллектуальной собственности (в части изменения существующей дефиниции), для исключения разночтений при применении соответствующих норм права. Предмет настоящего исследования – законодательная дефиниция и существующие доктринальные подходы к определению понятия «интеллектуальная собственность». Цель исследования – на основе проанализированных источников предложить авторскую дефиницию понятия «интеллектуальная собственность», которая будет основана на системообразующих признаках, присущих интеллектуальной собственности. В настоящем исследовании в большей степени применен общеметодологический способ исследования – метод сравнительного анализа, относительно сравнения различных точек зрения относительно определения понятия «интеллектуальная собственность». В качестве иных методов исследования были применены наблюдение, интерпретация (эмпирические методы); анализ, индукция (общенаучные методы). В статье анализируются существующие подходы к определению понятия «интеллектуальная собственность», законодательство в области интеллектуальной собственности (советского и постсоветского периодов). Исследуется федеральное и региональное законодательство на предмет легального закрепления рассматриваемого понятия, отечественная правовая доктрина. По результатам настоящего исследования сделан вывод, что назвать закрепленное в ст. 1225 Гражданского кодекса РФ определение понятия «интеллектуальная собственность» достаточным трудно в связи с тем, что раскрывается термин путем указания перечня объектов интеллектуальной собственности посредством их перечисления без указания на признаки или особенности, по которым указанные объекты включены в соответствующий перечень, в связи с чем существует необходимость его конкретизировать; излагаются соответствующие рекомендации относительно изменения легального определения исследуемого понятия.

МАЛЫШЕВА
Ангелина Игоревна

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА
Минюста России) (г. Москва)

malysheva.angelina@yandex.ru

**Интеллектуальная
собственность;
результаты интеллектуальной
деятельности;
объекты интеллектуальной
собственности;
созидательная система;
интеллектуальные права;
понятийный аппарат**

Angelina I. MALYSHEVA

Postgraduate Student, Department
of Civil and Business Law, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

malysheva.angelina@yandex.ru

LEGISLATIVE DEFINITION AND DOCTRINAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF INTELLECTUAL PROPERTY

The relevance of the article is explained by the need to unify the legal norms governing the institution of intellectual property (in terms of changing the existing definition) to avoid discrepancies when applying the relevant legal norms. The subject of this study is the legislative definition and the existing doctrinal approaches to the definition of the concept of «intellectual property». The purpose of the study is to propose the author's definition of the concept of «intellectual property» based on the analyzed sources, which will be based on the system-forming features inherent in intellectual property. In this study, to a greater extent, the general methodological method of research is used – the method of

**Intellectual property;
results of intellectual activity;
objects of intellectual property;
creative system;
intellectual rights;
conceptual apparatus**

comparative analysis, regarding the comparison of different points of view regarding the definition of the concept of "intellectual property". Other research methods were used: observation, interpretation (empirical methods); analysis, induction (general scientific methods). The article analyzes the existing approaches to the definition of the concept of "intellectual property", legislation in the field of intellectual property (Soviet and post-Soviet period). The article examines the federal and regional legislation for the legal consolidation of the concept under consideration, as well as the domestic legal doctrine. According to the results of this study, it is concluded that to call the fixed in Article 1225 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation), the definition of "intellectual property" is difficult to define, due to the fact that the term is disclosed by specifying the list of intellectual property objects by listing them without indicating the signs or features for which these objects are included in the corresponding list, and therefore, there is a need to specify it and provide appropriate recommendations for changing the legal definition of the concept under study.

О необходимости установления терминологии и понятийного аппарата перед дискуссией говорил еще Вольтер: «Прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах» [1, с. 339]. Этот тезис представляется убедительным, ведь он основан на таком методе формальной логики как индукция, который предполагает постижение смысла общего через последовательное установление смысла частного. Иными словами, в первую очередь необходимо определить истинное значение исследуемых явлений и понятий для поступательного перехода от частного к общему, т.е. необходимо установить понятие исследуемого явления и его признаки, чтобы в последующем не ошибиться в определении его сущности.

В юридической литературе термин «понятийный аппарат» рассматривают как целостную систему суждений о ключевых аспектах и о сущности изучаемого объекта, которая, помимо прочего, представляет собой отправную точку каждого исследования [2, с. 8]. И исследовать понятийный аппарат представляется наиболее правильным в контексте истории его становления и развития в рамках той или иной правовой системы.

Указывает на «простойный» период использования результатов интеллектуальной деятельности, а соответственно, и их правовой охраны в советский период, что, как следствие, повлекло неоднозначное правопонимание рассматриваемых понятий на рубеже 2000-х гг., М. Волынкина [3, с. 5]. «Простой» подразумевает, что в советский период развития Российского государства результаты интеллектуальной деятельности были фактически необоротоспособны, или представляется более правильным применить другое словосочетание – изъятые из оборота из-за планового характера экономики.

В период становления российского авторского и патентного права (1994–2012 гг.), по мнению М. Волынкиной, нормы права интеллектуальной собственности были изолированы от норм гражданского права, а гражданское законодательство в части интеллектуальной собственности было разрознено.

В связи с этим представляется, что наибольшее правовое регулирование интеллектуальная собственность, как правовой институт, имеет в настоящее время (относительно ранее установленных норм права), а соответственно, и исследовать понятийный аппарат текущего периода представляется наиболее благоприятным. При этом нет необходимости доказывать то обстоятельство, что результаты интеллектуальной деятельности и интеллектуальная собственность подлежат правовой охране как на уровне национального, так и на уровне международного права.

Так, например, при обращении к международным правовым нормам необходимо отметить Конвенцию, учреждающую Всемирную организацию интеллектуальной собственности (14 июля 1967 г.; ратифицирована СССР в 1968 г.), которая в ст. 2 содержит понятие интеллектуальной собственности и раскрывает его посредством перечисления объектов, входящих в систему права интеллектуальной собственности [4]. При этом часть четвертая ГК РФ относительно закрепления понятия «интеллектуальной собственности», с точки зрения юридической техники, сотворена «по образу и подобию» норм указанной Конвенции.

Интерес представляет также Договор о Евразийском экономическом союзе (29 мая 2014 г.), стороной которого является Российская Федерация, устанавливающий определение понятия «интеллектуальная собственность» именно через понятие «объект

интеллектуальной собственности» посредством их перечисления и указания на то, что это могут быть и другие объекты, которым предоставляется правовая охрана в соответствии с международными договорами, международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов [5].

Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (9 сентября 1886 г.; Россия присоединилась к Конвенции постановлением Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № 1224) не использует в тексте понятие «интеллектуальная собственность», а лишь перечисляет признаки, ей присущие и объекты, ее представляющие [6].

Всемирная конвенция об авторском праве (заключена в г. Женеве 6 сентября 1886 г.) не использует понятие «интеллектуальная собственность» в буквальном смысле, а использует понятие «произведение», понимая под ним результат духовного творчества человека [7].

Возможно, определение понятия «интеллектуальная собственность» через перечисление объектов интеллектуальной собственности без указания системообразующих признаков этого понятия применяется для удобства в процессе нормотворчества. Хотя более логичным с точки зрения юридической техники было бы раскрытие термина через его признаки (творческий характер труда, новизна, объективированное выражение) с последующим перечислением объектов, входящих в рассматриваемое правовое явление следующим образом: «Интеллектуальная собственность (созданные человеком в процессе осуществления творческой деятельности ранее неизвестные объекты идеального мира, имеющие объективированное выражение и приравненные к ним средства индивидуализации) охраняется законом с момента создания или регистрации».

В Российской Федерации интеллектуальная собственность охраняется несколькими отраслями права – не только гражданским, но и конституционным, административным, налоговым, бюджетным, уголовным правом, что свидетельствует о межотраслевом характере данного правового института. Так, конституционное право России регулирует интеллектуальную собственность путем предоставления последней правовой охраны государством в установленном законом порядке и разграничивая предметы ведения Российской Федерации и субъектов, в том числе относительно интеллектуальной собственности.

Можно отметить также и отрасль уголовного права, которая регламентирует интеллектуальную собственность и правоотношения, по поводу нее возникающие, путем установления мер ответственности за совершение противоправных действий (преступлений) в рассматриваемой сфере (ст. 46 «Нарушение

авторских и смежных прав», ст. 47 «Нарушение изобретательских и патентных прав» Уголовного кодекса Российской Федерации).

Межотраслевой характер правового регулирования исследуемого правового института подтверждается и тем, что процессуальные отрасли права также регулируют правоотношения, складывающиеся по поводу интеллектуальной собственности, например, устанавливая подведомственность дел, связанных с применением части четвертой ГК РФ, устанавливая исключения из общего режима подведомственности (ст. 22 Гражданского процессуального кодекса РФ [8], ст. 34 Арбитражного процессуального кодекса РФ [9]).

Но отдельно отметить необходимо отрасль гражданского права, которая регламентирует основания возникновения, перехода и предоставления, прекращения, осуществления, защиты объектов интеллектуальной собственности, устанавливает критерии правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, критерии свободы в пользовании такими результатами, механизм распоряжения ими, специальные способы их защиты. Это ключевая отрасль права, регламентирующая рассматриваемый институт, которая в связи с этим и представляет особый интерес для исследования.

Гражданский кодекс РФ, а именно часть четвертая, открывает разд. VII, посвященный правовому регулированию результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации со ст. 1225, в которой перечислены охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. При этом разд. VII ГК РФ не содержит толкования самих рассматриваемых понятий, что является исключением из общей логики и структурированности ГК РФ. Так, представляется, что в основном ГК РФ в каждой части или разделе в первую очередь закрепляет определение того, что будет предметом регулирования того или иного раздела.

В связи с тем, что в ст. 1225 ГК РФ закреплено понятие «интеллектуальная собственность» посредством установления перечня результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, можно предположить, что в ст. 1225 указан перечень объектов интеллектуальной собственности, так как в широком смысле это объекты гражданских прав, а в узком смысле – объекты интеллектуальной собственности, включающие в себя результаты интеллектуальной деятельности.

Указанный вывод подтверждается также путем буквального толкования ст. 128 ГК РФ, посвященной объектам гражданских прав, в которой указаны помимо всего прочего: «охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)».

В ч. 1 ст. 2 ГК РФ, посвященной отношениям, регулируемым гражданским законодательством, при перечислении правоотношений, которые регулируются гражданским законодательством, указаны «права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальные права)».

Если исходить из буквального и грамматического толкования рассматриваемой нормы права, то понятие «интеллектуальные права», указанное в фигурных скобках следующим образом («интеллектуальные права») – шире понятий «права на результаты интеллектуальной деятельности» и «приравненные к ним средства индивидуализации» и, даже, включает их в себя.

Интересным представляется мнение Е. А. Кузнецовой, которая указывает, что «скобки представляют собой особые структурно-смысловые отношения, при помощи которых законодатель использует возможность использовать параллельные термины (термины-синонимы) и фактически одна дефиниция в тексте нормативного правового акта сопровождается два термина, тем самым в определенной степени нивелируются различительные семантические признаки двух языковых единиц» [10, с. 40].

Соответственно, ГК РФ лишь косвенно определяет понятие «интеллектуальная собственность» посредством перечисления охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, из чего следует, что результаты интеллектуальной деятельности – это часть интеллектуальной собственности, т.е. понятие «результат интеллектуальной деятельности» более узкое, чем понятие «интеллектуальная собственность».

Закрепляя определение амортизируемого имущества, Налоговый кодекс РФ (часть вторая), указывает, что это могут быть результаты интеллектуальной деятельности и иные объекты интеллектуальной собственности, т.е. в данном случае «результаты интеллектуальной деятельности» понятие более узкое по сравнению с понятием «объекты интеллектуальной собственности» [11].

Отметим, что легальное закрепление более полного определения понятия «интеллектуальная собственность» отсутствует на уровне действующих федеральных нормативных правовых актов. В связи с этим возникает необходимость исследовать ранее действующие источники права, регулирующие прямо или косвенно право интеллектуальной собственности.

Первое применение термина «интеллектуальная собственность» можно обнаружить в Законе СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР», который в ст. 2 устанавливал необходимость применения к отношениям по созданию и использованию изобретений, открытий, произведений науки, литературы, искусства и других объектов интеллектуальной

собственности специального законодательства Союза ССР, союзных и автономных республик [12].

В Законе РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» было развито положение об интеллектуальной собственности путем перечисления, более подробно, объектов интеллектуальной собственности, установления видов специальных прав на них (имущественных и личных неимущественных прав авторов) и установления нормы права, которая регулирует названные правоотношения (авторское право и иные акты гражданского законодательства, нормы межправительственных соглашений) [13].

Последующее закрепление места понятия «интеллектуальная собственность» можно обнаружить в Конституции РФ в ч. 1 ст. 44, которая устанавливает, что интеллектуальная собственность охраняется законом [14].

Исследовав действующие федеральные источники и ранее действовавшие источники права интеллектуальной собственности, отметим, что легитимное определение понятия интеллектуальная собственность установленное в ГК РФ в ст. 1225 сложно признать достаточным и полным, в связи с чем, существует необходимость его конкретизировать.

Отдельно следует отметить отсутствие на уровне законодательства субъектов РФ применения определения понятия «интеллектуальная собственность», при этом само понятие «интеллектуальная собственность» встречается достаточно часто, порой, через указание понятий «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации», т.е. через составные части, например, в следующем контексте:

Закон Калужской области от 26 декабря 2014 г. № 660-ОЗ «О выборах депутатов Законодательного Собрания Калужской области» в ч. 2 ст. 43 запрещает агитацию, нарушающую законодательство РФ об интеллектуальной собственности [15].

Закон Калужской области от 28 октября 2011 г. № 193-ОЗ «О Контрольно-счетной палате Калужской области» в ч. 5 ч.1 ст. 9 закрепляет среди полномочий Контрольно-счетной палаты Калужской области контроль за соблюдением установленного порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в государственной собственности Калужской области, в том числе охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации, принадлежащими Калужской области [16].

В постановлении Правительства Калужской области от 16 марта 2017 г. № 115 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Город Обнинск» как наукограда Российской Федерации на 2017–2025 годы» упоминается о том, что организациями научно-производственного комплек-

са и резидентами муниципальных бизнес-инкубаторов в 2016 г. было получено 149 охранных документов (патентов, свидетельств) на интеллектуальную собственность по результатам научно-технической деятельности [17].

В доктрине, напротив, встречается множество различных подходов к определению понятия «интеллектуальная собственность». Так, например, Н. Д. Эришвили, П. В. Алексей, Т. М. Аникеева, Р.А. Курбанов полагают, что интеллектуальная собственность – это «полученные в результате творческого, интеллектуального труда человека произведения литературы, науки, искусства программные продукты, изобретения и промышленные образцы, секреты производства и другие охраняемые законом и выраженные в объективной форме результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые, в свою очередь, являются объектами интеллектуальных прав и относятся к интеллектуальной собственности» [18, с.151]. Указанные авторы также отмечают, что, по сути, другое наименование интеллектуальной собственности – сами исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности.

Соответственно, Н. Д. Эришвили, П. В. Алексей, Т. М. Аникеева, Р. А. Курбанов придерживаются концепции определения интеллектуальной собственности через перечисление ее объектов и прав на них. Отметим, что по этому же пути пошел и российский законодатель.

О. Н. Фомина указывает, что «ст. 1225 ГК РФ определяет интеллектуальную собственность как результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана в соответствии с российским законодательством» [19, с. 13].

Философское определение предлагает С. А. Судариков: «интеллектуальная собственность: это установленное юридическими законами право некоторых лиц на результаты интеллектуальной деятельности этих же или иных лиц» [20, с. 7].

Указанные авторы (О. Н. Фомина и С. А. Судариков) избрали при определении понятия «интеллектуальная собственность» концепцию, которая предполагает раскрытие его содержания через предоставление результатам интеллектуальной деятельности правовой охраны.

Интерес представляет позиция Э. П. Гаврилова, который обращает внимание на то, что «мало того, в связи с тем, что сам термин «интеллектуальная собственность» традиционно рассматривается как условный, собирательный, применимый лишь для целей краткого обозначения особой совокупности прав, возникающих в отношении ряда объектов интеллектуальной деятельности, в последние десяти-

летия сложилась устойчивая тенденция к его вытеснения из текстов законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, в которых предпочтение отдается использованию таких терминов, как «права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», «исключительные права» и др.» [21, с. 21]. Представляется, что Э. П. Гаврилов слишком серьезно и требовательно подходит к определению понятия «интеллектуальная собственность», но его мнение действительно подтверждается проведенным выше анализом нормативных правовых актов на предмет закрепления определения понятия «интеллектуальная собственность».

О несостоятельности закрепленного в ст. 1225 ГК РФ понятия говорят А. А. Богустов, В. Н. Гломина, М. А. Рожкова в монографии «Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права», при этом С. Н. Гаврюшкин не упоминает о его возможной несостоятельности [22, с. 27].

По мнению В. А. Дозорцева, «термин «интеллектуальная собственность» представляется юридически недостаточно корректным» [23, с. 3]. Это объясняется тем, что, используя понятие «собственность», может быть создано неправильное впечатление о применении к результатам интеллектуальной деятельности правового режима, который установлен для права собственности.

В. А. Дозорцев и О. В. Ревинский объясняли применение в отечественном законодательстве термина «интеллектуальная собственность» неудачным заимствованием термина «*intellectual property*» из английского языка, в котором слово «*property*» означает, помимо прочего, и «имущество», но при использовании указанного термина в отечественном законодательстве был избран перевод «собственность», что, по мнению указанных авторов, «влечет за собой очень узкий подход к понятию «имущество». С точки зрения названных авторов, использование в российском законодательстве понятия «интеллектуальная собственность» менее верно, чем «интеллектуальное имущество».

Таким образом, в правовой доктрине в основном можно выделить следующие подходы к определению понятия «интеллектуальная собственность»: первый подход заключается в последовательном перечислении объектов интеллектуальной собственности; второй подход основан на том, что рассматриваемое понятие определяется через указание на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации как общую дефиницию (без конкретизации таких результатов или средств); третий подход – симбиоз первых двух подходов, когда понятие «интеллектуальная собственность» раскрывается путем перечисления объектов интеллектуальной собственности и ссылкой на результаты интеллекту-

альной деятельности и средства индивидуализации. При этом все позиции можно назвать единообразными, так как по своей сути результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации есть объекты интеллектуальной собственности.

Легальное закрепление определения понятия «интеллектуальная собственность», которое следует из ст. 1225 ГК РФ, основано на третьем подходе – «симбиозе первых двух подходов» и состоит в том, что законодатель последовательно перечисляет объекты интеллектуальной собственности и отсылает правоприменителя к результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации. Назвать достаточным закрепленное в ст. 1225 ГК РФ определение трудно в связи с тем, что раскрывается оно путем указания перечня объектов интеллектуальной собственности посредством их простого перечисления без указания на ключевые признаки или характерные особенности, по которым указанные объекты включены в соответствующий перечень, в связи с чем, существует необходимость его конкретизировать, изложив ч. 2 ст. 1225 ГК РФ посредством

указания на такие признаки, как создание человеком в процессе осуществления творческой деятельности; новизна; объективированное выражение.

Аналогичную проблему можно обнаружить и на уровне законодательства субъектов РФ, в котором понятие «интеллектуальная собственность» вовсе не раскрывается, при том что сам термин встречается достаточно часто, а порой через указание понятий «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации», т.е. через составные части без указания на признаки или особенности, по которым указанные объекты относятся к результатам интеллектуальной деятельности или к средствам индивидуализации.

Представляется, что уточнение и дополнение легального определения, закрепленного в ст. 1225 ГК РФ, ключевыми признаками и характерными особенностями (создание человеком в процессе осуществления творческой деятельности; новизна; объективированное выражение) на уровне ГК РФ могло бы исключить указанную проблему и на уровне регионального законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. 5-е изд. М. : Дело, 2020.
2. Право интеллектуальной собственности : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н. М. Коршунов, Н. Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
3. Волюнкина М. Институт интеллектуальной собственности : вчера, сегодня, завтра // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2013. № 11.
4. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (с изм. от 2 октября 1979 г.) // Публикация № 250(R). Женева : Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1974.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе (в ред. от 1 октября 2019 г.) // Официальный портал правовой информации России : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
6. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (в ред. от 28 сентября 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.
7. Всемирная конвенция об авторском праве (заключена в г. Женеве 6 сентября 1952 г.) // СП СССР. 1973. № 24. Ст. 139.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г., с изм. от 12 января 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
10. Кузнецова Е. А. Скобки в тексте правового документа как лингвистический феномен // Вестник МГОУ. Серия : Русская филология. 2015. № 3.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 января 2021 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
12. Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 (с изм. от 24 декабря 1990 г.) «О собственности в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164.
13. Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами «О поправках к Конституции Российской Федерации» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416; № 27. Ст. 4196.

15. Закон Калужской области от 26 декабря 2014 г. № 660-ОЗ (в ред. от 26 ноября 2020 г.) «О выборах депутатов Законодательного Собрания Калужской области» (принят постановлением Законодательного собрания Калужской области от 18 декабря 2014 г. № 1269) // Законодательное собрание Калужской области : сайт. URL: <http://www.zskaluga.ru> (дата обращения: 15.04.2021).

16. Закон Калужской области от 28 октября 2011 г. № 193-ОЗ (в ред. от 23 октября 2019 г.) «О Контрольно-счетной палате Калужской области» (принят постановлением Законодательного собрания Калужской области от 20 октября 2011 г. № 400) (вместе с «Положением об удостоверении председателя, заместителя председателя и аудитора Контрольно-счетной палаты Калужской области») // Весть. 2011. 29 октября. № 405.

17. Постановление Правительства Калужской области от 16 марта 2017 г. № 115 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Город Обнинск» как наукограда Российской Федерации на 2017–2025 годы» // Официальный портал правовой информации России : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).

18. Гражданское право : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. А. Н. Кузбагарова, В. Н. Ткачева. 6-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019.

19. Фомина О. Н. Право интеллектуальной собственности : учебное пособие. М. : РПА Минюста России, 2014.

20. Судариков С. А. Право интеллектуальной собственности : учебник. М. : Проспект, 2010.

21. Гаврилов Э. П. Развитие права интеллектуальной собственности в России // Патенты и лицензии. 2019. № 1.

22. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права : монография / под общ. ред. М. А. Рожковой. М. : Статут, 2018.

23. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие, система, задачи кодификации : Сборник статей. М. : Статут, 2003.

References

1. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law. 5th ed. Moscow: Delo, 2020.
2. Korshunov N. M., Eriashvili N. D. (eds.). Intellectual Property Law: Textbook for University Students Enrolled in the Specialty "Jurisprudence". Moscow: Unity-Dana, 2017.
3. Volynkina M. Institute of Intellectual Property: Yesterday, Today, Tomorrow. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2013. No. 11.
4. Convention Establishing the World Intellectual Property Organization (as amended by 2 October 1979). Publication No. 250 (R). Geneva: World Intellectual Property Organization, 1974.
5. Treaty on the Eurasian Economic Union (as amended by 1 October 2019). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 15.04.2021).
6. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 9 September 1886 (as amended by 28 September 1979). *Bulletin of International Treaties*. 2003. No. 9.
7. Universal Copyright Convention (concluded in Geneva on 6 September 1952). *Collection of Decrees of the Government of the USSR*. 1973. No. 24. Art. 139.
8. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14 November 2002 No. 138-FZ (as amended by 12 January 2021). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 46. Art. 4532.
9. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ (as amended by 8 December 2020). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 30. Art. 3012.
10. Kuznetsova E. A. Brackets in the Text of a Legal Document as a Linguistic Phenomenon. *Vestnik MGOU. Series: Russian Philology*. 2015. No. 3.
11. Tax Code of the Russian Federation (part two) of 5 August 2000 No. 117-FZ (as amended by 29 December 2020). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2000. No. 32. Art. 3340.
12. Law of the USSR of 6 March 1990 No. 1305-I (as amended by 24 December 1990) "On Property in the USSR". *Bulletin of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR*. 1990. No. 11. Art. 164.
13. Law of the RSFSR of 24 December 1990 No. 443-I "On Property in the RSFSR". *Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1990. No. 30. Art. 416.
14. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) (taking into account the amendments introduced by the federal constitutional laws "On Amendments to the Constitution of the Russian Federation" of 30 December 2008 No. 6-FKZ, 30 December 2008 No. 7-FKZ, 5 February 2014 No. 2-FKZ, 21 July 2014 No. 11-FKZ, 14 March 2020 No. 1-FKZ). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 11. Art. 1416; No. 27. Art. 4196.

15. Law of the Kaluga Region of 26 December 2014 No. 660-OZ (as amended by 26 November 2020) "On the Election of Deputies to the Legislative Assembly of the Kaluga Region" (adopted by the Resolution of the Legislative Assembly of the Kaluga Region of 18 December 2014 No. 1269). URL: <http://www.zskaluga.ru> (date of the application: 15.04.2021).

16. Law of the Kaluga Region of 28 October 2011 No. 193-OZ (as amended by 23 October 2019) "On the Control and Accounts Chamber of the Kaluga Region" (adopted by the Resolution of the Legislative Assembly of the Kaluga Region of 11 October 2011 No. 400) (together with the "Regulations on the certificate of the chairman, deputy chairman and auditor of the Control and Accounts Chamber of the Kaluga Region"). *News*. 29 October 2011. No. 405.

17. Decree of the Government of the Kaluga Region of 16 March 2017 No. 115 "On Approval of the Strategy of Socio-Economic Development of the Municipal Formation of the Urban District 'City of Obninsk' as a Science City of the Russian Federation for 2017–2025". URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 15.04.2021).

18. *Kuzbagarov A. N., Tkachev V. N. (eds.). Civil Law: Textbook for University Students Studying in the Direction of "Jurisprudence". 6th ed. Moscow: Unity-Dana, 2019.*

19. *Fomina O. N. Intellectual Property Law: Tutorial. Moscow: RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2014.*

20. *Sudarikov S. A. Intellectual Property Law: Textbook. Moscow: Prospekt, 2010.*

21. *Gavrilov E. P. Development of Intellectual Property Rights in Russia. Patents and Licenses. 2019. No. 1.*

22. *Rozhkova M. A. (ed.). The Civil Concept of Intellectual Property in the System of Russian Law: Monograph. Moscow: Statut, 2018.*

23. *Dozortsev V. A. Intellectual Rights. Concept, System, Tasks of Codification: Collection of Articles. Moscow: Statut, 2003.*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
«КУРС УГОЛОВНОГО ПРАВА: В 5 Т. ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.
Т. 3 / ПОД НАУЧ. РЕД. И.О. ГРУНТОВА,
А.В. ШИДЛОВСКОГО. МИНСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
БГУ, 2021. 840 С.»**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-122-124>

Автором в статье очерчены особенности, структура, научная новизна и другие отличительные особенности третьего тома пятитомного «Курса уголовного права» под научной редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь И.О. Грунтова, кандидата юридических наук, доцента А.В. Шидловского. В завершение рецензент приходит к выводу, что издание представляет значительный интерес для российского читателя (как для развития теории уголовного права, так и для правоприменительной практики).

**НАУМОВ
Анатолий Валентинович**

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ, профессор
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)
yasenaum34@mail.ru

**Уголовное право;
Особенная часть;
И. О. Грунтов;
А. В. Шидловский;
Республика Берусь**

Anatoly V. NAUMOV

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Scientist of the Russian
Federation, Professor at All-Russian
State University of Justice (Moscow)
yasenaum34@mail.ru

**REVIEW OF THE BOOK "THE COURSE OF CRIMINAL LAW.
IN 5 VOLS. SPECIAL PART. VOL. 3 / ED. BY I.O. GRUNTOV,
A.V. SHIDLOVSKII. MINSK: BSU PUBLISHING CENTER,
2021. 840 P."**

The author outlines the features, structure, scientific novelty and other distinctive features of the third volume of the five-volume "Course of Criminal Law" under the scientific editorship of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus I.O. Gruntov, candidate of legal sciences, associate professor A.V. Shidlovskii. In conclusion, the reviewer concludes that the publication is of significant interest to the Russian reader (both for the development of the theory of criminal law and for law enforcement practice).

**Criminal law;
special part;
I. O. Gruntov;
A. V. Shidlovskii;
Republic Belarus**

Совсем недавно, в 2019 г., в российской научной печати был отрецензирован том первый «Курса уголовного права в пяти томах» («Учение о преступлениях»), подготовленного белорусскими криминалистами [см.: 1, с. 123–127]. Сегодня наших коллег можно поздравить с новым творческим успехом, свидетельствующим о том, что наука уголовного права соседней (в полном смысле братской) Республики успешно развивается. Из печати вышел том третий указанного формата для российских юристов интересно по ряду причин. Во-первых, в связи с тем, что уголовное право (как законодательство, так и наука) наших стран, с одной стороны, достаточно близко по своим исходным принципам, что вполне объяснимо нашей общей историей (в том числе и уголовного права), а с другой стороны, имеет место определенная специфика

содержания белорусского законодательства и науки, что расширяет доктринальное «поле» отечественного уголовного права и позволяет пересмотреть некоторые вполне устоявшиеся у нас подходы к решению соответствующих вопросов и в правотворческом (законодательном плане). Во-вторых, тесным сотрудничеством наших стран на постсоветском пространстве, хотя бы в рамках Таможенного союза и ЕврАзЭС, и в связи с этим решением многих общих задач, в том числе и в противодействии современной преступности уголовно-правовыми средствами. Уже то, что «Курс» издается на русском языке, свидетельствует в этом отношении о многом.

Рецензируемый том «Курса» структурно состоит из трех разделов. Первый включает в себя главы: о понятии, значении и системе Особенной части уголовного права, а также о теоретических основах квалификации преступлений. Второй и третий разделы

посвящены анализу преступлений против мира, безопасности человечества и военных преступлений, а также преступлений против человека, что соответствует системе Особенной части Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь.

С общетеоретических позиций определенная научная новизна рецензируемого тома «Курса» нам видится в рассмотрении следующих вопросов: в первую очередь определение самого понятия Особенной части уголовного законодательства Республики. «С позиции охвата всего предметного комплекса Особенную часть белорусского уголовного права можно определить как систему норм, устанавливающих исчерпывающий перечень конкретных видов преступлений и предусмотренных за их совершение наказаний (*нормы-запреты*); раскрывающих содержание и смысл отдельных уголовно-правовых понятий и категорий (*нормы-определения или общезначимые нормы, нормы разъяснения*); регламентирующих основания и условия освобождения от уголовной ответственности за совершение некоторых умышленных преступных посягательств (*поощрительные и стимулирующие нормы*)». Российского юриста конечно же не может не заинтересовать удачное «помещение» в текст общего определения Особенной части таких его «атрибутов», как достаточно удачная попытка определения возможных разновидностей уголовно-правовых норм, образующих Особенную часть, раскрывающих предмет и метод уголовно-правового регулирования (с учетом как охранительных, так и регулятивных его задач).

Авторы далеки от того, чтобы признать систему Особенной части УК Республики Беларусь (1999 г.) лишенной недостатков, что лишь повышает убедительность их теоретических воззрений. Они добросовестно указывают на то, что за 20-летнюю правоприменительную практику в УК было внесено более 200 поправок, что справедливо оценивается как «утрата должной системности как необходимого условия эффективного применения уголовного закона». Заслуживают внимания и такая авторская характеристика указанного недостатка правотворческого процесса и поставленный в «Курсе» «диагноз» такого рода ошибок законодателя: «Стремление законодателя усовершенствовать систему Особенной части путем дробления специальных норм стало приводить к излишнему нагромождению формулировок внутри самой Особенной части (путанице в квалификации деяний, и иногда непреодолимой конкуренции между собой и противоречивости. Попытки установить уголовную ответственность путем конструирования большего количества специальных уголовно-правовых норм при наличии в УК общих составов, охватывающих соответствующие деяния, указывают на бессистемный и необоснованный процесс крими-

нализации с целью заполнить новыми уголовно-правовыми запретами мнимые пробелы в законе». Это тот случай, когда хотелось бы, чтобы и наш российский законодатель «услышал» такие советы преодоления определенной «болезни», характерной для правотворческого процесса и нашего «родного» процесса (уж очень они совпадают!).

Заслуживает внимания и формулирование в «Курсе» *правил квалификации преступлений*. Последние «выстроены» следующим образом:

«1) правила квалификации единого преступления, связанные с основаниями уголовной ответственности, предусмотренными в ст. 10 УК (оконченное единичное преступление: с простым и со сложным составом; неоконченное преступление: приготовление к преступлению, покушение на преступление; соучастие в преступлении);

2) правила квалификации при множественности преступлений: при повторности преступлений (ст. 41 УК), при повторности преступлений, не образующей совокупности (ст. 71 УК), при совокупности преступлений (ст. 42, 72 УК), при рецидиве преступлений (ст. 43, 65 УК);

3) правила квалификации при наличии признаков административной (дисциплинарной) преюдиции;

4) правила квалификации при применении бланкетных уголовно-правовых норм;

5) правила квалификации деяний, влекущих уголовную ответственность по требованию (заявлению) потерпевшего;

6) правила квалификации при конкуренции общей и специальной норм».

Следует отметить, что формулирование указанных правил делается на основе теоретических исследований на эту тему, получивших развитие в трудах белорусских ученых, с учетом классических на этот счет работ российских авторов в советский и постсоветский периоды развития общества (например, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой).

Для российского читателя значительный интерес представляют разделы «Курса», освещающие историю уголовного законодательства Республики Беларусь, в первую очередь содержащиеся в международных договорах XII–XIII вв., которые заключались белорусскими княжествами (например, Договор 1229 г. Полоцкого, Витебского и Смоленского княжеств), Судебник Великого Княжества Литовского 1468 г., Статуты Великого Княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. Это же касается и анализа теоретических работ по Особенной части уголовного права, созданных и опубликованных как в советской Белоруссии, так и в Республике Беларусь. Примечательно, что рецензируемый третий том «Курса» посвящается 100-летию со дня рождения выдающегося советского и белорусского ученого-криминалиста, участника Ве-

ликой Отечественной войны, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры уголовного права юридического факультета БГУ с 1947 по 1992 г. Иосифа Исааковича Горелика (1921–2008), автора таких известных, входящих в классику белорусской литературы по уголовному праву произведений, как «Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву» (М., 1960), «Правовые аспекты пересадки органов и тканей» (Минск, 1961), «Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья» (Минск, 1973) и др.

Во втором и третьем разделах рецензируемого тома «Курса», как уже отмечалось, анализируются преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления (гл. 3), а также преступления против человека (гл. 4–10). В гл. 3 обратим

внимание на § 1 («Имплементация норм международного права в уголовное законодательство Республики Беларусь», что является достаточно проблемным и для российского уголовного законодательства), а в третьем разделе Курса – на рассмотрение исторического развития соответствующих уголовно-правовых норм в Белоруссии (в особенности в гл. 4, 8, 10). В целом рассмотрение указанных проблем выполнено в соответствии с действующей системой Особенной части УК Республики Беларусь.

В заключение вновь укажем на то, что рецензируемое издание представляет значительный интерес для российского читателя (как для развития теории уголовного права, так и для правоприменительной практики).

Пристатейный библиографический список

Наумов А. В. Рецензия на «Курс уголовного права. В 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. И.О. Грунтова и А.В. Шидловского. Минск: Изд. Центр БГУ, 2018. 863 с.» // Уголовное право. 2019. № 2.

References

Naumov A. V. Review of the “Course of Criminal Law. In 5 vols. General Part. Vol. 1: Teaching About Crime / Ed. by I.O. Gruntov, A.V. Shidlovskii. Minsk: BSU Publishing Center, 2021. 863 p.”. *Criminal Law*. 2019. No. 2.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

ВАДА – Всемирное антидопинговое агентство

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАИ – Госавтоинспекция

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

МВД – Министерство внутренних дел

МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минфин России – Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России – Министерство юстиции Российской Федерации

млн – миллион (-ы)

МЧС России – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО – Организация Североатлантического договора

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

ОВД – органы внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

п. – пункт (-ы)

Рособрнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Роспотребнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СЗ – Собрание законодательства

СНК – Совет народных комиссаров

ст. – статья (-и)

СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

США – Соединенные Штаты Америки

УИС – уголовно-исполнительная система

ч. – часть (-и)

ЮАР – Южно-Африканская Республика

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования. Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- объем – не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного пристатейного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах.

Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянцевать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: <http://journal.rpa-mu.ru>.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 2 / 2021

Редактор: *О.В. Виноградова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 30.09.2021. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 16.
Бумага офсетная, шрифт Muirad Pro.
Заказ №

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 6025.
E-mail: journal@rpa-mjust.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
119330, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Раменки,
Мичуринский пр., дом 6, корп. 1, кв. 39
Тел.: +7 (495) 649-18-06
E-mail: o.leporskiy@ds-publishing.ru

Типография:
АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32.
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

ISSN 2072-9936

9 772072 993603

